

ДИАНА ГЭБЛДОН

Барабаны осени

История, ставшая
культовым сериалом «Чужестранка»

Чужестранка. Сериал по романам
Дианы Гэблдон в одном томе

Диана Гэблдон
Барабаны осени

«ЭКСМО»

1997

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гэблдон Д.

Барабаны осени / Д. Гэблдон — «Эксмо», 1997 — (Чужестранка. Серилал по романам Дианы Гэблдон в одном томе)

ISBN 978-5-04-185085-2

История великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера завоевала сердца миллионов читателей во всем мире и стала культовым сериалом XXI века. Клэр и Джейми предстоит начать новую жизнь в Северной Каролине, и ради своего счастья влюбленные готовы на все. Их жизни окажутся на волоске от смерти, но загадочный гость из будущего знает, как помочь. Брианна отправляется в прошлое, чтобы воссоединиться с родителями, однако счастливую встречу омрачает новость о Роджере, который попал в плен. Времени на спасение остается все меньше, а значит, нужно спешить назад в будущее. «Исторический роман в лучшем его исполнении». – San Antonio Express-News «Незабываемые персонажи...» – The Cincinnati Post История, ставшая культовым сериалом «Чужестранка»!

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-185085-2

© Гэблдон Д., 1997

© Эксмо, 1997

Содержание

Книга 1	8
Пролог	8
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	23
Часть 2	40
Глава 3	40
Глава 4	48
Глава 5	56
Часть 3	60
Глава 6	60
Глава 7	66
Глава 8	78
Глава 9	91
Часть 4	103
Глава 10	103
Глава 11	122
Глава 12	129
Глава 13	137
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Диана Гэблдон Барабаны осени

Diana Gabaldon
DRUMS OF AUTUMN
Copyright © 1997 by Diana Gabaldon

© Гусакова К., Бабурова Г., Парахневич Е., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2022

* * *

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Чужестранка

Стрекоза в янтаре

Путешественница

Барабаны осени

Огненный крест

Дыхание снега и пепла

Эхо прошлого

Написано кровью
моего сердца

ДИАНА
ГЭБЛДОН
Барабаны осени

Москва
2022

*Так уж вышло, что в этой книге много говорится об отцах,
поэтому посвящаю ее своему отцу,
Тони Гэблдону,
который тоже любит рассказывать истории*

Книга 1

На пороге неизведанного

Пролог

Я не боюсь призраков. В конце концов, они всегда рядом. Смотрю в зеркало – в ответ глядят глаза матери. На губах – улыбка прабабушки, соблазнившая прадеда, благодаря чему потом, в итоге, и появилась я.

Так зачем же мне страшиться касаний бесплотных рук, исполненных необъяснимой любовью? Зачем мне робеть перед теми, кто меня породил, заложил в мою плоть частичку себя?

Еще меньше пугают те, кто мимолетно касается разума. Любая библиотека полна ими. Возьму книгу с пыльной полки – и тут же окажусь в плену мыслей людей, давно умерших, но как никогда живых на шелестящих страницах.

Они, такие родные, совсем не похожи на духов, что не дают нам ночами спать. Оглянись, поднеси свет, разгони тьму. Прислушайся к эху шагов за спиной, когда идешь в одиночку.

Призраки все время витают вокруг, проносятся сквозь нас, скрываются в будущем. Из зеркала, сквозь годы, смотрят тени чужих лиц. В пустых дверях застывают зыбкие фигуры. Своей кровью, своим выбором мы создаем призраков. Мы сами себя мучим.

Всякий призрак приходит незванным из туманных земель грез и тишины. Умом мы понимаем: «Нет, такого не бывает». А нечто другое, древнее, шепчет из темноты: «Да, но может?..»

Наше появление и смерть окутаны тайной, а в промежутке мы пытаемся забыть наших призраков. Однако иногда по комнате пролетает ветерок и нежно ерошит мне волосы. Наверное, это моя мать.

Часть 1

О дивный новый мир

Глава 1

Висельник в Эдеме

Чарльстон, июнь 1767 года

Бой барабанов стал слышен задолго до того, как показались солдаты. Грохот отдавался у меня внутри, словно там, под кожей, тоже пустота, и несся над толпой – жесткий, военный ритм, который должен заглушать и гомон, и выстрелы. Люди замолкали, поворачивая головы к Ист-Бей-стрит, тянущейся от недостроенной таможни до Уайтпойнт-парка.

В этот невыносимо жаркий день, какие даже в июне здесь редкость, лучшие зрительские места были на дамбе, где дул хоть какой-то ветерок. А тут, внизу, люди рисковали спечься заживо. Платье на мне вымокло насквозь, хлопковый корсаж прилип к груди. Я в десятый раз за столько же минут вытерла пот с лица и приподняла тяжелые волосы. Может, так шея хоть чуть-чуть остынет?..

Шея... Кстати, о виселице. Я неосознанно обхватила ладонью основание своей шеи. Под пальцами, в сонной артерии, в такт барабанам бился пульс. Горячий, влажный воздух застревал в горле, словно ком.

Я быстро опустила руку и как можно глубже вдохнула. Зря... Мужчина передо мной, наверное, с месяц не мылся. Край шейного платка темнел от грязи, а от одежды несло плесенью слишком резко даже в потной толпе. Аромат свежего хлеба и запах горячего свиного жира с прилавков смешивался с вонью гниющих водорослей, и облегчение приносил только просоленный ветерок из гавани.

Дети глазели по сторонам, временами выбегая из тени дубов и карликовых пальм, чтобы посмотреть, что же там, в конце улицы, а встревоженные родители звали их обратно. У девчонки, что стояла ко мне ближе всех, шея была тоненькая, хрупкая, словно стебелек.

Толпа возбужденно загомонил: появилась процессия. Бой барабанов стал громче.

– Где он? – бормотал Фергус, тоже вытягивая шею в ту сторону. – Как знал, что надо было с ним идти!

– Придет.

Хотелось встать на цыпочки, однако я не рискнула – это как-то унижительно. Впрочем, я все же оглянулась. Джейми легко различить в толпе: он возвышается над всеми почти на голову, а его волосы отливают в лучах солнца красноватым золотом. Но Джейми я не увидела – только качающееся море чепчиков и треуголок, спасавших от жары тех, кто пришел, когда все места в тени уже заняли.

Сперва мимо возбужденной толпы пронесли знамена Великобритании и королевской колонии Южной Каролины. Затем еще одно – с фамильным гербом местного губернатора.

Затем появились барабанщики. Парами, нога в ногу, выбивая палочками медленный, неумолимый ритм. Безжалостный бой барабанов заглушал прочие звуки.

Следующими показались солдаты в красных мундирах, а между ними – осужденные. Все трое брели со связанными спереди руками. Кольца железных ошейников соединяла цепь. Первый узник, пожилой и ободранный человечек, шатался настолько, что священнику в темных одеждах пришлось схватить его под руку.

– Это Гэвин Хэйз? Он не здоров? – пробормотала я, обращаясь к Фергусу.

– Он пьян, – раздался тихий голос.

Я рывком обернулась. Рядом стоял Джейми, не сводя глаз с жалкой процессии.

Из-за едва держащегося на ногах старика движение стопорилось. Прикованные к нему узники сбивались с шага, пытаясь не упасть. Как будто три пьяницы тащатся домой из ближайшей таверны; совсем не под стать мрачной торжественности всего действия. Сквозь бой барабанов прорывались крики и насмешки зрителей, высыпавших на кованные балконы домов.

– Твоя работа? – поинтересовалась я тихонько, чтобы не привлечь внимание. На самом деле я могла орать и размахивать руками – люди не отрывались от разыгравшейся посреди улицы сцены.

Я скорее почувствовала, чем увидела, как Джейми пожал плечами.

– Выполнил его просьбу. Больше ничем не мог помочь.

– Бренди или виски? – полюбопытствовал Фергус, оценивая Хэйза наметанным глазом.

– Он шотландец. – Джейми говорил спокойно и не менялся в лице, но я расслышала в его голосе напряженные нотки. – Виски, конечно.

– Мудро. Если повезет, то вообще не заметит, как его вздернут, – пробормотал Фергус.

Старик выскользнул из хватки священника и шлепнулся лицом вниз на пыльную дорогу, из-за чего второй узник рухнул на колени. Третий же, высокий молодой человек, устоял, но зашатался, отчаянно пытаясь удержать равновесие. Толпа взвыла от восторга.

Лицо капитана охраны, в обрамлении белого парика и металлического горжета, пылало от ярости и жаркого солнца. Он пролаял приказ, и солдат поспешно снял с приговоренных общую цепь. Еще двое красных мундиров грубым рывком поставили Хэйза на ноги, и процессия, восстановив подобие порядка, двинулась дальше.

Усмешки стихли, когда она подошла к виселице – запряженной мулами подводе под сенью огромного дуба. Барабанная дробь отзывалась дрожью земли. Меня слегка тошнило от жары и вони. Дробь резко смолкла. В ушах зазвенела тишина.

– Не смотри, саксоночка, – прошептал Джейми. – Ступай к фургону.

Сам он, не мигая, глядел на Хэйза. Тот шатался в руках солдат и что-то бормотал, потерянно озираясь.

Смотреть мне, конечно, совсем не хотелось. Однако оставить Джейми одного я тоже не могла. Он пришел ради Гэвина Хэйза, а я – ради него.

– Нет.

Я коснулась руки Джейми. Он расправил плечи, а потом шагнул вперед, чтобы его уж точно было заметно в толпе. Если Хэйз еще в состоянии что-то видеть, то последним перед его глазами окажется лицо друга.

Хэйз отчаянно крутил головой, высматривая кого-то, пока его поднимали на подводу.

– *Gabbainn! A charaid!*¹ – крикнул Джейми.

Гэвин тут же уставился на него и замер, покорный судьбе. Он лишь слегка покачивался, пока зачитывали приговор за кражу шести фунтов и десяти шиллингов. Лицо старика покрывала красноватая пыль, на седой щетине блестел пот. Проповедник быстро зашептал что-то Гэвину на ухо.

Вновь зазвучали барабаны, выводя ровную дробь. Палач перекинул петлю через лысеющую голову осужденного и затянул. Узел оказался ровно под ухом. Капитан стражи поднял саблю.

Хэйз вдруг выпрямился и, впившись взглядом в Джейми, открыл было рот, словно хотел что-то сказать. Сабля сверкнула в утреннем солнце, и дробь оборвалась.

Я смотрела на Джейми – он побелел как мел, неподвижные зрачки расширились, – но краем глаза все равно видела едва заметно подергивающееся тело. Резко запахло испражнениями.

---

¹ Гэвин! Друг! (гэльск.). (Здесь и далее – примечания переводчика).

Стоявший с другой стороны от меня Фергус наблюдал за казнью бесстрашно.
– Наверное, все-таки заметил... – пробормотал он с сожалением.

Мертвец слегка покачивался, натянув веревку. Толпа вздохнула с ужасом и облегчением. В пылающем небе кричали крачки, доносились звуки гавани, приглушенные тяжелым, загулестившим от жары воздухом. Однако здесь царил тишина. Настолько, что я слышала «кап... кап... кап...» – это стекали капли с башмака трупа.

Я не знала Гэвина Хэйза лично, поэтому не приняла его смерть близко к сердцу. Но хорошо, что все случилось быстро. Я мельком, словно исподтишка, глянула на старика. Нечто столь личное не должно происходить на публике, и мне стало немного стыдно, что я смотрю.

Палач свое дело знал. Приговоренный не дергался в петле, не тарачил глаза, не вывалил язык, как бывает при удушье. Маленькая голова Гэвина висела под странным углом – шея была сломана.

Все удалось как нельзя лучше. Причем не только казнь. Капитан стражи, удостоверившись, что Хэйз мертв, жестом приказал подвести следующего... как вдруг взгляд его прошелся по солдатам в красных мундирах, а потом полыхнул яростью.

В ту же секунду в толпе раздался крик, и люди возбужденно загалдели. Они толкались, тянули головы, лишь бы увидеть... пустое место.

– Исчез!

– Вон он!

– Держи его!

Высокий молодой человек – третий осужденный – ухитрился сбежать: он проскользнул мимо стражи, чье внимание приковала к себе виселица. Смерть Гэвина стала его шансом спасти свою жизнь.

Что-то мелькнуло за прилавком торговца – грязная светлая шевелюра. Несколько солдат рванули в ту сторону, но остальные носились туда-сюда, и в суматохе беглеца упустили.

Капитан стражи яростно орал приказы, однако в суматохе его почти не было слышно. Красные мундиры торопливо пытались кое-как восстановить строй. Оставшегося узника, совершенно ошеломленного, повели обратно к казармам.

Обхватив за талию, Джейми потащил меня прочь от людского моря. Толпа отступала под натиском солдат, которые под командованием мрачного сержанта строем отправились на поиски беглеца.

– Надо найти Иэна, – сказал Джейми, оглянув толпу возбужденных подмастерьев. Он глянул на Фергуса и мотнул головой в сторону виселицы. – Забери тело, лады? Встретимся потом в «Плакучей иве».

– Как думаешь, его поймут? – спросила я.

Мы проталкивались сквозь толчею вдоль мощеной аллеи к торговым пристаням.

– Ага. Куда ж ему бежать? – рассеянно отозвался Джейми, хмурясь. Очевидно, все его мысли по-прежнему занимал мертвец, для живых там места не было.

– У Хэйза есть родня?

Джейми покачал головой.

– Я спрашивал, когда принес виски. Может, брат и остался в живых, только где он – неизвестно. После восстания его перевезли в... Вирджинию, по словам Хэйза, и с тех пор ни слуху ни духу.

Неудивительно. Раб не имел возможности общаться с семьей в Шотландии, если, конечно, поручитель не был так любезен, чтобы отправить от его имени письмо. И оно вряд ли дошло бы к Гэвину Хэйзу, который десять лет провел в Ардсмурской тюрьме, прежде чем и его сюда перевезли.

– Дункан! – позвал Джейми.

Высокий тощий мужчина обернулся и вскинул ладонь – узнал. Он, как штопор, прошел сквозь толпу, расталкивая людей единственной рукой.

– Макдью, – кивнул он, здороваясь с Джейми. – Миссис Клэр...

На узком лице Дункана отразилась скорбь. Он тоже когда-то был узником той тюрьмы, вместе с Хэйзом и Джейми. Ему «повезло» потерять руку из-за заражения крови, иначе его тоже перевезли бы с остальными. Однорукого работника никому не продашь; Дункана помиловали и отпустили на волю – умирать от голода, пока Джейми его не разыскал.

– Упокой Господь душу бедного Гэвина, – печально покачал головой Дункан.

Джейми пробормотал что-то по-гэльски и перекрестился. Затем расправил плечи и с видимым усилием стряхнул с себя скорбь.

– Ладно. Пойду в порт договариваться насчет Иэна, а потом разберемся с похоронами Гэвина. Сперва нужно пристроить парня.

Мы вновь пошли сквозь толпу, протискиваясь между возбужденными сплетниками и стараясь не попасть под колеса громоздких телег.

Неподалеку от причала отряд красных мундиров бодрым маршем разрезал толпу. Солнце раскаляло блестящие штыки, а солдатские сапоги выбивали ровный ритм, что доносился как приглушенный барабан. Даже грохочущие телеги мигом уступали им дорогу.

– Придерживай карман, саксоночка, – шепнул Джейми, втискивая меня в узкое пространство между рабыней в тюрбане, которая прижимала к себе двух малышей, и уличным проповедником. Взгромоздившись на ящик, проповедник вещал о грехе и покаянии, но в общем гаме его было слышно через слово.

– Он зашит, – успокоила я Джейми, тем не менее проверила, на месте ли содержимое кармана. – А твой кисет?

Усмехнувшись, он сдвинул шляпу на лоб и прищурился.

– Там, где был бы спорран, которого у меня, увы... Так что, если мне не попадется какая-нибудь шустрая блудница, я в безопасности.

Я глянула на штаны, слегка выпирающие спереди, потом окинула взглядом всего Джейми – широкоплечего, высокого, с мужественным лицом и горделивой осанкой горца. Даже теперь, когда сияющие волосы скрывала синяя треуголка, он все равно привлекал внимание встречных женщин. Слишком узкие штаны, которые он одолжил, никак не мешали Джейми производить впечатление, о котором он сам ни капли не догадывался. Очаровательно.

– Да ты ходячий соблазн для блудниц! – фыркнула я. – Не отходи далеко, я буду тебя защищать.

Он хохотнул и за руку отвел меня на свободный клочок улицы.

– Иэн! – крикнул Джейми, заметив в толпе племянника.

Через миг к нам подскочил высокий паренек. Он отбросил с глаз каштановые волосы и широко улыбнулся.

– А я уж думал, что никогда не найду тебя, дядюшка!.. Боже, столько тут народу, больше, чем на рынке в Эдинбурге! – Мальчишка вытер длинное неказистое лицо рукавом, размазывая грязь по щеке.

Джейми неодобрительно на него покосился.

– Что-то ты неприлично радостный, Иэн, уже забыл про казнь, что ли?

Племянник попытался изобразить должную печаль.

– Нет-нет, дядя Джейми. Я не был на казни...

Дункан вскинул бровь, и мальчишка слегка покраснел.

– Я... я не побоялся, честно. Просто... хотел кое-что сделать.

Джейми хлопнул его по спине.

– Не волнуйся. Я бы тоже не стал смотреть, но Гэвин был моим другом.

– Знаю, дядя. Мне жаль. – В больших карих глазах Иэна мелькнуло сочувствие. – Страшно было, тетушка?

– Да. Так или иначе, теперь все кончено. – Я вытащила из корсажа влажный платок и, стоя на цыпочках, вытерла щеку Иэна.

Дункан Иннес с сожалением покачал головой.

– Бедняга Гэвин. Впрочем, уж лучше быстрая смерть, чем сдохнуть от голода. А другого ему и не оставалось.

– Пойдемте, – скомандовал Джейми, не желая тратить время на бесполезную скорбь. – «Красавица Мэри» стоит где-то у дальнего края причала.

Иэн подобрался, словно хотел что-то сказать, но Джейми уже зашагал дальше сквозь толпу. Поэтому мальчишка глянул на меня, пожав плечами, и предложил мне руку.

Мы проследовали за Джейми мимо торговых складов, стараясь не сталкиваться с матросами, грузчиками, рабами, пассажирами, покупателями и торговцами всех мастей. В Чарльстоне располагался огромный порт, и торговое дело процветало. В месяц сюда входили сотни кораблей из Европы, и столько же отправлялось обратно.

«Красавица Мэри» принадлежала другу кузена Джейми, Джаред Фрейзера, который когда-то отправился во Францию и сколотил там целое состояние на вине. Если повезет, капитан корабля согласится взять Иэна с собой в Эдинбург, а дорогу мальчик отработает в качестве юнги.

Иэна такой расклад не радовал, но Джейми и слышать ничего не хотел. Блудный племянник должен был вернуться в Шотландию при первой же возможности. Поэтому (и не только), едва заслышав о «Красавице Мэри», мы прибыли сюда из Джорджии, куда попали – по чистой случайности – два месяца назад.

Из дверей таверны показалась неряшливо одетая прислуга. Заметив Джейми, она замерла, прижимая бадью с помоями к бедру, и сложила губки бантиком. Однако Джейми прошел мимо, не обратив внимания, – слишком сосредоточился на своей цели. Девушка разочарованно трянула головой, вылила помои свинье, дремавшей у крыльца, и резво скрылась в дверях.

Джейми остановился, прикрыв глаза от солнца, и всмотрелся в ряды огромных мачт. Я подошла ближе. Он неосознанно поправил штаны.

– Как там фамильные драгоценности? – пробормотала я, взяв его за руку.

– Неудобно, но в порядке, – заверил меня Джейми. Он вновь подергал шнурок ширинки и скривился. – Уж лучше бы в задницу запихал, честное слово.

– Скорее ты их сбережешь, чем я, мой друг, – улыбнулась я. – Меня-то быстрее ограбят.

Фамильные драгоценности... Ураган выбросил нас на берег Джорджии, вымокших до нитки, ободранных и без единого гроша – кроме пригоршни крупных драгоценных камней.

Я надеялась, что капитан «Красавицы» неплохо ладит с Джаредом Фрейзером и возьмет Иэна на борт юнгой, иначе нам придется туго.

По идее, в кисете Джейми и моем кармане скрывалось внушительное состояние. А по сути, эти камни для нас не полезнее обыкновенной пляжной гальки. Конечно, перевозить их легче, чем тяжелое золото, но как обменять на деньги?

В южных колониях большинство сделок совершали посредством бартера, а остальные – за деньги или векселя, выписанные на имя богатого купца или банкира. Но такие банкиры в Джорджии встречались редко. А уж те, кто хотел перевести накопления в драгоценности, и того реже. Преуспевающий рисовый плантатор, у которого мы жили в Саванне, уверял нас, что и сам едва наскребет два фунта стерлингов наличностью. Он говорил правду – во всей колонии вряд ли нашлось бы десять фунтов золотом и серебром.

По пути на север, в бесконечных болотистых равнинах и сосновых лесах, естественно, драгоценности продавать было некому. Наконец мы достигли Чарльстона – в городе такого размера уже водились торговцы и банкиры, способные «разморозить» часть наших сбережений.

Пот ручейками стекал у меня по шее, насквозь мокрое льняное платье липло к коже. В это время даже у гавани воздух застывал без единого ветерка, а запахи горячей смолы и рыбы становились невыносимыми.

Один камень Джейми отдал в знак благодарности, несмотря на возражения, мистеру и миссис Оливье, добрейшим людям, – после кораблекрушения волны выбросили нас буквально на их порог. Они приютили нас и снабдили фургончиком, двумя лошадьми, чистой одеждой для путешествия, провизией и горсткой наличных.

Теперь в моем кармане осталось шесть шиллингов и три пенса – вот, собственно, и все наши деньги.

– Дядя Джейми, сюда! – нетерпеливо позвал Иэн. – Покажу кое-что!

– Что там? – Джейми протолкнулся сквозь толпу потных рабов, которые грузили пыльные бруски сушеного индиго на корабль. – И как ты это «кое-что» раздобыл?

– Выиграл в кости, – послышался голос Иэна, невидимого за телегой с кукурузой.

– В кости?! Иэн, бога ради, нельзя играть в азартные игры, когда у тебя ни гроша за душой! – Стискивая мою руку, Джейми нырнул в толпу вслед за племянником.

– Дядя, ты сам все время играешь, – заметил Иэн, останавливаясь, чтобы мы его нагнали. – В каждой таверне и в каждом постоялом дворе, где мы были.

– Боже, Иэн, в карты же, а не в кости! И я знаю, что делаю!

– И я знаю, – самодовольно заявил мальчишка. – Я ведь выиграл, нет?

Джейми закатил глаза, моля небеса о терпении.

– Господи... Как я рад, что отправлю тебя домой, пока ты без головы не остался. Обещай, что не станешь играть с моряками, слышишь? С корабля ты от них никуда не денешься.

Однако Иэн уже не обращал внимания. Он остановился у полусгнивших свай, обхваченных тросом, и кивнул на нечто у своих ног.

– Смотри, собака!

Я быстро шагнула за спину Джейми, не отпуская его руки.

– Иэн... – начала я, – это не собака, а волк. Чертовски огромный волк! Отойди, пока он от твоей задницы кусок не отхватил.

Волк презрительно дернул ухом, тяжело дыша от жары. Зверь не сводил желтых глаз с мальчика. Тот, кто не сталкивался с волками, мог бы принять такой взгляд за преданность. Но я-то уже с ними встречалась.

– Эти животные опасны, – продолжила я. – Только завидят – сразу бросятся.

Джейми наклонился к зверю.

– Это ведь не совсем волк, да?

Он с любопытством протянул так называемому псу костяшки пальцев – понюхать, познакомиться. Я зажмурилась. Вот-вот придется ампутировать руку... Однако криков не последовало. Джейми сидел на корточках и изучал нос пса.

– Красивый зверь, – заключил он, как ни в чем не бывало почесывая животное под подбородком. Желтые глазищи слегка прищурились. То ли от удовольствия, то ли в предвкушении того, каким Джейми окажется на вкус. Причем скорее второе, чем первое. – Покрупнее волка будет. Голова и грудь шире...

– Его мамка – ирландский волкодав. – Иэн, опустившись рядом с Джейми, принялся поглаживать мощную темную спину. – В течку как-то сбежала в лес, а потом вернулась...

– Ясно, ясно.

Джейми ласково забормотал по-гэльски, обращаясь к этому чудовищу. Оторвав огромную лапу от земли, он погладил мохнатые пальцы с изогнутыми когтями – в добрых два

двойма длиной, не меньше! Зверюга прикрыла глаза. Легкий ветерок ерошил густую шерсть на загривке.

Я глянула на Дункана. Тот выгнул бровь и со вздохом пожал плечами.

– Джейми... – подала я голос.

– Краса-а-авец! – похвалил Джейми волка. – А ты здоровяк, верно?

– А есть он что будет? – спросила я, наверное, чуть громче нужного.

– Ну... – Джейми с сожалением посмотрел на желтоглазого зверя. – Что ж. – Он поднялся на ноги, неохотно качая головой. – Боюсь, Иэн, твоя тетушка права. Как нам его прокормить?

– Ничего страшного, дядюшка, – заверил его мальчик. – Он сам охотится.

– Здесь? – Я окинула взглядом склады и покачивающиеся на воде корабли. – На кого же? На детей?

– Конечно, нет, тетушка, – слегка обиделся Иэн. – На рыбу.

Заметив три одинаково скептических лица, мальчик бухнулся на колени и, схватив морду пса двумя руками, заставил его распахнуть пасть.

– Правда! Клянусь, дядюшка! Понюхай, рыбой пахнет!

Джейми с сомнением покосился на внушительные клыки и почесал подбородок.

– Я... э-э... поверю на слово. Но все равно... Бога ради, Иэн, побереги пальцы!

Мальчик ослабил хватку, и огромные челюсти тут же сомкнулись.

– Не волнуйся, дядюшка, – бодро проговорил Иэн, вытирая ладонь о штаны. – Он меня не укусит. А зовут его Ролло.

Джейми потер верхнюю губу костяшками.

– М-м-м... Неважно, как его зовут и что он ест; вряд ли капитан «Красавицы» будет рад видеть его в кубрике.

Иэн промолчал, но почему-то не перестал сиять. Даже еще больше обрадовался.

Джейми напрягся.

– Только не... – в ужасе начал он.

– Да, – отозвался Иэн. На угловатом лице расцвела довольная улыбка. – «Красавица» отплыла три дня назад. Мы опоздали, дядюшка.

Джейми проговорил что-то по-гэльски. Дункан тоже казался возмущенным.

– Черт! – воскликнул Джейми уже по-английски. – Черт поберит!

Он стянул шляпу и с силой провел ладонью по лицу, взлохмаченный и жутко злой. Затем пробежал пальцами по волосам и дернул за ленту, которая стягивала их в хвост.

Иэн смутился.

– Прости, дядя... От меня не будет проблем, честное слово, я постараюсь. И работать я могу, сам себе на еду уж точно заработаю.

Смягчившись, Джейми тяжело вздохнул и похлопал племянника по плечу.

– Ты же знаешь, я и сам рад, когда ты поблизости, Иэн. Но что, черт возьми, скажет твоя матушка?

Иэн вновь просиял.

– Понятия не имею, дядя, – сказал он. – Говорить-то она будет в Шотландии, а мы здесь!

Мальчишка обнял Ролло. Волк, похоже, сильно этому удивился, но затем смачно лизнул ухо Иэна длинным розовым языком. На вкус попробовал, видимо.

– И вообще, – добавил мальчик, – она знает, что со мной все хорошо, ты сам ей написал из Джорджии, что я с тобой.

Джейми криво усмехнулся.

– Не очень-то ее это знание успокоит, Иэн!.. Мне чертовски нужно выпить, саксоночка, – повернулся он ко мне. – Пойдем искать таверну.

В полутемной «Плакучей иве» могло бы быть прохладно, да уж слишком много в нее набилось народу – моряков и тех, кто пришел сегодня посмотреть на казнь. Переступив порог, я вдохнула – и тут же поспешила выдохнуть. Как будто на лице вдруг оказалась грязная тряпка, пропитанная элем.

А вот Ролло сразу доказал свою полезность: толпа перед ним мгновенно расступалась. Еще бы: он гордо прошествовал вперед, скаля зубы в беззвучном рычании. Пес явно уже бывал в тавернах. Благополучно согнав всех с угловой скамеечки, он свернулся под столом и, кажется, собрался спать.

Спрятавшись от палящего солнца и получив огромную кружку темного пенящегося эля, Джейми мигом взял себя в руки.

– Есть два пути, – сказал он, отбрасывая влажные волосы со лба. – Либо остаемся в Чарльстоне – вдруг сумеем продать камень, и тогда отправим Иэна в Шотландию на другом корабле. Либо отправимся на север, в Кейп-Фир; если повезет, найдем корабль в Уилмингтоне или Нью-Берне.

– Я за север, – без колебаний отозвался Дункан. – У тебя же там родня? Не люблю долго среди чужих быть. Родня проследит, чтобы нас не обманули да не обворовали. А здесь... – Он приподнял плечо, красноречиво намекая, что вокруг нас не шотландцы, а значит, заведомо подлецы.

– Ох, поехали на север, дядюшка! – воскликнул Иэн прежде, чем Джейми успел вставить слово. – Там может быть опасно, так что лишний человек не помешает, верно?

Джейми уткнулся в кружку, но я сидела достаточно близко и почувствовала, как он содрогнулся. Джейми и правда любил племянника, однако этот парнишка вечно влипал во всякие истории.

Год назад Иэна похитили пираты; спасая его, мы окольными путями оказались в Америке. В последнее время, конечно, царило затишье, но Джейми не терпелось отправить своего племянника обратно к матери в Шотландию, пока тот снова куда-нибудь не вляпался.

– Э-э... разумеется, – опустил кружку Джейми. Хотя он старательно избегал моего взгляда, я все равно заметила, как у него подергивается уголок рта. – Ты, конечно, отличный помощник...

– А может, мы столкнемся с краснокожими! – распахнул глаза Иэн. Загорелое лицо светилось от предвкушения. – Или с дикими зверями! Доктор Штерн рассказывал, что в Каролине полно свирепых тварей: медведи, дикие кошки, страшные пантеры. И еще ужасное вонючее существо, которые индейцы зовут скунсом!

Я подавилась элем.

– Тетушка, ты как? – Иэн взволнованно перегнулся через стол.

– В порядке, – прохрипела я, протирая влажное лицо платком, а потом смахнула капли эля с груди и тайком оттянула корсаж в надежде чуть проветрить кожу.

Тайное изумление на лице Джейми сменилось легким беспокойством.

– Скунсы не опасны, – пробормотала я, опуская ладонь на его колено.

Искусный и бесстрашный охотник в родной Шотландии, Джейми с осторожностью относился к пока не изведанной фауне Нового Света.

– Хм... Может, и так, но остальные? Что-то я не горю желанием встретиться с толпой дикарей или медведем, когда под рукой лишь это. – Джейми коснулся длинного кинжала в ножнах, которые висели у него на ремне.

Да, оружия нам очень не хватало. Джейми ужасно переживал из-за этого на пути в Чарльстон, а упоминание об индейцах и диких зверях вновь его встревожило. У Фергуса был еще маленький клинок, годный лишь чтобы обрезать веревки да настрогать щепок для растопки костра. Вот и все; к сожалению, супруги Оливье не нашли для нас ни лишних пистолетов, ни мечей.

По дороге сюда нам посчастливилось присоединиться к компании фермеров. Они, увешанные ножами, пистолетами и мушкетами, везли урожай риса и индиго в порт – отправлять на север, в Пенсильванию и Нью-Йорк. А если сейчас мы отправимся в Кейп-Фир, то будем одни, безоружные и беззащитные перед тем, что может вдруг выскочить из лесной чащи.

В то же время убедительные причины заставляли нас отправиться именно на север. В Кейп-Фире находилось самое большое в американских колониях поселение шотландских горцев. В нескольких городах жили переселенцы, уехавшие из Шотландии за последние двадцать лет, после битвы при Каллодене. Среди переселенцев была и родня Джейми, которая с удовольствием нас приютит: предоставит крышу над головой, постель и время, чтобы мы сумели найти себе место в этом новом мире.

Джейми снова отпил из кружки и кивнул Дункану.

– Знаешь, я с тобой согласен. – Он откинулся на стенку, небрежно окинув взглядом битком набитую таверну. – Чувешь, как в спину пялятся?

По моей собственной спине пробежал холодок. Дункан едва заметно распахнул глаза, потом прищурился, но не обернулся.

– Хм, – только и сказал он.

– Кто пялится? – спросила я, нервно осматриваясь.

Хотя никто не смотрел на нас открыто, это вовсе не значило, что никто не наблюдал за нами тайком. Таверну переполнял пьяный люд, и гул голосов заглушал все, кроме разве что сидящих совсем близко собеседников.

– Да кто угодно, саксоночка. – Джейми глянул на меня искоса и усмехнулся. – И не надо так пугаться. Ничего нам не грозит. По крайней мере здесь.

– Пока не грозит. – Дункан налил себе еще кружку эля. – Макдью окликнул Гэвина у виселицы, смекаешь? Кто-то его да заметил... Наш Макдью – парень видный, – добавил он сухо.

– И фермеры, которые прибыли с нами из Джорджии, уже наверняка продали запасы и теперь отдыхают за кружечкой эля, – проговорил Джейми, увлеченно разглядывая свою кружку. – Они люди честные... но все равно любят поболтать, саксоночка. Неплохая ведь история, как ребят принесло ураганом, а? Вдруг кто из них пронюхал, что у нас есть?

– Ясно, – буркнула я.

И в самом деле ясно. Теперь все знают, что мы как-то связаны с преступником, и сойти за неприметных путешественников больше не выйдет. Если затянем с поисками покупателя (что вероятно), то рискуем нарваться на грабителей или чрезмерный интерес английских властей. Ни то ни другое нам совсем ни к чему.

Джейми сделал большой глоток, затем со вздохом опустил кружку.

– Думаю, нам не стоит задерживаться в городе. Обеспечим Гэвину достойные похороны, а потом найдем спокойное место в лесу и переночуем. Завтра решим, останемся тут или двинем дальше в путь.

Перспектива снова ночевать в лесу, со скунсами или без, меня откровенно не радовала. Я уже восемь дней не вылезала из одного платья и как могла подмывалась, если мы останавливались вблизи ручья. Хотелось поспать в нормальной постели, даже если в ней будет полно блох. Отскрести въевшуюся в кожу грязь после недельного путешествия. Однако Джейми прав. Я вздохнула, уныло глядя на серый, заношенный край рукава.

Двери таверны вдруг распахнулись: в переполненное помещение ворвались четверо солдат в красных мундирах. При полном параде, со штыками на мушкетах. Эти гости явно пришли не за элем или игрой в кости...

Двое солдат быстро обошли таверну, заглядывая под столы, третий скользнул на кухню. Четвертый остался на страже у дверей: светлые глаза метались от одного посетителя таверны к другому.

Джейми, внешне безмятежный, будто бы рассеянно попивал эль, но я заметила, как его ладонь под столом сжалась в кулак. Дункан не владел собой так хорошо, поэтому наклонил голову, чтобы скрыть лицо. Эти двое не могли спокойно сидеть в присутствии красных мундиров, и на то были серьезные причины.

Остальных людей солдаты почти не потревожили. Группка певцов у камина продолжила выводить бесконечную «Нальем полной бокалы», а между служанкой и парой подмастерьев разразился громкий спор.

Солдат вышел из кухни с пустыми руками и, грубо растолкав игроков в кости, присоединился к товарищам. Они повернулись на выход, как раз когда в двери протиснулась тощая фигурка Фергуса. Ему пришлось вжаться в косяк, чтобы не угодить под солдатские локти или приклады мушкетов.

Один из солдат заметил блеск металла и с интересом уставился на крюк, который заменял Фергусу левую кисть. Потом настороженно глянул на самого Фергуса, но вскинул мушкет на плечо и поспешил за остальными.

Фергус протиснулся сквозь толпу и рухнул на скамейку рядом с Иэном, изнывающий от жары и злорадия.

– Чертов кровопийца этот *salaud!* – заявил он без предисловий.

Джейми вскинул брови.

– Священник, – перевел Фергус с родного французского.

Он схватился за кружку, которую придвинул к нему Иэн, и, мигом ее осушив, тяжело выдохнул. Впрочем, после этого он заметно повеселел.

– Десять шиллингов, чтобы Гэвина похоронили на церковном погосте! – воскликнул Фергус, утерев губы. – Причем церковь-то англиканская, естественно, католических здесь вообще нет. Торгаш жалкий! Знает, что у нас нет выбора. Хорошо, если тело хоть до заката долежит в приличном виде.

Он оттянул влажный от пота шейный платок, а потом постучал кулаком по столу, привлекая внимание сбившейся с ног прислуги.

– Сказал этой зажавшейся свинье, что решать платить или нет, будете вы. В крайнем случае похороним его в лесу. Правда, придется купить лопату, – хмуро добавил Фергус. – Скряги-горожане знают, что мы не местные, так что до последней монетки обдерут, дай им волю.

Про последнюю монетку он оказался прав. Денег хватало расплатиться здесь и на провизию для путешествия на север. Может, еще на пару ночевок в каком-нибудь постоялом дворе. И все. Джейми мельком оглядел таверну, прикидывая шанс подзаработать на игре в карты или кости.

Лучше всего он играл с солдатами или моряками, но их здесь было маловато. Скорее всего, весь гарнизон до сих пор прочесывал город в поисках беглеца. Небольшая компания в другом углу шумно распивала бренди. Двое мужчин пели, точнее, пытались петь, чем ужасно веселили товарищей. Джейми едва заметно кивнул в их сторону и снова повернулся к Фергусу.

– А пока куда ты дел Гэвина?

Фергус дернул плечом.

– В фургоне лежит. Обменял его одежду у ветошницы на саван. Она еще и согласилась обмыть тело. Не тревожьтесь, милорд, он в порядке. Пока что, – добавил Фергус, поднося очередную кружку эля к губам.

– Бедняга Гэвин. – Дункан Иннес приподнял кружку, салютуя падшему товарищу.

– *Sláinte*², – отозвался Джейми, повторив жест. – Он не захотел бы лежать в земле в лесу.

– Почему? – полюбопытствовала я. – Наверное, ему уже все равно.

---

² Традиционный гэльский тост.

– Ох, нет, миссис Клэр, нельзя так поступить, – замотал головой Дункан.

Такое проявление чувств меня удивило – обычно Дункан был очень сдержан.

– Гэвин боялся темноты, – мягко пояснил Джейми и криво усмехнулся, когда я на него уставилась. – Я прожил с Гэвином Хэйзом почти столько же, сколько с тобой, саксоночка... и в куда более тесном жилище. Я хорошо его узнал.

– Ага, жутко не любил оставаться один в темноте, – согласился Дункан. – До смерти боялся... *tannagach*... как там, духов, да?

Его продолговатое, полное скорби лицо помрачнело. Перед глазами Дункана явно стояла тюремная камера, которую они с Джейми делили с Гэвином Хэйзом – и еще сорока заключенными – долгих три года.

– А помнишь, Макдью, как он однажды рассказал о встрече с призраком?

– Помню, Дункан, а лучше бы забыл. – Джейми содрогнулся, несмотря на жару. – Полночи после этого не спал.

– А что он рассказал, дядя? – округлил глаза Иэн. Щеки юноши пылали, а влажный от пота шейный платок смялся.

Джейми задумчиво потер подбородок.

– Ну... дело было в нашей Шотландии, поздней осенью, как раз перед приходом зимы. Когда даже в воздухе витает ощущение, что вот-вот ударят морозы. – Усмехнувшись, он откинулся назад с кружкой в руке. – Не то что сейчас. В общем, тем вечером сын Гэвина пригнал коров, однако одной не хватало. Парень рыскал и по холмам, и в лощинах... не нашел. Гэвин оставил его доить оставшихся двух, а сам отправился на поиски пропажи.

Джейми вертел в ладонях кружку, всматриваясь в темный эль, словно видел в нем родные горные пики и затянутые туманом долины.

– Он успел порядком отойти, и, когда оглянулся, дом уже скрылся из виду. Даже света в окне было не различить. И тишина – только ветер выл. Гэвин зашагал дальше по грязи и вереску. Под ногами потрескивал лед.

В тумане показалась рощица. Гэвин направился к ней, думая, что корова могла спрятаться под деревьями. Он говорил, там росли березы. Они стояли уже совсем без листьев, зато так сплелись ветвями, что приходилось наклоняться, чтобы пройти.

Итак, Гэвин вошел в рощу и понял – никакая это не роща, а кольцо деревьев. Высоких, ровных. Между ними ютились маленькие. Из веток образовалась самая настоящая стена. А в центре – могильник.

Несмотря на духоту таверны, у меня по спине опять побежал холодок. Я уже видела древние могильники в Шотландии. Рядом с ними даже днем не по себе.

Джейми отпил эля и вытер пот с виска.

– Бедняге Гэвину аж поплохело: он понял, где оказался. Старый могильник, такие выкладывают из обломков скалы, насыпают гору из камней. Странное место. А уж в темноте, на морозе... Гэвин видел перед собой черный провал входа. Он знал, что нельзя подходить близко, особенно без сильного оберега. А у Гэвина – только деревянный крестик на шее. Поэтому он осенил им себя и ушел.

Джейми сделал еще глоток.

– Отходя от рощи, – проговорил он тихонько, – Гэвин слышал за спиной шаги.

Иэн слотнул и, не сводя глаз с дяди, на ощупь потянулся за кружкой.

– Гэвин шагал не оглядываясь, – продолжил Джейми. – Но то, что следовало за ним, не отставало. А когда он добрался до обледеневшего торфяника – настолько холодная стояла погода, что лед трещал под ботинками, – сзади тоже раздавалось: «Кх! Кх!» Наконец Гэвин не выдержал, крепко сжал крестик и с громким криком повернулся к неведомому преследователю.

– И что же там было? – Зрачки Иэна расширились от изумления и выпитого эля.

Джейми глянул на парнишку, потом на Дункана и кивнул, чтобы тот продолжал.

– Гэвин говорил, там был словно человек, только без тела, – тихо сказал Дункан. – Весь белый, словно сотканный из тумана. А на месте глаз – здоровенные черные дыры. Такие, что от ужаса Гэвин чуть на месте не околел.

– Но он выставил крестик перед собой и начал вслух молиться Деве Марии. – Джейми подался к столу. Тусклый свет камина очертил его профиль золотом. – И оно не смогло приблизиться. Замерло, наблюдая. Поэтому Гэвин стал пятиться, не решаясь поворачиваться спиной. Он спотыкался, боясь, что в любой момент упадет в речку или сорвется вниз со скалы, но больше всего он боялся повернуться к тому созданию спиной.

Гэвин шел и шел. Его ноги уже дрожали от усталости, когда он в конце концов различил в тумане огонек свечи в окне. Он радостно вскричал и бросился к дому, однако призрак оказался проворнее – метнулся мимо него и встал перед дверью.

Жена ждала Гэвина и, услышав его, тут же подошла к двери. Гэвин крикнул, чтобы она не выходила, а нашла что-нибудь, чтобы прогнать существо. Добрая женщина мигом выхватила горшок из-под кровати и ветку мирта, перевязанную красной и черной нитями, которую сделала, чтобы благословлять коров. А потом выплеснула воду на порог, и холодное нечто, взлетев, оседлало дверной косяк. Гэвин рванул в дом, запер дверь и не выпускал жену из объятий до самого рассвета. Свеча горела в окне всю ночь. С тех пор Гэвин Хэйз больше никогда не выходил из дома после заката. Пока не отправился воевать за принца Терлаха.

Даже Дункан, уже слышавший историю, вздохнул. Иэн перекрестился, а потом смущенно оглянулся – никто не заметил.

– И теперь Гэвин ушел во тьму, – тихо сказал Джейми. – Мы не позволим ему лежать в неосвященной земле.

– А корову нашли? – поинтересовался практичный Фергус.

Джейми вскинул бровь, повернувшись к Дункану, и тот ответил:

– Ага, нашли. Обнаружили несчастную животину на следующее утро. Все копыта забились грязью и камнями, глаза навывкате, морда в пене, и бока выпирали, будто вот-вот лопнут. – Он глянул на меня, на Иэна, и снова на Фергуса. – По словам Гэвина, на ней будто съездили в ад и обратно.

– Господи... – Иэн от души хлебнул эля.

Я последовала его примеру. Пьяная компания в углу пыталась затянуть песню, но каждый раз лишь заливалась хохотом.

Иэн опустил кружку на стол.

– А что с ними случилось? – вдруг заволновался мальчишка. – С женой и сыном Гэвина?

Мы переглянулись с Джейми, и он коснулся ладонью моего бедра. Я и без слов понимала, что стряслось с семьей Хэйза. Только благодаря храбрости и непреклонности Джейми подобное не случилось со мной и нашей дочерью Брианной.

– Гэвин так и не узнал, – тихо отозвался Джейми. – О жене больше ничего не слышал... Наверное, умерла от голода. Или холода, если ее выселили. Сын сражался бок о бок с Гэвином у Каллодена. Как только в камеру бросали человека, бившегося там же, Гэвин спрашивал: «А ты не видал часом паренька – Арчи Хэйз зовут, вот такого роста?» – Джейми механически повторил жест Гэвина, подняв руку футов на пять от пола. – Лет четырнадцать пареньку, носит зеленый пледик с небольшой золотой фибулой», – говорил он. Никто ничего не знал.

Джейми сделал глоток эля, не сводя глаз с британских офицеров, которые устроились в другом углу. На улице уже темнело, так что они явно отдыхали после дежурства. Кожаные платки на шеях были размотаны из-за жары. Под мундирами поблескивало личное оружие, почти черное в полумраке.

– Гэвин надеялся, что парня просто схватили и отправили работать в колонии, – сказал Джейми, – как брата.

– Должны же быть какие-то записи? – спросила я. – Они вели... ведут... у них есть списки?

– Вели, – согласился Джейми, по-прежнему наблюдая за солдатами. На его губах мелькнула горькая усмешка. – Это меня и спасло после Каллодена. Прежде чем пристрелить, они спросили мое имя, чтобы добавить в список. Но такой, как Гэвин, вряд ли сумел бы заглянуть в английские списки погибших. А если и сумел бы, то, наверное, не пожелал бы смотреть. Разве хотела бы ты узнать наверняка, что там числится твой ребенок?

Я покачала головой, и Джейми легонько стиснул мою руку. В конце концов, наша дочь в безопасности. Джейми осушил свою кружку и поманил прислугу.

Девица принесла еды, стараясь держаться от стола подальше из-за Ролло. Зверь без движения лежал в ногах, пристроив огромный лохматый хвост мне на ступни. Желтые глаза неотрывно следили за происходящим в таверне. Проследили они и за девицей, которая пятилась, нервно поглядывая на пса, пока не оказалась на безопасном расстоянии от его клыков.

Джейми с сомнением уставился на эту так называемую собаку.

– Может, он голодный? Попросить для него рыбы?

– Нет, дядя, не надо, – успокоил его Иэн. – Ролло сам ловит себе рыбу.

Джейми вскинул брови, но в ответ только кивнул. Бросив еще один подозрительный взгляд на пса, он взял с подноса тарелку жареных устриц.

– А-а, какая жалость. – Дункан уже успел порядком напиться. Он привалился к стене, а безрукое плечо задралось выше другого, что делало его похожим на горбуна. – Почему такой замечательный малый, как Гэвин, должен был так кончить!

Он печально замотал головой над кружкой.

– Семьи не осталось, никто не оплачет, совсем один в чужой стране... Повесили как преступника, да еще и похоронят в неосвященной земле. Даже погребальную песнь ему не споют как положено!

Схватив кружку, Дункан с трудом поднес ее ко рту, сделал приличный глоток и со стуком опустил на стол.

– Нет, пусть услышит свою песнь! – Он воинственно оглядел Джейми, Фергуса и Иэна. – Почему бы и нет?

Джейми еще не напился, но и уже не был трезв.

– И в самом деле! – отозвался он. – Только петь, Дункан, придется тебе. Остальные Гэвина не знали, а из меня певец никакой. Хотя подпевать буду.

Дункан кивнул с важным видом, не сводя с нас покрасневших глаз. А потом вдруг запрокинул голову и завыл. Я подскочила на месте, облившись элем, а Иэн с Фергусом, явно уже слыжавшие шотландские погребальные песнопения, и ухом не повели.

Посетители таверны взметнулись на ноги, хватаясь за оружие. Служанка, округлив глаза, выглянула из-за стойки. Ролло проснулся с оглушительным «гав!» и начал озираться, скаля зубы.

– *Tha sinn cruinn a chaoidh ar caraid, Gabbainn Hayes*, – прогремел Дункан хриплым баритоном.

Мои познания в гэльском помогли понять это как: «Мы собрались здесь, дабы воззвать к Небесам и оплакать нашего утраченного друга, Гэвина Хэйза!»

– *Èisd ris!* – отозвался Джейми.

– *Rugadh e do Sheumas Immanuel Hayes agus Loisa N'ic a Liallainn an am baile Chill-Mhartainn, ann an sgìre Dhun Domhnuill, anns a bhliadhnaeachd ceud deug agus a haon!*

Он был рожден у Симуса Эммануила Хэйза и Луизы Макклиллан в деревне Килмартин церковного прихода Додэнил, в году тысяча семьсот первом от Рождества Христова!

– *Èisd ris!* – в этот раз гаркнули и Фергус с Иэном, что грубо переводилось как «услышите его!».

Ролло плевать хотел на куплеты с припевами. Пес прижал уши, сощурил желтые глаза; Иэн успокаивающе потрепал его по голове, и зверь вновь улегся, тихонько рыча себе под нос. Явно всех проклиная по-волчьи.

Посетители таверны удостоверились, что опасность им не грозит, и сели, наслаждаясь новым представлением. Нестройное пение компании в углу всех давно уже утомило. К тому времени, как Дункан принялся перечислять поименно овец, принадлежавших Гэвину Хэйзу, пока тот не отправился за своим лэрдом к Каллодену, многие вокруг дружно оралы «*Eisd ris!*» и стучали кружками по столам, хотя совершенно не понимали, о чем идет речь. И хорошо.

Дункан, весь взмокший и как никогда пьяный, злобно уставился на солдат за соседним столом.

– *A Shasunnaich na galladh, 's olc a thig e dhuibh fanaird air bàs gasgaich. Gun toireadh an diabhl fhein leis anns a bhàs sibh, direach do Fhirinn!!*

Грязные саксонские псы, пожиратели мертвечины! Да падет на вас мор, ведь вы радовались смерти доброго человека! Пусть сам дьявол явится вам в последний час и утащит прямоком в ад!

На этих словах Иэн слегка побледнел, а Джейми прищурился, но оба бодро рывкнули «*Eisd ris!*» вместе со всей толпой.

Вдохновленный, Фергус пустил шляпу по кругу. Народ, подогретый элем и весельем, с удовольствием швырял в нее медяки, даже не подозревая, за какую песню так благодарят.

Хоть я и умела пить наравне с мужчинами, мочевого пузыря у меня был куда меньшего размера. Голова кружилась от шума и духоты не меньше, чем от выпитого, но я все же протиснулась сквозь толпу и вышла на свежий воздух.

Солнце давно опустилось за горизонт, однако на улице по-прежнему было жарко и почти нечем дышать. Правда, хоть не так людно.

Облегчившись, я с кружкой в руках присела на колоду для рубки дров. Ночь стояла ясная, яркий полумесяц заливал гавань серебром. В свете окон таверны виднелся наш фургон, где, судя по всему, лежало по всем приличиям завернутое в саван тело Гэвина Хэйза. Думаю, ему понравилась заупокойная песнь.

Дункан наконец выдохся. Вместо него запел чистый тенор. Он пьяно подрагивал, но звучал все равно приятно, перекрывая болтовню знакомой мелодией.

К Анакреону в раю, где он от души пировал,
Гармонии дети обратились с посланьем.
Чтоб он их вдохновлял, чтобы их защищал.
И веселый старик им вот что завещал:

«Пой, играй веселей,
Себя не жалея,
А я вас всегда вдохновлю».

Голос певца сорвался на «пой, играй веселей».

«А еще, я вас научу заодно
Мешать, как я, мирт и вино!»

Я отсалютовала передвижному гробу кружкой, тихонько повторяя за певцом последние строки:

А знамя со звездами вьется ль, скажи,

Над землей для свободной и смелой души?

А потом осушила кружку и осталась сидеть, ожидая, когда выйдут мои спутники.

Глава 2

Мы встречаем призрака

– Десять, одиннадцать, двенадцать... и два, и шесть... один фунт восемь шиллингов шесть пенсов и два фартинга! – Фергус торжественно опустил последнюю монетку в кисет и, затянув шнурок, вручил его Джейми. – И три пуговицы, – добавил он, – но они здесь. – Фергус похлопал по карману.

– Заплатила хозяйину за ужин? – спросил Джейми, взвешивая кисет на ладони.

– Да, – успокоила его я. – У меня осталось четыре шиллинга и шесть пенсов к тому, что насобирал Фергус.

Тот скромно улыбнулся, сверкнув ровными белыми зубами.

– Тогда нам хватит на похороны, – сказал он. – Сейчас повезем месье Хэйза к священнику или подождем до утра?

Джейми хмуро глянул на фургон, стоящий у таверны, потом на растущую луну.

– Священник-то уже спит, наверное. Хотя...

– Не стоит его возить за собой, – перебила я. – Не в обиду будь сказано... – поспешно извинилась я перед фургоном и его ношей. – Но если нам придется спать в лесу, то... эм... запах...

Сейчас, конечно, мы ничего не чувствовали, однако стоило отойти от задымленной таверны, как душок из фургона сразу становился заметным. Все-таки Гэвин умер нелегко, а день был очень жарким.

– Тетушка Клэр права, – согласился Иэн, незаметно вытирая нос костяшками пальцев. – Нам дикие звери ни к чему.

– Не можем же мы оставить Гэвина тут! – возразил пораженный Дункан. – Что, бросим его на ступеньках таверны прямо в саване, как найденьша в пеленках?! – Он опасно зашатался. Дункан и без алкоголя плохо держал равновесие.

Губы Джейми изумленно дрогнули. Луна высветила тонкую переносицу.

– Нет, мы его не бросим. – Он сунул звякнувший кисет в карман. – Сами похороним. Фергус, сходи-ка в конюшню, ладно? Может, тебе там продадут лопату по дешевке.

Наш краткий путь к церкви по тихим улочкам Чарльстона не был похож на обычную траурную процессию, потому что Дункан настойчиво повторял лучшие фрагменты заубойной песни.

Джейми пустил лошадей шагом, лишь изредка понукая. Шатающийся Дункан брел, распевая куплеты и сжимая узду одной лошади, а Иэн придерживал другую, чтобы та не рванула вперед. Мы с Фергусом почтенно замыкали процессию. Он, с только что купленной лопатой наперевес, вполголоса мрачно предсказывал, как нас всех на ночь бросят в тюрьму за нарушение городского покоя.

Церковь высилась в конце улочки, на приличном расстоянии от крайнего дома. Как раз нам на руку, ведь мы не хотели привлекать внимания. Правда, поэтому же на кладбище у церкви было темно, хоть глаз выколи. Ни фонаря, ни свечи – кромешная тьма.

Над воротами нависали огромные магнолии с пожухшими от жары листьями. Ряд сосен днем так и манил отдохнуть в тени, а ночью не пропускал ни капли лунного света. Будто не кладбище, а... склеп.

Идти сквозь эту темноту – как раздвигать собой шторы из черного бархата, слегка пахнущие смолой от нагретых на солнце сосен, бесконечные слои чего-то мягкого, удушающего... Полная противоположность холодной чистоте Шотландии. Однако под кирпичными стенами клубился едва заметный туман, и я, к несчастью, живо вспомнила историю о приключении Гэвина Хэйза, которую поведал Джейми.

– Дункан, останься с лошадьми. – Джейми соскользнул с козел. – Может, найдем хорошее местечко у стены... – проговорил он, ведя меня за руку к воротам. – Мы с Иэном раскопаем, а Фергус постоит на страже.

– А Дункан? – Я оглянулась. – С ним все будет в порядке?

Шотландца уже не было видно – долговязая фигура слилась с фургоном и лошадьми, зато слышно его было отлично.

– Будет главным плакальщиком, – отозвался Джейми с тенью улыбки в голосе. – Пригнись, саксоночка.

Я машинально наклонила голову и прошла под низкой веткой магнолии. Интересно, Джейми и правда видел в полной темноте? Он никогда не спотыкался, даже при полном отсутствии света.

– А ты не думал, что свежую могилу сразу заметят?

Выйдя из-под магнолий, я все-таки различила смутные очертания надгробий. У их подножий над густой травой тоже расплзался легкий туман.

Подошвы ног закололо, пока мы короткой дорогой пробирались к стене церкви. Словно из-под земли доносился немой упрек за наше неприличное вторжение. Я случайно зацепила надгробие лодыжкой и закусила губу – уж очень хотелось вслух извиниться перед лежавшим под ним человеком.

– Наверняка заметят. – Джейми отпустил мою руку и полез в карманы сюртука. – Но если священник хотел денег за похороны, то не думаю, что он будет за просто так выкапывать Гэвина, правда?

Сбоку от меня вдруг возник Иэн. Я вздрогнула.

– У северной стены есть место, дядюшка, – сказал он тихонько, хотя вокруг, кроме нас, не было ни души, и слегка придвинулся ко мне. – Ух, как здесь темно, – неуверенно пробормотал мальчишка.

Он выпил почти столько же, сколько Джейми или Фергус, однако в старших мужчинах эль пробудил мрачное чувство юмора, а вот Иэн явно приуныл.

– Ага, темно. Я прихватил из таверны огарок свечи, погоди.

Раздался легкий шорох – Джейми нашел кремень и трутницу. В темноте мне чудилось, что я и сама бесплотна, как призрак. Над головой сияли звезды, но их свет не достигал земли, застревая в душном воздухе, и они выглядели бесконечно далекими и одинокими.

– Как всеношная перед Пасхой, – негромко заговорил Джейми, чиркая кремнем. – Однажды видел службу в соборе Парижской Богоматери. Иэн, камень!

Звук удара и приглушенный стон возвестили, что мальчишка самостоятельно обнаружил преграду.

– Внутри было совсем темно, – продолжал Джейми, – но на входе прихожане покупали небольшие свечки у старух. Похоже на... – я скорее почувствовала, чем увидела, как он указал вверх, – на небо сейчас. Огромное пространство над головой, звенящая тишина, море людей вокруг.

Несмотря на духоту, я невольно содрогнулась от его слов. Они напомнили о множестве мертвецов, лежащих бок о бок прямо под нашими ногами, терпеливо ожидая грядущего воскресения.

– А потом, когда я уже едва мог выносить тишину и толчею, у дверей послышался голос. Священник провозгласил: «Христос воскрес! Да будет свет!» Служки тут же зажгли огромную

свечу в его руках, а от нее и свои свечки и засновали по рядам, передавая пламя всем верующим.

От кремня летели слабые искры, освещая руки Джейми.

– И собор ожил тысячей крошечных огоньков. Но именно та, первая свеча прорвала тьму.

Чирканье прекратилось, и Джейми убрал ладонь, прикрывавшую новорожденное пламя. Оно набрало силу и осветило его лицо снизу, бросая золотистые отблески на лоб и высокие скулы.

Приподняв свечу, Джейми оглядел смутные очертания крестов, таких же зловещих, как и каменные надгробия.

– Да будет свет, – тихо сказал он, склоняя голову перед гранитным памятником, – покойся с миром, друг.

Он говорил серьезно, уже без полунасмешливой нотки, и я вдруг почувствовала странное спокойствие, как будто некий призрачный наблюдатель наконец отступил.

Джейми улыбнулся и протянул мне свечу.

– Поищи деревяшек для факела, саксоночка, – сказал он. – А мы с Иэном будем по очереди копать.

Я все равно напоминала себе расхитителя могил, пока стояла с факелом под деревом и наблюдала, как юный Иэн и Джейми по очереди роют могилу. Их обнаженные спины поблескивали от пота.

– Студенты-медики раньше платили людям, чтобы те крали для них свежие трупы с кладбищ, – заметила я, протягивая свой испачканный носовой платок Джейми, который, кряхтя, выбрался из ямы. – Только так они могли попрактиковаться в анатомировании.

– Платили? – отозвался Джейми. Он вытер лицо и покосился на меня. – Или платят?

К счастью, в темноте Иэн не заметил, как я вспыхнула. Не в первый раз я вот так оговаривалась, и явно не в последний. Чаще всего подобные оплошности вызывали не более чем удивленные взгляды, или их вообще не замечали. Ведь о том, откуда они берутся, никто даже при всем желании не догадался бы.

– Наверное, они и сейчас подобным занимаются, – выкрутилась я.

Я содрогнулась от мысли о необходимости работать с только что извлеченным телом. Уже тронутым разложением, покрытым грязью оскверненной могилы. Набальзамированные трупы на стерильных стальных столах, конечно, тоже не особо приятны, но их вид по крайней мере не демонстрировал смерть во всей ее гниющей красе.

Резко выдохнув через нос, я попыталась отогнать от себя такие живые воспоминания о запахах. А когда снова вдохнула, то почувствовала только сырую землю, горячую смолу и ее прохладный отголосок – аромат самих сосен над головой.

– А еще они забирают нищих и преступников из тюрем. – Иэн явно нас расслышал. Он, скорее всего, ничего не понял, однако воспользовался возможностью передохнуть: утер лоб и оперся на черенок лопаты. – Папа рассказывал. Однажды его арестовали, отправили в Эдинбург и заперли в Толбуте, в камере с тремя заключенными. Так вот один из них страдал от чахотки. Кашлял ужасно, спать совсем не давал. И как-то ночью кашель прекратился – несчастный умер. Но папа сказал, что они все тогда слишком вымотались, поэтому смогли лишь прочитать над ним молитву и сразу же заснули.

Мальчик умолк и почесал нос.

– Потом папа вдруг проснулся оттого, что его поднимают за руки, за ноги. Начал пинаться и орать так, что его вырвали, и он грохнулся головой прямо о каменный пол. Сел, значит, потирая макушку, и понял, что глядит на доктора из местной больницы и двух ребят, которых тот снарядил с собой, чтобы забрать тело на вскрытие.

Юный Иэн широко усмехнулся воспоминаниям, убирая с лица влажные от пота волосы.

– Папа говорил, что не знал, кого больше боялся: доктора или парней, выбравших не то тело. Доктор-то сожалел: мол, из папы вышел бы более любопытный образец. Ну, одноногий, все такое.

Джейми рассмеялся, потягиваясь, чтобы расслабить плечи. Перепачканный, да с повязанным на голове платком, чтобы волосы не мешались, он выглядел ничем не лучше расхитителя могил.

– Ага, помню эту историю. Теперь Иэн-старший всех докторов считает упырями и садистами и ничего общего с ними иметь не желает.

Джейми усмехнулся, глядя на меня. В своем времени я была врачом, причем хирургом; здесь же я могла выдавать себя лишь за знахарку, сведущую в травах.

– К счастью, я каких-то там упырей не боюсь, – сказал Джейми и быстро меня поцеловал.

Его губы были теплыми, с привкусом эля. По груди стекал пот, цепляясь за завитки волос. В тусклом свете на коже темнели соски. Я вздрогнула, но вовсе не от холода или зловещей обстановки. Джейми заметил. Наши взгляды встретились. Он глубоко вздохнул, и я вдруг почувствовала всю тесноту корсажа и тяжесть собственной груди под пропитавшейся потом тканью.

Джейми слегка шевельнулся, пытаюсь встать так, чтобы и без того узкие штаны не давили на плоть.

– Вот черт... – тихонько выругался он и отвел взгляд, печально улыбаясь.

Так бывает. Внезапная вспышка похоти – частая, пусть и странная реакция на близость смерти. Такое случается и у солдат после боя, и у врачей после тяжелой работы по локти в крови. Может, Иэн и прав, доктора те еще упыри...

Джейми коснулся моей спины, и я вновь вздрогнула. От резкого движения с факела посыпались искры. Джейми забрал его и кивнул на надгробие рядом.

– Присядь, саксоночка. Тебе вредно столько стоять.

Во время кораблекрушения я заработала трещину в большеберцовой кости левой ноги, и нога до сих пор иногда болела.

– Все хорошо, – отозвалась я, однако шагнула к надгробию, по пути легонько задев Джейми.

Он излучал жар, но на ощупь его кожа была прохладной – ее остудил выступивший пот. Джейми покрылся мурашками от моего касания. Я слотнула, отгоняя внезапное видение: темнота, страстные объятия, смятая трава...

Джейми приласкал мой локоть, помогая усесться на камень. Рядом обнаружился Ролло. Он тяжело дышал от духоты, на клыках поблескивали капли слюны, желтые глаза прищурились.

– Даже не думай, – отрезала я, щурясь на пса в ответ. – Укусишь – я тебе туфлю в пасть затолкаю, подавишься.

– Гав, – негромко ответил Ролло. Он устроил морду на лапах, но мохнатые уши стояли торчком, готовые уловить малейший шорох.

Лопата с тихим чавканьем вошла в землю у ног Иэна. Выпрямившись, юноша вытер пот с лица грязной ладонью, шумно выдохнул и по-собачьи вывалил язык, изображая усталость.

– Ага, уже хватит, – кивнул Джейми на его безмолвную мольбу. – Пойду за Гэвином.

Фергус нахмурился.

– А вы сами донесете тело, милорд? – произнес он, явно не желая с этим связываться.

– Справлюсь, – криво улыбнулся Джейми. – Гэвин небольшого роста. А вот факел понадобится. Посветишь мне?

– И я пойду, дядя! – Иэн мигом выкарабкался из могилы. – На всякий случай, вдруг помочь надо, – добавил он, запыхавшись.

– Боишься один в темноте остаться? – съязвил Фергус.

Наверное, это место и его самого заставляло нервничать. Да, он частенько дразнил Иэна, к которому относился как к младшему брату, однако почти не шутил по-настоящему жестоко.

– Ага, боюсь, – просто ответил Иэн. – А ты нет?

Вскинув брови, Фергус промолчал и последовал за Джейми к темному провалу покойничьих ворот.

– Правда здесь страшно, тетушка? – смущенно пробормотал Иэн, держась ко мне поближе, пока мы пробирались мимо надгробий вслед за огоньком факела. – Все думаю про ту историю, что дядя Джейми рассказал. Теперь ведь Гэвин умер, и, может, та холодная штука-вина... То есть теперь... она за ним вернется?

Мальчишка шумно сглотнул, и мне показалось, будто ледяные пальцы коснулись спины.

– Нет, – сказала я довольно громко и схватила Иэна под руку, даже не ради поддержки, а чтобы убедиться, что он живой и теплый. – Конечно, нет.

Кожа мальчика была липкой от пота, но ощущение мышц под ладонью успокаивало. А почти невидимая фигура напоминала о Джейми. Иэн вымахал едва ли не с него ростом, да и в силе прибавил, хотя по-прежнему оставался тощим и нескладным, как любой подросток.

Мы с благодарностью шагнули в крошечный островок света от факела в руке Фергуса. Огонь плясал, и колеса фургона отбрасывали причудливые тени-паутины. На дороге было точно так же душно, как и на кладбище, но дышалось почему-то легче, свободнее. Больше не нависали давящие деревья.

Дункан, как ни странно, еще не заснул. Он ссутулился на козлах, втянув голову в плечи, словно сонный филин, и мурлыкал себе под нос, пока не увидел нас. Долгое ожидание, наверное, слегка привело его в чувство, он достаточно уверенно соскользнул с места и направился помогать Джейми.

Я подавила зевок. Поскорее бы уже разделаться с нашим печальным долгом и отдохнуть, даже на постели из горы листьев...

– *Ifrinn an Diabhuil! A Dhia, thoir cobhair!*³

– *Sacrée Vierge!*⁴

Я вскинула голову. Испуганные лошади ржали и рвались из упряжи, от чего фургон дергался и раскачивался.

– Гав! – высказался рядом со мной Ролло.

– Господи! – выдохнул Иэн, тарашась на фургон. – Господи Иисусе!

Я завизжала. Из фургона показалась бледная фигура. Больше я ничего не успела увидеть – все завертелось.

Ролло бросился вперед с рычанием, вторившим крикам Иэна и Джейми и жуткому вою призрака. У меня за спиной послышались ругательства на французском – Фергус рванул обратно на кладбище, в темноте спотыкаясь и врезаясь в надгробия.

Джейми выронил факел – огонь замигал и зашипел на пыльной дороге. Рухнув на колени, я подхватила его и принялась отчаянно раздувать пламя.

Крики и рычание стали громче, а когда я поднялась с факелом в руке, то увидела, как Иэн пытается оттащить Ролло от смутных фигур, которые катались по земле в облаке пыли.

– *Arrêtes, espèce de cochon!*⁵ – выскочил из темноты Фергус, угрожающе взмахивая лопатой.

---

³ Тысяча чертей! Господи, помоги! (*гэльск.*)

⁴ Святая Дева! (*фр.*)

⁵ Стоять, свинья! (*фр.*)

Поняв, что никто не обратил на него внимания, он шагнул вперед и двинул лопатой по голове прищельца с глухим «бам!», а потом развернулся к Иэну с Ролло.

– И ты угомонись, – пригрозил псу Фергус. – Сейчас же умолкни, поганая тварь, или я мозги тебе вышибу!

Ролло заворчал, оскалив огромные зубы, что, на мой взгляд, переводилось, как «а еще чего?». Однако его удержал Иэн: что было силы обхватил пса за шею руками.

– Откуда он взялся? – Мальчишка вытянул шею, пытаясь рассмотреть упавшее тело и одновременно не выпустить Ролло.

– Из ада, – буркнул Фергус. – Сейчас я его отправлю обратно.

От пережитого потрясения и напряжения он весь дрожал. Крюк тускло блеснул, когда Фергус смахнул им с лица прядь густых черных волос.

– Не из ада, а с казни. Ты что, не узнал?

Джейми медленно поднялся, оттряхивая штаны.

– Где Дункан? – огляделся он, вытирая лицо платком.

– Здесь, Макдью, – послышался мрачный голос со стороны упряжки. – Лошадям и так Гэвин не нравится, а тут они совсем расстроились. Правда, – признал Дункан, – я и сам струхнул малость. – Он недовольно уставился на человека в пыли и крепко похлопал по шее норовистую лошадку. – Эй, это просто какой-то недоумок, угомонись, хорошая моя.

Вручив факел Иэну, я опустила на колени и осмотрела незнакомца. Досталось ему несильно, он уже шевелился. Джейми прав: нашим гостем оказался тот самый беглец. Молодой мужчина, лет тридцати, хорошо сложенный и сильный. Светлые волосы свалились от грязи и пота. А еще от него несло тюрьмой и страхом. Неудивительно.

Я поддержала его под локоть, помогла сесть. Беглец заворчал, держась за голову.

– Как вы?

– Благодарствую, мэм, бывало и получше, – заговорил он с легким ирландским акцентом. Голос у него оказался мягкий, глубокий.

Ролло, слегка скалясь, сунул нос под мышку мужчине, а потом отдернул голову и шумно чихнул. Раздались тихие смешки, и напряжение мгновенно спало.

– Ты как долго там просидел? – требовательно спросил Дункан.

– Да с полудня. – Беглец поднялся на колени, покачиваясь после удара лопатой. Он снова коснулся головы и поморщился. – Ох, господи... Заполз туда, как только французик погрузил беднягу Гэвина.

– А до этого вы где были? – спросил Иэн.

– Под виселицей прятался. Думал, туда-то они уж точно не заглянут. – Глаза его в свете факела были светло-зелеными, как вода на отмели. Взгляд заметался от лица к лицу и наконец остановился на Джейми. – Стивен Боннет. К вашим услугам, сэр.

Руку для приветствия он не протянул. Как и Джейми.

– Мистер Боннет, – кивнул тот в ответ, сохраняя на лице спокойствие.

Не знаю, как он умудрялся смотреться так внушительно, будучи одет лишь в пару влажных грязных штанов.

Таких, как Боннет, деревенские жители называли ладно сбитыми, с грубым, по-своему красивым лицом. Ростом он был немного ниже Джейми, но стоял расслабленно, слегка сжимая кулаки. Драться умеет – судя по немного искривленному носу и шрамику в углу рта. Впрочем, эти изъяны нисколько не умаляли его животной притягательности. Женщины на таких падки. Однако далеко не все, поправила себя я, когда он бросил на меня задумчивый взгляд.

– За какую провинность вас приговорили к смерти, мистер Боннет? – спросил Джейми.

Он тоже выглядел спокойным, хотя напряженно следил за собеседником – точно как сам Боннет. Слово два пса, прижав уши, оценивают, когда броситься в бой.

– Контрабанда, – кратко ответил Боннет.

Джейми молча наклонил голову.

– И пиратство. – На лице дернулась мышца – это Боннет пытался улыбнуться или невольно выдал страх?

– А совершая преступления, вы, часом, не убивали?

«Хорошенько подумай, – говорили глаза Джейми, – а потом подумай еще раз».

– Только тех, кто первым хотел убить меня. – Слова прозвучали легко, почти беспечно.

А вот рука Боннета, напротив, сжалась в кулак.

Меня осенило: Боннет сейчас будто вновь предстал перед судом. Он ведь не знает, что мы точно так же не желаем иметь дело с солдатами.

Джейми еще раз присмотрелся к чужаку, а потом кивнул и отступил на полшага назад.

– Что ж, идите, – тихо сказал он. – Мы не станем мешать.

Боннет шумно выдохнул. Сильное тело расслабилось, а плечи под дешевой льняной рубашкой опустились.

– Благодарю, – отозвался он, затем провел ладонью по лицу и снова вздохнул. Взгляд метнулся от меня к Фергусу, потом к Дункану. – Может, вы мне подсобите?

Дункан, успокоившийся после слов Джейми, удивленно заворчал:

– Подсобить? Тебе, вору?

Боннет повернулся к нему. Железный ошейник создавал странное впечатление – будто голова парила отдельно от тела.

– Помогите, – повторил Боннет. – На дорогах полно солдат – все меня ищут. А вы могли бы тихонько провезти меня мимо них... если того пожелаете. – Он указал на фургон и повернулся к Джейми, снова выпрямив спину. – Молю о помощи, сэр, именем Гэвина Хэйза, который также был моим другом. И вором, как я.

Мои товарищи задумались. Фергус вопросительно глянул на Джейми. Решение оставалось за ним. Джейми повернулся к Дункану.

– Что скажешь?

– Ради Гэвина, – наконец кивнул тот и не спеша направился к воротам кладбища.

– Ладно, – вздохнул Джейми и убрал выбившуюся прядь волос за ухо. – Помогите нам похоронить Гэвина, – обратился он к нашему новому гостю. – И в путь.

Через час могила Гэвина была уже лишь голым прямоугольником свежевскопанной земли.

– Надо написать имя, – сказал Джейми и тщательно выцарапал буквы и даты кончиком ножа на гладком камне.

Я втерла в камень немного сажи с факела; надпись стало лучше видно, и Иэн установил это своеобразное «надгробие» на груду заранее собранной гальки. Сверху Джейми осторожно опустил огарок свечи.

Все мы неловко постояли над могилой, не зная, как попрощаться с Гэвином. Джейми и Дункан держались рядом, опустив глаза. После Каллодена им многих довелось провожать в последний путь, зачастую куда менее торжественно.

Наконец Джейми кивнул Фергусу, и тот, запалив сухую веточку от факела, поджег фитиль свечи.

– *Requiem aeternam dona ei, et lux perpetua luceat ei...* – тихонько проговорил Джейми.

– Да будет он вечно покоиться в мире, и пусть над ним сияет вечный свет... – печальным эхом отозвался Иэн.

Мы молча развернулись и покинули кладбище. Позади осталась гореть свеча – как лампада в пустой церкви.

Когда мы добрались до заставы за городской стеной, на небо поднялась луна, и ее света хватало, чтобы различить широкую ухабистую дорогу.

Мы уже проезжали подобные заставы по пути из Саванны в Чарльстон. Скучающие солдаты попросту давали отмашку, не глядя на пропуска, которые мы добыли в Джорджии. На заставах в основном пытались не допустить контрабанду да отлавливали беглых рабов.

Даже грязными и оборванными, мы легко миновали большинство из них: обычно путешественники выглядели не лучше нашего. Фергуса и Дункана не могли принять за рабов из-за увечий, а вид Джейми говорил сам за себя – и в потрепанной одежде его никто не назвал бы прислугой.

Но теперь все было иначе. На заставе нас встретили восемь солдат, а не привычные два, причем все были начеку и при оружии. В лунном свете тускло сверкнули стволы мушкетов.

– Стой! – раздался окрик из темноты. – Кто такие, куда направляетесь?

Свет больно резанул по глазам – кто-то сунул фонарь мне чуть ли не в лицо.

– Джеймс Фрейзер, направляюсь в Уилмингтон с семьей и слугами, – спокойно проговорил Джейми. Он передал мне поводья и потянулся за пропусками.

Я опустила голову, стараясь притвориться усталой и безучастной. То есть я устала, конечно же, – хоть посреди дороги завалилась бы спать, – но до безучастной мне было далеко. Что они делают с теми, кто помогает осужденным сбежать?.. По шее стекла капелька пота.

– Никого не встретили по дороге, сэр? – Обращение «сэр» солдат выдавил нехотя – уж слишком обшарпано мы выглядели, даже в свете одинокого фонаря.

– Только экипаж, который нас обогнал. Думаю, вы и сами его видели, – ответил Джейми.

Сержант что-то проворчал в ответ, внимательно изучая пропуска, а потом взгляделся в темноту – пересчитывал нас.

– Что везете? – Он вернул пропуска и жестом приказал подчиненному обыскать фургон.

Я нечаянно дернула поводья, и лошади зафырчали, мотая головами. Нога Джейми тут же коснулась моей.

– Домашние вещи, – ответил он, по-прежнему невозмутимый. – Половину оленьей туши и соль для пропитания. И тело.

Солдат, потянувшийся было к фургону, замер.

– И что? – уставился на Джейми сержант.

Джейми забрал у меня поводья и привычным движением обернул их вокруг запястья. Краем глаза я заметила, как Дункан скользнул в сторону темного леса. Фергус с проворством карманника уже давно исчез из виду.

– Тело человека, повешенного сегодня днем. Мы были знакомы. Полковник Франклин разрешил отвезти его родственникам, на север. Поэтому мы путешествуем по ночам, – уточнил Джейми.

– Ясно. – Сержант подозвал солдата с фонарем поближе и задумчиво прищурился. – А я вас помню. Вы его окликнули в последний момент. Друг, что ли?

– Познакомились однажды. Несколько лет назад.

Сержант кивнул подчиненному, не сводя с Джейми глаз.

– Гризвольд, проверь.

Гризвольд, которому на вид было лет четырнадцать, совсем не обрадовался приказу, но послушно отодвинул брезент и приподнял фонарь. Я еле удержалась, чтобы не оглянуться.

Лошадь снова всхрапнула и дернула головой. Если нам придется удирать, кони все равно не сразу сдвинут фургон с места... Сзади зашевелился Иэн – мальчишка тайком сжал дубинку, спрятанную под сиденьем.

– Так точно, сэр, тело, – отчитался Гризвольд. – В саване.

Он с облегчением опустил брезент и шумно выдохнул.

– Ткни его пару раз штыком.

Должно быть, я издала какой-то звук – взгляд сержанта метнулся ко мне.

– Вы испортите фургон, – возразил Джейми. – Тело-то уже порядком разложилось, после целого дня на солнце.

Сержант нетерпеливо фыркнул.

– Тогда ткни в ногу. Гризвольд, бегом!

С откровенной неохотой солдат прикрепил штык к мушкету и, привстав на цыпочки, осторожно потыкал им в фургон. Иэн начал тихонечко насвистывать гэльскую песенку, название которой переводилось как «Утром мы умрем». Бестактный мальчишка.

– Точно мертв, сэр. – Гризвольд с заметным облегчением опустил на пятки. – Я сильно ткнул, а он и не дернулся.

– Ладно. – Отпустив юношу коротким жестом, сержант кивнул Джейми. – Можете отправляться, мистер Фрейзер. Впредь выбирайте друзей получше.

Костяшки пальцев, сжимавших поводья, побелели, однако Джейми лишь выпрямился и поправил шляпу. Он цокнул языком – лошади тут же сорвались в бег, оставляя за собой облачка пыли.

После света темнота, казалось, поглотила нас полностью. Я почти ничего в ней не различала, даже несмотря на луну, и почувствовала облегчение, сродни тому, что ощущают загнанные звери, обретя убежище. Дышалось мне, несмотря на духоту, куда свободнее.

Почти четверть мили мы преодолели в молчании.

– Вы ранены, мистер Боннет? – громким шепотом спросил Иэн.

– Ага, чертов щенок ткнул меня в бедро, – тихо отозвался тот. – Слава богу, кровь тогда не успела пропитать саван. Откуда она у мертвеца?

– Сильно ранены? Осмотреть вас? – оглянулась я.

Боннет – смутная фигура – откинул брезент и уселся.

– Нет, мэм, благодарю. Уже обвязал ногу чулком; думаю, сойдет пока.

Он наклонил голову, и я разглядела во тьме его светлую шевелюру.

– Ходить сможете? – Джейми перевел лошадей на шаг и тоже оглянулся на гостя. Хотя говорил он вполне дружелюбно, было ясно, что он хочет избавиться от такого опасного попутчика как можно скорее.

– С трудом. Прошу прощения, сэр.

Боннет тоже почувствовал желание Джейми. Он кое-как поднялся, опираясь на здоровое колено. Нижняя часть туловища скрывалась в темноте, но я чувствовала запах крови, куда более резкий, чем уже едва различимый душок от савана.

– Есть предложение, мистер Фрейзер. Через три мили будет дорога Ферри-Трейл. Через милю после перекрестка будет другая – к побережью, узкая и ухабистая. Приведет она к устью ручья с выходом в море. В течение недели там встанут на якорь мои товарищи. Если вы любезно оставите мне немного провизии, я дождусь их в относительной безопасности, а вы продолжите путь уже без моей сомнительной компании.

– Товарищи? То есть пираты? – насторожился Иэн. Так как из Шотландии его выкрали именно они, мальчишка больше ни капли не романтизировал морских разбойников, как обычно делают пятнадцатилетние юнцы.

– Ну, это с какой стороны посмотреть, парень, – хмыкнул Боннет. – Конечно, так их назовут власти Каролины, а вот торговцы из Уилмингтона и Чарльстона, возможно, не согласятся.

Джейми фыркнул.

– Контрабандисты, да? И что же возят ваши товарищи?

– Все, что оправдает риск, – так же насмешливо отозвался Боннет, правда, теперь уже с долей цинизма. – Желаете вознаграждение за помощь? Можно устроить.

– Не желаем, – холодно ответил Джейми. – Я спас вас ради Гэвина Хэйза... и ради себя. И не ищу вознаграждения.

– Не хотел вас обидеть, сэр, – слегка наклонил голову Боннет.

– Все в порядке. – Джейми намотал поводья на другое запястье.

Солдаты нам больше не встречались, да и вообще все замерло, даже ветерок не шелестел в листве. Ничто не нарушало тишину летней ночи, лишь тоненько чирикала пролетающая птичка или ухала сова.

Тихий, ровный перестук копыт и поскрипывание фургона потихоньку усыпляли. Я старалась сидеть ровно, вглядываясь в тени деревьев, но все равно постепенно заваливалась на Джейми, а глаза закрывались, как я ни старалась держать их открытыми.

Джейми взял поводья в левую руку и, обняв меня правой, уложил к себе на плечо. С ним рядом всегда так спокойно. Я обмякла, прижавшись щекой к пыльному сюртуку, и тут же погрузилась в тревожную дрему, свойственную измученному телу, когда лечь нет возможности.

В какой-то момент я открыла глаза и увидела высокую, худощавую фигуру Дункана Иннеса. Он неумоимо, как истинный горец, шагал рядом с фургоном, склонив голову, будто размышлял. Затем я вновь задремала, и прожитый день смешался с обрывками снов. В них под столом таверны сидел огромный скунс и распевал со всеми гимн «Знамя, усыпанное звездами». Потом был труп в петле, он вдруг поднял голову на сломанной шее и усмехнулся, глядя пустыми глазницами...

Джейми осторожно потряс меня за плечо – и я проснулась.

– Ты бы лучше забралась в фургон да поспала, саксоночка. Дергаешься во сне, ненароком на дорогу свалишься.

Согласно буркнув, я неловко перелезла назад. Там я поменялась местами с Боннетом и прилегла рядом с дремлющим Иэном.

Внутри фургона пахло плесенью. И еще чем похуже. Иэн пристроил голову на грубо разделанную оленину, завернутую в недубленую шкуру. Ролло уткнулся мохнатой мордой Иэну в живот. Я же взяла вместо подушки кожаный мешочек соли. Жестко, зато не воняет.

Фургон нещадно трясло, но наконец вытянуть ноги было настолько приятно, что остальные неудобства я попросту перестала замечать. Я перевернулась на спину и вгляделась в необъятное южное небо, густо усеянное сияющими звездами. Да будет свет... Утешившись мыслью, что Гэвин Хэйз наконец встретил свою семью в раю, я заснула как убитая.

Не знаю, сколько я проспала, разомлев от жары и усталости. Проснулась я, вся мокрая от пота, когда фургон поехал быстрее.

Боннет и Джейми негромко беседовали, преодолев неловкость после знакомства.

– Вы сказали, что спасли меня ради Гэвина Хэйза... и ради себя, – произнес Боннет почти неслышно из-за громящих колес. – Что вы имели в виду, сэр, если позволите спросить?

Джейми ответил не сразу – я даже почти успела снова задремать.

– Прошлой ночью вы ведь почти не спали, так? Зная, что будет утром.

Боннет невесело рассмеялся.

– Воистину. Еще не скоро это забуду.

– Вот и я. – Джейми мягко обратился к лошадям по-гэльски, и они замедлили ход. – Мне тоже довелось пережить такую ночь, когда наутро меня должны были повесить. Однако, вот он я, жив, благодаря тому, кто рискнул всем ради моего спасения.

– Ясно, – тихо отозвался Боннет. – Значит, вы *асгина-агели*?

– А? И что же это?

По бокам фургона зашуршали листья и заскребли ветки. Резче запахло пряным древесным соком. Что-то легонько мазнуло мне по лицу – листья падали и сверху. Лошади еще больше сбавили ход, скрип фургона стал другим, а колеса покатались по неровной поверхности. Мы свернули на дорогу к ручью, о котором рассказывал Боннет.

– Так говорят краснокожие дикари, чероки с гор. Слышал от одного, который послужил мне однажды проводником. Это значит «полупризрак». Тот, кто должен был умереть, но остался на земле. Женщина, выжившая после смертельной болезни, мужчина, попавший в руки врагов и сумевший бежать. Говорят, *асгина-агели* одной ногой стоит на земле, а другой – в мире духов. Такой человек способен общаться с ними и видеть *нуннаков* – Маленький Народец.

– Это как фейри? – удивился Джейми.

– Что-то вроде. – Боннет потянулся, и сиденье под ним скрипнуло. – Индейцы говорят, что *нуннаки* обитают внутри скал и выходят, чтобы помочь людям во время войн или иных бедствий.

– Похоже на шотландские легенды про Древний Народец.

– Действительно, – развеселился Боннет. – Значит, не так уж много различий между горцами и индейцами, а?

– Чушь, – ничуть не обиделся Джейми. – Слышал, краснокожие дикари поедают сердца врагов. Я вот предпочту добрую миску овсяной каши.

Боннет сдавленно фыркнул.

– Так вы горец? Ну, должен сказать, что для дикаря вы, на мой взгляд, весьма цивилизованны, – со смехом заверил он Джейми.

– Весьма признателен за подобную оценку, сэра, – отозвался тот.

Их голоса постепенно слились с ритмичным поскрипыванием колес, и я снова погрузилась в сон.

Когда мы остановились, луну едва было видно за деревьями. Меня разбудил Иэн, который сонно выбирался из фургона, чтобы помочь Джейми распрячь лошадей. Я высунулась и разглядела широкую полосу воды меж глинистых берегов. Темный поток блеснул серебром там, где она подергивалась рябью у камней. Может, Боннет, со свойственной для Нового Света склонностью преуменьшать, и назвал это ручьем, но большинство лодочников посчитали бы его вполне приличной рекой.

Мои спутники бродили туда-сюда в тених, почти безмолвно выполняя каждый свое поручение. Двигались непривычно медленно, растворяясь в ночи, словно усталость совсем их истончила.

– Найди себе местечко для ночлега, саксоночка. – Джейми помог мне спрыгнуть с фургона. – А я соберу провизию для нашего гостя и отправлю его в путь, а потом позабочусь о лошадях.

Возле воды воздух порядком посвежел, и я слегка воспрянула духом.

– Не засну, пока не искупаюсь! Ужасно себя чувствую.

К влажному виску пристали пряди волос, а вся кожа чесалась от грязи. Темная вода так и манила прохладой. Джейми задумчиво уставился на реку, дернув мятый шейный платок.

– Да уж, понимаю. Только осторожно, ладно? Боннет говорит, здесь глубоко, а еще река приливная – тут сильное течение.

– Буду у самого берега. – Я кивнула на небольшой выступ земли, где река поворачивала и ивы отливали серебром в лунном свете. – Видишь? Там заводь.

– Ага. Смотри, осторожно, – повторил Джейми и сжал мой локоть на прощание.

Только я повернулась, как передо мной возникла смутная высокая фигура – наш гость, чья штанина потемнела от засохшей крови.

– Ваш покорный слуга, мэм, – отвесил он мне должный поклон, несмотря на раненую ногу. – Неужели мы уже прощаемся?

Боннет стоял слишком близко. Я чуть было не отшатнулась.

– Да, – кивнула я, отбросив со лба упавшие пряди. – Удачи вам, мистер Боннет.

– Благодарю за доброе пожелание, мэм, – тихо ответил он. – Но я убедился, что человек зачастую сам должен позаботиться о своей удаче. Доброй вам ночи, мэм.

Он вновь поклонился и отошел, сильно хромя, как призрак раненого медведя.

Шум речного потока заглушал привычные ночные звуки. Над водой, в погоне за крошечными насекомыми, пронеслась летучая мышь.

Джейми тихо ворчал себе под нос.

– Все-таки сомневаюсь я в нем, – произнес он, хотя я ничего не спросила. – Надеюсь, что проявил великодушие, а не сглупил.

– Не отправлять же его на виселицу, – сказала я.

– Ну, я мог.

Джейми увидел мой изумленный взгляд и криво усмехнулся.

– Власти не всегда ошибаются с приговором, саксоночка. Чаще всего повешенный заслуживает свою судьбу. А я не хочу думать, что помог злодею сбежать. – Он пожал плечами и отбросил волосы с лица. – Ладно, дело уже сделано. Иди искупайся. Я подожду, как смогу.

Поднявшись на цыпочки, я потянулась его поцеловать и почувствовала, как он улыбнулся. Я осторожно коснулась его рта языком, словно спрашивая, а Джейми легонько прикусил мою нижнюю губу в ответ.

– Сможешь потом еще немного потерпеть без сна? Самую малость?

– Столько, сколько нужно, – завершила его я. – Но ты поспеши.

Под ивами обнаружилась полянка. Я медленно разделась, с удовольствием ощущая дуновение ветерка и свободу от влажной одежды.

Я осторожно ступила в воду, на удивление прохладную, даже холодную, по сравнению с горячим ночным воздухом. Илистое дно, стоило отойти от берега, стало песчаным.

Хотя на реку влияли морские приливы и отливы, мы остановились достаточно высоко по течению, поэтому вода была свежей и пресной. Я попила и умылась, смывая пыль.

В воду я вошла только до середины бедра, памятуя о предупреждении. О, как прекрасно почувствовать прохладу на коже после изнуряющей дневной жары и объятий ночной духоты! Я плеснула пригоршню воды на грудь. Капли, щекоча, стекли по животу.

Близился прилив – небольшие волны бились о ноги, подталкивая к берегу. Но я еще не собиралась уходить. Мыла у меня не было, так что я просто несколько раз промыла волосы чистой водой, а кожу натерла песком, пока она не засияла от чистоты.

Потом, забравшись на прогретый за день камень, я растянулась на нем, как русалка в лунном свете. Не спеша вычесала длинные, вьющиеся волосы пальцами. Несмотря на чудовищную усталость, я почему-то чувствовала себя живой, будучи в том состоянии, когда мысли замедляют ход, зато усиливаются ощущения. Моя грудь набухла, как два белых купола, усеянные прозрачными каплями. Я легонько коснулась соска – он медленно затвердел сам собой, словно по волшебству.

До чего же здесь... да, волшебно. Тихой безветренной ночью я будто покачивалась на водах теплого моря. В небе, таком чистом над побережьем, ярко сияли звезды. Всплеск. Я уставилась на воду. Ничего – только круги на темной поверхности. Отражения звезд заматались в них, как светлячки в паутине.

И вдруг посреди ручья наверх вырвалась морда. Во все стороны полетели брызги. Во рту Ролло билась рыба. Мелькнули чешуйки – он яростно мотнул головой и сломал ей хребет. Огромный пес медленно поплыл к берегу, отряхнулся и побрел прочь, сжимая свой обмякший ужин в зубах.

Он на миг остановился, уставившись на меня. Желтые глаза и чешуя рыбы блеснули в обрамлении темной шерсти. Как на картине примитивиста. Как у Анри Руссо: бескрайняя дикость и полное спокойствие.

Затем пес ушел, и на другом конце берега остались лишь деревья и то, что скрывалось за ними. А что там? Больше деревьев, подсказал разум.

– Куда больше, – пробормотала я, вглядываясь в таинственный мрак.

Цивилизованный мир – даже в такой примитивной форме, к которой я постепенно привыкла, – лежал тонким полумесяцем вдоль побережья. Двести миль в глубь континента – и уже не встретишь ни города, ни захудалой фермы. Дальше распростерлись долгих три тысячи миль... чего? Дикой местности, конечно, и таящейся опасности. А еще приключений... и свободы.

Новый мир, полный страха и радости, ведь теперь мы с Джейми вместе навсегда. Расставания и печали остались позади. Даже мысли о Брианне не причиняли боли. Да, я ужасно скучала по дочери и постоянно о ней вспоминала. Но в то же время знала, что она спокойно живет в своем времени, и знание это смягчало разлуку.

Накопившийся в камне жар прошедшего дня перетекал теплом в мое тело. Капли влаги высыхали прямо на глазах. Как хорошо чувствовать себя живой...

Над водой вились стайки мошек; я слышала, как временами из воды выпрыгивают рыбы, чтобы их поймать.

Насекомые были просто вездесущим проклятием. Каждое утро я тщательно проверяла кожу Джейми, снимала с него ненасытных клещей и блох, щедро смазывала всех своих спутников соком давленной болотной мяты и табачного листа. Если бы не это, нас бы съели заживо, ведь москиты и прочие кровососущие твари тучами вились в лесах. Правда, они все равно доводили до бешенства тем, что вечно забивались в уши, носы, попадали в рот или в глаза.

Как ни странно, большинство насекомых ко мне не приближались. Иэн шутил, что от меня слишком сильно разит травами, но, кажется, все было сложнее. Я не интересовала эту летучую братию даже сразу после купания.

Я думала, так проявляются чудеса эволюции. Наверное, они же и защищали меня в этом мире от простуд и мелких заболеваний. Микробы развиваются вместе с человеком и очень тонко чувствуют малейшие химические сигналы организма «хозяина». Так как я появилась из другого времени, мои сигналы иные, поэтому насекомые не видят во мне добычу.

– Или Иэн прав, и от меня просто воняет, – сказала я вслух.

Я макнула пальцы в воду и обдала брызгами стрекозу, тоже присевшую на камень, прозрачную тень, чьи яркие цвета поглотила тьма.

Хоть бы Джейми поспешил... Я столько дней провела рядом с ним в фургоне, замечая малейшие движения, когда он управлял лошадьми, тени на лице, когда он говорил или улыбался... Очень хотелось до него дотронуться. Мы уже несколько дней не занимались любовью – пришлось спешить, чтобы прибыть в Чарльстон вовремя, да и мне не нравится, когда нас могут услышать.

Пронесся теплый ветерок – крошечные волоски на теле встали дыбом. Сейчас можно не спешить, да и нет никого. Я провела ладонью по мягкому животу и ниже, по нежной внутренней стороне бедер, где в такт сердцебиению пульсировала кровь. Коснулась влажной, набухшей ложбинки, изнывающей от желания.

– Ну и где тебя черти носят, Джейми Фрейзер?.. – пробормотала я, легонько себя лаская.

– Я здесь, – раздался хриплый ответ.

Я испуганно распахнула глаза. Джейми стоял чуть поодаль, по бедра в воде, и его напряженная плоть темнела на фоне светлой кожи. Распущенные волосы ниспадали на плечи, обрамляя белое, как кость, лицо с немигающими, пристальными глазами, как у нашего то ли пса, то ли волка. Застывшее воплощение дикости.

А потом Джейми решительно шагнул вперед. Его прохладная кожа за считанные секунды стала горячей. Жар передался и мне. Наши губы соприкоснулись, и я растаяла в нем – почти буквально. Плевать, насколько сейчас жарко. Даже полчища насекомых больше не пугали. Я

приподняла бедра, и Джейми вошел в меня, твердый и гладкий, и вся прохлада покинула его, как клинок, обагренный горячей кровью.

Мои руки скользили по его влажной спине, а по коже стекали ручейки пота, увлажняя наши животы и бедра, трущиеся друг о друга.

– Господи, у тебя рот такой же соленый и скользкий, как и лоно, – пробормотал Джейми.

Он слизнул крошечные бисеринки пота с моего лица, почти невесомо поцеловал в висок. Я почти забыла, что лежу на голом камне, а его поверхность царапает спину и ягодицы.

– Не могу больше держаться, – прошептал Джейми, тяжело дыша.

– И не надо, – отозвалась я, обхватывая ногами его бедра, прижимаясь крепче в мимолетном безумии единения. – Я, конечно, слышала, что люди могут сгореть от страсти, – проговорила я, слегка запыхавшись, – но это все глупости.

Джейми приподнял голову, лежавшую на моей груди, а потом рассмеялся.

– Господи, ну и жарко! – Он откинул влажные волосы со лба и шумно выдохнул. – Как вообще местные в такую жару любовью занимаются?

– Так же, как и мы только что, – заметила я, сама пытаюсь перевести дыхание.

– Нет, – уверенно заявил Джейми. – Так ведь и помереть можно в процессе!

– Наверное, они делают это медленно, – предположила я. – Или под водой. Или ждут осени.

– Осени? – переспросил Джейми. – Что-то мне все-таки не хочется жить на юге. А в Бостоне жарко?

– В это время года – да. И жутко холодно зимой. Уверена, ты привыкнешь к жаре. И к насекомым.

Джейми стряхнул с плеча комара и глянул на берег.

– Может, привыкну, – сказал он, – а может, и нет, но пока...

Он крепко стиснул меня и перекатился по камню. Мы грациозно, как два полена, свалились в воду.

Мы снова лежали на камне, едва касаясь друг друга. Последние капли влаги высохали на прохладной коже. На другой стороне речки ветви ив касались воды, а кроны чернели на фоне заходящего полумесяца. За ивами на долгие мили простирался девственный лес, ведь города пока ютились лишь на самом краю континента.

Джейми проследил за моим взглядом и угадал, о чем я задумалась.

– Совсем не похоже на то, где ты была в своем времени, да? – кивнул он на полную листвы темноту.

– Пожалуй. – Я сплела свои пальцы с его, рассеянно поглаживая широкие костяшки Джейми. – Дороги будут вымощены, но не булыжниками, а скорее покрыты твердым, гладким веществом... его изобретет шотландец по фамилии Макадам.

Джейми изумленно хмыкнул.

– Значит, в Америке будут жить шотландцы? Здорово.

Я вглядывалась в колеблющиеся тени, словно могла как по волшебству создать из них процветающие города, которые однажды здесь вырастут.

– В Америке будет полно разных людей. И они освоят все земли, отсюда до Западного побережья, которое назовут Калифорнией. А пока... – Я слегка вздрогнула, несмотря на теплый воздух. – Здесь только три тысячи миль дикой местности. И больше ничего.

– Ага, ничего, кроме тысяч кровожадных дикарей, – рассудительно заметил Джейми. – И странных злобных тварей.

– Ну да, – согласилась я. – Наверное.

Эти мысли выбивали меня из колеи. Конечно, в принципе я знала, что в лесах живут индейцы, медведи и прочите лесные обитатели, но сейчас перед нами стояла вполне реальная перспектива внезапно столкнуться с ними лицом к лицу.

– А что будет с индейцами? – полюбопытствовал Джейми, тоже всматриваясь во тьму, как будто пытался рассмотреть в тенях будущее. – Их победят и прогонят?

Я снова вздрогнула и поджала пальцы ног.

– Да, так и будет. Большинство убьют. Немало бросят в тюрьмы.

– Ну и хорошо.

– Как посмотреть, – сухо сказала я. – Не думаю, что индейцы с тобой согласятся.

– Пожалуй, – отозвался Джейми. – Но когда чертов демон попытается содрать с меня скальп, меня что-то не очень будет волновать его мнение, саксоночка.

– Нельзя так просто их обвинять, – возразила я.

– Очень даже можно. Если индеец сдерет с тебя скальп, то я еще как его обвиню, уж поверь.

– А тебе понравится, если вдруг появятся чужаки, которые будут убивать твой народ и лишат тебя родной земли, где вы жили испокон веков?

– Уже появились, – жестко сказал Джейми. – Иначе я по-прежнему жил бы в Шотландии, верно?

– Ну... – запнулась я. – В смысле... в таких обстоятельствах ты бы тоже сражался, так?

Джейми глубоко вздохнул.

– Если англичанин нападет на мой дом, – произнес он, – конечно, я с ним сражусь. И убью не моргнув глазом. Но я не буду сдирать с его головы кожу и размахивать ею как флагом. И причиндалы его есть не стану. Я не дикарь, саксоночка.

– Я и не говорила, что ты дикарь! Просто...

– Кроме того, – неумолимо продолжал он, – я не собираюсь убивать индейцев. Пусть только ко мне не лезут, тогда и я их ничуть не побеспокою.

– Уверена, их такая новость обрадует, – пробормотала я, решив, что на сегодня довольно уговоров.

Мы лежали, прижавшись друг к другу, и смотрели на звезды. Я вдруг почувствовала себя до слез счастливой – и одновременно напуганной. Сколько еще проживут наши чувства? Когда-то я считала, что вечно, но я была куда моложе...

Скоро, даст бог, мы осядем, найдем свой дом, начнем новую жизнь. Это предел моих мечтаний. Однако с моего возвращения прошло всего несколько месяцев. Каждое касание, каждое слово пока переплетались с воспоминаниями и отдавали ощущением первой встречи. Что случится, когда мы вновь друг к другу привыкнем, бок о бок погружаясь в рутину?

– Как думаешь, я тебе надоем? – пробормотал Джейми. – Когда мы осядем?

– Я только что подумала то же самое о тебе.

– Нет, – сказал он с улыбкой в голосе. – Мне-то ты точно не надоешь, саксоночка.

– Откуда ты знаешь?

– Раньше такого не было. Мы были женаты три года, и в последний день ты оставалась для меня такой же желанной, как в первый. Даже больше, наверное, – добавил он тихо, тоже вспоминая, как мы на прощание занимались любовью, прежде чем Джейми отправил меня в будущее сквозь камни.

Я наклонилась и поцеловала его. Теперь он был чистым и свежим, однако по-прежнему слегка пах былой страстью.

– Ты для меня тоже.

– Тогда не думай об этом, саксоночка, и я не стану. – Джейми погладил меня по волосам, убирая влажные кудри со лба. – Наверное, я всю жизнь буду тебя любить. Сколько я ни спал с тобой, ты все равно находишь чем удивить, как сегодня.

- Да? А что я сделала?
- Ну... хм... я не... то есть... – вдруг смутился он.
- М-м? – Я поцеловала кончик его уха.
- Когда я пришел... то, что ты делала... то есть... ты делала то, что я подумал?
- Я улыбнулась, уткнувшись в его плечо.
- Зависит от того, что ты подумал.
- Джейми перекатился на бок.
- Сама прекрасно знаешь.
- Я коснулась его подбородка с выступившей щетиной.
- Да, я знаю. И ты прекрасно знаешь. Зачем спрашивать?
- Ну, я... я не думал, что женщины таким занимаются, вот и все.
- Занимаются. Мужчины тоже, – чуть улыбнулась я. – Ты точно. Сам говорил, что когда был в тюрьме...
- Это другое дело! – Джейми шевельнул губами, подбирая слова. – Я... тогда не было другого выхода. Не мог же я...
- А вне тюрьмы? – Я села и поправила влажную копну волос, поглядывая на него через плечо.
- Кажется, Джейми покраснел.
- Ну... – буркнул он. – Ладно, признаю. А ты... того... часто? – Последнее слово вырвалось хрипом.
- Смотря что значит «часто». Я несколько лет пробыла вдовой, знаешь ли.
- Джейми потер губы костяшками, глядя на меня с любопытством.
- Да, конечно. Просто... для меня новость, что женщины. – Его все больше охватывало восхищение. – А ты можешь... кончить? Без мужчины, в смысле?
- Я расхохоталась, и мой смех эхом унесся прочь.
- С мужчиной куда приятней. – Я коснулась его груди, мягко обвела сосок пальцем, наблюдая, как Джейми покрывается мурашками. – Гораздо, – добавила я тихо.
- Это ведь хорошо?
- Он был горяч – горячее, чем воздух вокруг нас, – и я сперва хотела отпрянуть, но сдержалась. Пот тут же заструился по коже.
- А мы еще никогда не занимались любовью вот так, – проговорил Джейми. – Да мы скользкие, как угри! Ты у меня из рук выскальзываешь... – Он медленно провел ладонями по моей спине, надавливая большими пальцами на позвоночник.
- Это потому, что в Шотландии слишком холодно и мы не потеем как свиньи. Слушай, а свиньи вообще потеют? Любопытно.
- Не знаю, я таким со свиньей не занимался. – Джейми лизнул мою грудь. – Знаешь, саксоночка, ты на вкус как форель.
- Как что?!
- Свежая, мягкая и самую малость соленая, – пояснил он, приподняв голову, и продолжил спускаться.
- Щекотно! – Я вздрагивала от касаний его языка.
- Ага, так и должно быть. И вообще, что-то не по душе мне мысль, что ты можешь совсем без меня получать удовольствие.
- Не могу... ах!
- М-м? – донеслось снизу.
- Я откинулась на спину, выгибаясь.
- Я говорю... «ах», – слабо повторила я.
- А потом еще некоторое время не могла связать и пары слов, пока Джейми не отстранился, переводя дух. Я бережно убрала влажные пряди с его лица, а он поцеловал мою руку.

– Мне кажется, что я Ева, – тихо сказала я, наблюдая, как месяц опускается за темный лес. – На краю райского сада.

Джейми коротко фыркнул.

– Тогда я, выходит, Адам. У райских врат. – Он с тоской глянул на неизведанную тьму вдаль и прижался щекой к моему животу. – Жаль только, что не знаю, вхожу я туда или наоборот.

Я рассмеялась, чем удивила Джейми, а потом обхватила его лицо руками, побуждая мягко улечься на мое влажное от пота тело.

– Входишь. В конце концов, ангела с огненным мечом не видать.

Он опустился на меня, горячий, словно в лихорадке, и я вздрогнула.

– Вот как? Может, ты его просто не заметила? – пробормотал Джейми.

И меня пронзил огненный меч, напрочь оторвав от реальности. Мы вспыхнули вместе, как яркие звезды в ночном небе, а потом рухнули с небес, опаленные и обессиленные. И наш пепел растворился в теплых водах первобытного моря, бурлящего зарождающейся жизнью.

Часть 2

Прошлое, незавершенное

Глава 3

Кошка священника

*Бостон, Массачусетс,
июнь 1969 года*

– Брианна?

– А? – Она рывком села. Сердце бешено колотилось. Звук собственного имени звенел в ушах. – Кто... что?

– А, ты спала. Черт, как знал, что не вовремя! Извини, давай перезвоню потом?

Наконец Брианна поняла: телефон. Зазвонил телефон. А она машинально, во сне, его схватила.

– Роджер! – Адреналин потихоньку сходил на нет, хотя сердце еще не успокоилось. – Нет, все в порядке, я не сплю.

Она провела ладонью по лицу, затем попыталась одновременно распутать провод и расправить смятые простыни.

– Точно? Который у вас там час?

– Не знаю. Слишком темно, не вижу циферблат, – пробормотала она сонно.

– Мне правда жаль. Попытался высчитать разницу, но, кажется, посчитал не в ту сторону. Извини, не хотел разбудить.

– Ничего, все равно пришлось проснуться, чтобы ответить на звонок, – рассмеялась Брианна.

– Ага. Ладно... – улыбнулся на том конце Роджер.

Она расслабленно откинулась на подушки, убирая спутанные волосы с лица и потихоньку осознавая, где находится.

– Рада тебя слышать, Роджер, – тихо сказала Брианна.

Удивительно, насколько она на самом деле была рада. Его голос, такой далекий, почему-то казался ближе, чем вой сирен и шуршание колес за окном.

– И я, – смутился он. – Слушай... Появилась возможность в следующем месяце попасть на конференцию в Бостон. Думал поехать, если... черт, не знаю, как сказать... Ты хочешь встретиться?

Брианна стиснула трубку.

– Прости, – поспешно сказал Роджер. – Я на тебя словно давя. Ты... скажи прямо, если не хочешь.

– Хочу. Конечно же, я хочу с тобой встретиться!

– А-а... Хорошо. Ты не ответила на письмо, и я подумал... может, натворил что-то...

– Нет, все в порядке. Извини. Просто...

– Ничего.

– Я не... – начали они одновременно и смущенно умолкли.

– Я не хотел давить...

– Я не хотела показаться...

И снова. Только на этот раз Роджер рассмеялся, и его низкий смех преодолел пространство и время, словно он сам ее коснулся.

– Все хорошо. Я понимаю.

Брианна прикрыла глаза. Ее охватило необъяснимое облегчение. Роджер Уэйкфилд, скорее всего, вообще единственный в мире человек, который действительно понимал. А ведь раньше она не осознавала, насколько важно понимание.

– Я видела сон, – наконец заговорила она. – Когда телефон зазвонил.

– М-м?

– О моем отце.

Горло слегка сдавило, как всегда, когда она произносила это слово. То же самое случилось и со словом «мать». Брианне до сих пор чудились ароматы сосен, прогретых солнцем, и хруст иглока под сапогами. Приснилось.

– Я не видела его лица. Я шла за ним по лесу, а он говорил, только я не разбирала... я спешила, пыталась догнать, чтобы расслышать, но не смогла.

– Но знала, что это отец?

– Да... может, я так подумала из-за гор. Мы с папой бывали в горах.

– Правда? Я тоже поднимался в горы с отцом. Если когда-нибудь вернешься в Шотландию, пойдем с тобой покорять Манро.

– Куда пойдем?!

Роджер снова рассмеялся. Брианна вдруг вспомнила, как он отбрасывает назад густые черные волосы, которые вечно забывал подстригать, и щурит зеленые глаза, улыбаясь. Она поймала себя на том, что легонько касается нижней губы большим пальцем, и убрала руку. Он поцеловал ее на прощание...

– Манро у нас называют любую вершину выше трех тысяч футов. А их очень много, так что народ соревнуется, кто сколько одолеет. Все равно что марки собирать или спичечные коробки.

– А ты сейчас где, в Шотландии или в Англии? Нет, погоди, дай угадаю! Хм... Шотландия. Ты в Инвернесе.

– Точно, – поразился Роджер. – Откуда ты знаешь?

Брианна потянулась, скрещивая ноги под одеялом.

– Ты по-другому произносишь «р», когда говоришь с шотландцами, – пояснила она. – Заметила, когда мы... были в Лондоне.

Голос почти не дрогнул. Становится все легче и легче, подумалось ей.

– Тепер-р-рь я чуть было не подумал, что ты ясновидящая, – рассмеялся Роджер.

– Жаль, что ты далеко, – поддавшись порыву, произнесла Брианна.

– Правда? – удивился он. – Ну... Я ведь приеду.

– Роджер, слушай... Я не ответила на письмо...

– Не волнуйся, – быстро сказал он. – Через месяц мы встретимся и обо всем поговорим.

Бри, я...

– Да?

Брианна расслышала вздох и вспомнила, как поднималась и опускалась теплая, твердая грудь под ее ладонью.

– Я рад, что ты согласилась.

После разговора Брианна так и не смогла заснуть. Она встала с кровати и побрела на кухню за молоком. И, только на несколько минут застыв у холодильника, слепо глядя на полки, она поняла, что видит вовсе не бутылки кетчупа и открытые консервные банки. А стоячие камни, темнеющие на фоне бледного рассветного неба.

Брианна выпрямилась, нетерпеливо фыркнув, и с грохотом захлопнула дверцу. Потом слегка поежилась и потерла руки – от кондиционера веяло холодом. Она машинально его выключила, затем подняла раму окна. В кухне тут же запахло теплой сыростью дождливой летней ночи.

Следовало ответить на письмо... Она даже садилась за ответ, причем несколько раз, и с досады бросала, не дописав и до середины.

Брианна знала почему. Или она только так думала. А вот внятно объяснить Роджеру...

В какой-то мере это был простейший инстинкт раненого зверя – сбежать и спрятаться от того, что причиняет боль. Конечно, Роджер ни капли не виноват в случившемся год назад, но оказался неразрывно связан с теми событиями.

И потом он был столь нежен, столь добр. Обращался, будто она только-только осиротела, что, в общем-то, было правдой. Однако как странно! Мать пропала навсегда, хотя – Брианна надеялась – оставалась жива. Когда веришь в блаженную жизнь после смерти, отчаянно надеешься, что близкий человек счастлив где-то там, – и все равно терзаешься болью потери и одиночества.

Мимо, через парк, пронеслась «Скорая». Красный огонек пульсировал в темноте, но звук сирены поглотило расстояние.

Брианна по привычке перекрестилась и пробормотала «*Miserere nobis*». Помилуй нас... Сестра Мари Ромен рассказывала в пятом классе, что мертвые и умирающие нуждаются в молитвах. И она так вбила это в головы учеников, что они больше не могли пройти мимо аварии и не вознести краткую молитву, чтобы облегчить страдания тех, кто вот-вот постучится в двери рая.

Брианна молилась каждый день. За мать и за отца... за отцов. Здесь заключалась вторая загвоздка. Дядя Джо знал правду о ее родителях, однако только Роджер мог всецело понять, что случилось. Только Роджер тоже слышал зов камней.

Невозможно пережить подобное и остаться равнодушным, неотмеченным. Так произошло и с ним, и с ней. Когда Клэр отправилась обратно, Роджер не хотел, чтобы Брианна уехала из Шотландии, а она...

Дела, пояснила она. Например, учеба. И не соврала. Самое главное – она просто должна была уехать подальше от Шотландии, от кругов камней, туда, где могла исцелиться, восстановить нормальный ход жизни.

Останься она с Роджером – никогда не сумела бы забыть. Ни на секунду. Вот и третья причина.

Он защищал Брианну, дорожил ею. Мать оставила свою дочь на Роджера, и он оправдал оказанное доверие. Вот только заботился ли он о Брианне лишь из-за обещания – или потому, что она на самом деле ему небезразлична? Все равно, вдвоем им будущего не построить. Особенно когда на обоих тяжким грузом давят обязательства.

Если бы у них могло быть будущее... Вот что так и не удалось написать в письме. Ведь как облечь это в слова, которые не прозвучали бы одновременно самонадеянно и глупо?

– Уйти, чтобы вернуться и сделать все верно, – пробормотала Брианна и поморщилась.

За окном по-прежнему шумел дождь. В воздухе витала прохлада, и поэтому дышалось легко. Скоро рассвет, подумала Брианна, но все же было достаточно тепло – на коже выступали бисеринки пота и щекотно стекали по шее. Хлопковая футболка стала влажной.

Брианна хотела забыть прошлый ноябрь, начать все с чистого листа. Прошло бы достаточно времени, и они встретились бы вновь. Не на вторых ролях в драме ее родителей, а написали бы уже собственную пьесу. Если что-то и будет между ней и Роджером Уэйкфилдом, то произойдет это по их воле. И теперь перед Брианной возникла возможность выбирать. От предвкушения засосало под ложечкой.

Подул ветер, и капли дождя попали девушке на лицо. Она стерла их и пригладила непослушные пряди влажной ладонью. Раз уж не спится, можно поработать.

Окно осталось открытым. Плевать, что натечет лужа. Не хотелось дышать искусственным воздухом из кондиционера.

Щелкнув настольной лампой, Брианна открыла учебник по высшей математике. Она кардинально сменила специальность, зато неожиданно обнаружила, что математика действует успокаивающе.

В одиночку вернувшись в Бостон, Брианна снова взялась за учебу. Но уже не за историю. Инженерное дело показалось более безопасным вариантом: только твердые, неизменные факты. Которые поддаются контролю. Брианна медленно наточила карандаш, наслаждаясь подготовкой, и приступила к первой задаче.

Как всегда, цифры непреклонно сплетались в паутину. И в ней застревали все лишние мысли. Шелковые нити связывали чувства, как назойливых мух. Эту паутину, ровную и прекрасную, сплетала логика. Лишь одна мысль ухитрилась избежать клейких пут и заметалась туда-сюда яркой крошечной бабочкой.

«Я рад, что ты согласилась», – сказал Роджер.

Брианна тоже рада.

Июль 1969 года

– И он говорит как битлы?.. Ох, я на месте помру, если у него акцент как у Джона Леннона! С ума сойти-и!

– Да нет же, ничего общего, угомонись! – прошипела Брианна. Она осторожно выглянула из-за колонны, но международный терминал был все еще пуст. – Ты что, не видишь разницы между ливерпульцем и шотландцем?

– Не-а, – беззаботно отозвалась Гэйл, взъерошив светлые волосы. – Для меня все англичане болтают одинаково. Вечно бы их слушала!

– Да не англичанин он! Шотландец!

Гэйл посмотрела на Брианну, как будто та слегка тронулась умом.

– Шотландия – это часть Англии, я видела на карте.

– Часть Великобритании.

– Какая разница? – Гэйл тоже высунулась из-за колонны. – Ну и чего мы тут прячемся? Он же нас не заметит.

Брианна не знала, хочет ли, чтобы Роджер их заметил. А тем временем взлохмаченные пассажиры с багажом в руках уже потихоньку потекли сквозь двойные двери.

Неумолкающая Гэйл все-таки вытащила Брианну в середину зала. Язык подруги слово вел двойную жизнь: на занятиях Гэйл рассуждала спокойно и взвешенно, зато в компании как с цепи срывалась. Поэтому-то Бри позвала ее с собой встречать Роджера. Так уж точно неловких пауз не возникнет.

– А вы уже занимались с ним этим?..

Бри испуганно уставилась на подругу.

– Чем?!

– Пестики, тычинки... – закатила глаза Гэйл. – Ну что ты как маленькая, Бри!

– Нет. Конечно, нет. – Кровь прилила к ее щекам.

– А собираетесь?

– Гэйл!

– В смысле, у тебя своя квартира, все дела, никто не...

И тут, как назло, в зале появился Роджер Уэйкфилд в белой рубашке и изношенных джинсах. Должно быть, Брианна оцепенела, увидев его, потому что Гэйл мигом оглянулась в ту же сторону.

– Ого-о, – восхищенно протянула она. – Это он? На пирата похож!

Роджер и в самом деле выглядел как пират. Внутри у Брианны что-то шевельнулось. Таких, как он, мать называла черными кельтами – с гладкой оливковой кожей, темными воло-

сами и «подведенными сажей», то есть обрамленными густыми черными ресницами глазами удивительно глубокого зеленого цвета.

Взъерошенные волосы доставали до ворота рубашки, на щеках выступила щетина... Да уж, Роджер выглядел даже не просто распутным, но и слегка опасным. По коже побежали мурашки, и Брианна вытерла вспотевшие ладони о джинсы. Зря согласилась, чтобы он приезжал!

Роджер заметил Брианну, и его лицо озарилось светом. Она не сдержала широкой, совсем глупой ответной улыбки, а затем и вовсе отбросила дурные предчувствия и бросилась к нему, стараясь по пути не налететь на детей и багажные тележки.

Они встретились на середине зала. Роджер чуть не сбил Брианну с ног и до хруста в ребрах стиснул в объятиях. Поцеловал, замер и снова продолжил целовать, царапая щетиной. От него пахло мылом, потом, а губы на вкус отдавали шотландским виски. Брианне так не хотелось, чтобы он отстранялся...

Наконец оба тяжело выдохнули.

– Кхм, – громко раздалось за спиной у Брианны.

Она быстро сделала шаг назад, предоставляя Роджеру возможность увидеть Гэйл. Та сверкнула обворожительной улыбкой, поглядывая из-под светлой челки, и помахала рукой.

– Здра-а-авствуйте, – протянула Гэйл. – Вы, должно быть, Роджер. А если нет, то он будет крайне поражен, когда появится! – Девушка окинула его с головы до ног одобрительным взглядом. – О, на гитаре играете?

Брианна даже не заметила футляр. Роджер поднял его с пола и закинул на плечо.

– Надо зарабатывать на пропитание, – улыбнулся он Гэйл.

– О-о, повторите, прошу! – взмолилась она.

– Повторить что? – удивился Роджер.

– «Зарабатывать на пропитание». – Брианна подхватила одну из его сумок. – Хочет послушать, как ты «р» выговариваешь. Гэйл обожает британские акценты. Ой... это Гэйл, да.

– Ага, я догадался. М-м... – Роджер прокашлялся, пронзил Гэйл взглядом и заговорил, опустив голос чуть ли не на октаву: – Вокр-р-руг гр-р-ромадных гор-р-р бр-р-родил кошмар-р-рный мар-р-родер-р-р. Сойдет?

– Может, хватит? – Брианна недовольно уставилась на подругу, которая изобразила счастливый обморок на ближайшем сиденье. – Не обращай на нее внимания, – посоветовала она Роджеру, разворачиваясь на выход.

Тот все же бросил в сторону Гэйл осторожный взгляд. А затем поднял большую коробку, перетянутую бечевкой, и пошел за Брианной в вестибюль аэропорта.

– Что ты там говорил про пропитание? – спросила Брианна, пытаясь вернуть разговор в нормальное русло.

Роджер смущенно рассмеялся.

– Ну, историческая конференция оплачивает перелет, но не остальные расходы. Так что я навел справки и подыскал себе работенку.

– Будешь играть на гитаре, что ли?

– Днем Роджер Уэйкфилд – кроткий и безобидный ученый из Оксфорда, а по ночам он накидывает на себя богатый тар-р-рган и становится лихим... Роджером Маккензи!

– Кем?

Он улыбнулся.

– Я иногда пою шотландские народные песни на фестивалях. Вот и здесь в конце недели выступлю на кельтском фестивале в горах.

– Шотландские песни? А вы для этого надеваете килт? – нарисовалась рядом с ним Гэйл.

– Разумеется. Иначе как зрители поймут, что перед ними шотландец?

– Обожаю волосатые коленки! – мечтательно заявила Гэйл. – Скажите, а правда, что шотландцы...

– А ну сходи за машиной, – скомандовала Брианна, поспешно вручая подруге ключи.

Гэйл вжалась в стекло автомобиля, наблюдая, как Роджер идет к гостинице.

– Надеюсь, он не успеет побриться, когда мы снова встретимся за обедом. Обожаю легкую небритость. А как думаешь, что там в здоровой коробке?

– Боуран.

– Что?

– Кельтский военный барабан. Роджер иногда использует его в песнях.

Гэйл задумалась, поджав губки.

– Слушай, а может, я его подвезу на этот фестиваль, а? В смысле, у тебя масса дел, и...

– Ха-ха. Я тебя к нему не подпущу, если он наденет килт.

Гэйл тоскливо вздохнула. Брианна завела двигатель.

– Может, там еще будут мужчины в килтах...

– Вполне вероятно.

– Но спорим, у них нет кельтских военных барабанов?

– Наверное.

Гэйл откинулась на спинку сиденья.

– Так что, займетесь сексом?

– Откуда я знаю? – отмахнулась Брианна, однако кровь в венах забурлила, а одежда вдруг показалась слишком тесной.

– Если упустишь шанс, то ты просто сумасшедшая, – радостно заявила Гэйл.

– Кошка священника... андрогинная кошка.

– Кошка священника... кошка *алагрос*.

Бри вскинула бровь, на миг оторвав взгляд от дороги.

– Опять шотландский?

– Игра-то шотландская, – парировал Роджер. – Слово означает «мрачная» или «унылая».

Твоя очередь. Буква «бэ».

Впереди вилась узкая горная дорога. Утреннее солнце светило прямо в лицо, заполняя машину светом.

– Кошка священника... большущая кошка.

– Кошка священника... бархатистая кошка.

– Ну, что-то это для нас простовато. Ничья. Ладно... кошка священника... – Наверное, было слышно, как у Брианны скрипели шестеренки в голове. Наконец голубые глаза радостно сверкнули. – Воспаленно-кокцигодиличная кошка!

Роджер сощурился, пытаясь понять.

– «Воспаленно» – это ясно. А другое слово... э-э... кошка с широким задом?

– Кошка, у которой болит зад, – рассмеялась Брианна, слегка притормаживая на крутом повороте.

– Это вообще настоящее слово?

– Ага. – Брианна снова прибавила скорость. – Это все мамы медицинские термины. Кокцигодия – боль в области копчика. Административный персонал своей больницы мама постоянно называла кокцигодианцами.

– А я-то думал, это по твоей, инженерной части. Ладно, тогда... Кошка священника – взметчивая кошка. – Роджер улыбнулся, завидев вскинутую бровь девушки. – Сварливая. Кокцигодианцы обычно такие по жизни.

– Ладно-ладно. Кошка священника...

– Стой, – перебил ее Роджер, указывая вперед. – Вон поворот.

Брианна свернула на совсем узенькую дорогу, отмеченную красно-белой стрелкой с надписью «КЕЛЬТСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ».

– Огромное спасибо, что подвезла. Даже не подозревал, что фестиваль так далеко забрался.

– Да не так уж далеко, – удивилась Брианна.

– Полторы сотни миль!

Девушка едва заметно усмехнулась.

– Отец всегда говорил, что в этом и заключается разница между американцами и англичанами. Англичанин назовет сто миль дальней дорогой. Американец скажет, что сто лет – это долго.

Роджер рассмеялся от неожиданности.

– Однозначно. Тогда ты, выходит, американка?

– Наверное. – Улыбка Брианны померкла.

Разговор затих. Несколько минут было слышно лишь, как шуршат шины и свистит ветер. Стоял прекрасный летний день. Жаркая сырость Бостона осталась далеко позади, машина мчалась по серпантину все выше и выше, к чистому горному воздуху.

– Кошка священника – глубинная кошка, – наконец тихо проговорил Роджер. – Я сказал что-то не то?

Взгляд Брианны на миг стал печален.

– Кошка священника – гордая кошка. Нет, дело не в тебе. Хотя... в тебе, но ты не виноват.

– Кошка священника – дремучая кошка.

– Кошка священника – давно запутавшаяся кошка... Извини, зря я сказала.

Роджеру хватило ума не расспрашивать. Вместо этого он достал из-под сиденья термос.

– Хочешь чаю с лимоном? – Роджер протянул Брианне чашку, но девушка скорчила рожицу и покачала головой.

– Нет, спасибо. Ненавижу чай.

– Точно не англичанка, – прокомментировал Роджер и тут же пожалел о сказанном: Брианна напряженно вцепилась в руль, хотя ничего не ответила. Роджер молча принялся за чай.

Она и внешне не напоминала англичанок, несмотря на наследственность. Роджер подозревал, что дело тут даже не в манере одеваться. Американцы казались более... А какими, собственно? Яркими? Пылкими? Более... Просто другими. В Брианне Рэндалл явно скрывалось нечто другое.

Машин на дороге становилось все больше, они медленной очередью ползли к въезду на территорию фестиваля.

– Слушай, – вдруг сказала Брианна, не сводя взгляда с номеров автомобиля впереди, – я хочу объясниться.

– Тебе нечего мне объяснять.

Брианна раздраженно вскинула рыжую бровь.

– А кому еще? – Она поджала губы и вздохнула. – Ладно, самой себе тоже. Но я должна.

Роджер потягивал терпкий чай. Может, теперь она скажет, что зря согласилась встретиться? Он думал об этом весь долгий перелет, ерзая на тесном сиденье самолета. А потом увидел ее в холле аэропорта – и все сомнения тотчас исчезли.

Не возвращались они и на протяжении этой недели. Роджер хотя бы мельком, но виделся с Брианной каждый день. А в четверг днем даже сходил с ней на бейсбольный матч на стадион Фенуэй-Парк. Роджер нашел игру слишком путаной, а вот любовь Брианны к ней – очаровательной. Однако он уже буквально считал часы до отъезда и потому с нетерпением ожидал тот день, который они смогут целиком провести вместе.

Впрочем, это вовсе не означало, что его чувства взаимны. Роджер глянул на очередь машин. Въезд виднелся где-то в четверти мили. То есть осталось минуты три.

– В Шотландии, – начала Брианна, – когда все случилось... с мамой... Ты был великолепен, Роджер, правда. – Девушка не поворачивалась, но он заметил, как ее глаза заблестели от слез.

– Ничего великолепного. – Роджер стиснул кулаки, чтобы не потянуться к ней. – Мне было интересно.

Брианна коротко рассмеялась.

– Да уж. – Она притормозила и повернулась к Роджеру. Даже широко распахнутые, ее глаза казались чуть раскосыми, как у кошки. – Ты возвращался к камням? К Крэг-на-Дун?

– Нет, – коротко ответил Роджер. А потом добавил как можно небрежнее: – Я не часто бываю в Инвернесе, тем более что как раз шла учебная четверть...

– А может, кошка священника – трусливая кошка? – с легкой улыбкой сказала Брианна.

– Кошка священника до смерти боится этого места, – кивнул Роджер. – И близко не подойдет, даже если там все сардинами завалят.

Брианна расхохоталась, и напряжение между ними заметно ослабло.

– И я боюсь. – Она глубоко вздохнула. – Но помню. Все, что тебе пришлось пережить, чтобы помочь... и потом, когда... когда она... когда мама отправилась сквозь... – Брианна прикусила нижнюю губу и ударила по тормозам чуть сильнее нужного. – Вот видишь? – тихонько спросила она. – Полчаса с тобой – и все возвращается. Полгода не заговаривала о родителях, а стоило нам начать глупую игру, как за минуту упомянула их обоих. И так всю неделю.

Она сбросила рыжую прядь с плеча. Брианна всегда очаровательно краснела, будучи увлеченной или расстроенной, и теперь ее щеки горели.

– Примерно так я и подумал, когда ты не ответила на письмо.

– Дело не только в этом. – Брианна снова закусила губу, словно не успела заглушить уже произнесенное. Яркая краска залила ее лицо и шею вплоть до треугольного выреза футболки.

Роджер мягко убрал с лица девушки волну волос.

– Я была по уши в тебя влюблена, – выпалила Брианна, уставившись в лобовое стекло. – Но не знала, заботился ли ты обо мне только потому, что мама попросила, или...

– «Или», – перебил ее Роджер и улыбнулся, когда она мельком на него взглянула. – Определенно «или».

– Ох. – Брианна слегка расслабилась. По крайней мере, уже не так сжимала руль. – Хорошо. Ладно.

Роджеру хотелось взять ее за руку, но это грозило автокатастрофой. Поэтому он просто коснулся ее плеча.

– В общем, я не думала... точнее, думала... короче, оставалось то ли броситься в твои объятия, то ли свалить к черту, что я и сделала. Я понятия не имела, как объясниться и не выставить себя душой, а потом ты написал, и стало хуже... Видишь, я уже веду себя как идиотка!

Роджер отстегнул ремень безопасности.

– Ты въедешь в машину перед нами, если я тебя поцелую?

– Не-а.

– Отлично.

Роджер придвинулся ближе, коснулся подбородка девушки и быстро ее поцеловал. Машина медленно скатилась с дороги на парковку.

Брианна дышала уже спокойнее, краска потихоньку сходила со щек. Она остановила машину, замерла на миг, а потом тоже избавилась от ремня безопасности.

Только спустя несколько минут Роджер осознал, что Брианна действительно не раз заговаривала о родителях. Однако настоящая проблема заключалась скорее в том из родителей, которого она так тщательно избегала.

«Отлично! – подумал Роджер, окидывая восхищенным взглядом задницу Брианны, нагнувшейся к багажнику. – Она пытается не думать о Джейми Фрейзере, – а куда ты, черт возьми, ее притащил?»

На летнем ветру развевались флаги Британии и Шотландии. С горного склона доносился плач волынки.

Глава 4

Удар из прошлого

Роджер, привыкший переодеваться либо в фургонах для перевозки лошадей, либо в мужских уборных в пабах, счел небольшую каморку за сценой, выделенную ему лично, чуть ли не хоромами. Там было чисто, висели крючки для одежды, а на пороге не валялись пьяные зрители. Конечно, они же в Америке, думал Роджер, стягивая с себя джинсы. Разные стандарты, по крайней мере по отношению к материальным благам.

Он стянул через голову рубашку, гадая, к какому уровню комфорта привыкла Брианна. О женской одежде он знал мало – интересно, сколько могут стоить ее джинсы? – но вот в машинах разбирался. Новенький синий «Мустанг» произвел впечатление, так и тянуло сесть за руль.

Очевидно, родители оставили ей достаточно для жизни, уж Клэр Рэндалл об этом позаботилась. Хорошо бы, Брианна не думала, что он ею интересуется из-за денег. Вспомнив о родителях девушки, он взглянул на коричневый конверт. Стоит ли отдавать?..

У кошки священника душа чуть в пятки не ушла, когда Роджер и Брианна у входа для выступающих столкнулись с группой канадских волынщиков, принадлежавших к клану Фрейзеров. Брианна даже побледнела, когда Роджер представил ее солисту, своему давнему товарищу. Сам Билл Ливингстон угрожающе не выглядел, а вот клановый знак Фрейзеров на его груди сделал свое дело.

Je suis prest, значилось на нем. Я готов. «А вот я что-то не очень», – пронеслось в голове у Роджера. Ему слишком хотелось врезать себе за то, что привел сюда Брианну.

Однако она его уговорила, что вполне сможет побродить самостоятельно, пока он готовится к выступлению. И лучше бы в самом деле поспешить... Роджер затянул пряжки килта на талии и бедрах и потянулся за длинными шерстяными чулками. Ему предстояло выйти на сцену на сорок пять минут в начале дня, а потом еще немного спеть вечером. Он примерно представлял список песен, но следовало учитывать и вкусы публики. Собралось множество женщин – значит, баллады. Преобладают мужчины – тогда военные, например «Килликранки», «Монтроз», «Ружья и барабаны». А непристойные куплеты шли на ура, если зрители успели хорошенько разогреться.

Роджер аккуратно подвернул чулки, за правый сунул свой скин-ду, ножичек с рукояткой из оленьего рога, и торопливо зашнуровал ботинки. Надо успеть разыскать Брианну. Прогуляться, раздобыть для нее что-нибудь перекусить, найти хорошее место, чтобы смотреть выступления.

Он набросил плед на плечо, закрепил фибулой. Пристегнул ремень с кинжалом и спораном. Все, готов. Роджер вдруг замер на полпути к двери. Нет, не совсем.

Древние серо-зеленые подштанники во время Второй мировой входили в военную форму, а также были одним из немногих напоминаний об отце. Обычно в таких ситуациях Роджер не поддевал ничего под килт, но иногда приходилось использовать их в качестве защиты: некоторые любопытные зрительницы оказывались просто восхитительно наглыми.

Коллеги-исполнители его предупреждали, а он не верил, пока однажды не угодил в подобную ситуацию. Хуже всех вели себя немки, хотя порой и американки не отставали.

Впрочем, здесь публика вроде приличная, да и на сцене его не достанут. А в остальное время он будет с Брианной, и если вдруг она сама захочет пораспускать руки... Роджер бросил подштанники обратно в сумку, на коричневый конверт.

– Пожелай мне удачи, отец, – прошептал Роджер и отправился на поиски Брианны.

– Ого! – восхитилась Брианна в съехавшей треуголке, обходя Роджера. – Выглядишь отпадно! Мама всегда говорила, что перед мужчиной в килте невозможно устоять. Похоже, она права.

Роджер заметил, как девушка тяжело сглотнула, и захотел ее обнять в благодарность за смелость, но Брианна уже отвернулась, указывая на столики.

– Голодный? Я глянула, что там, пока ты переодевался. Выбирай: жареные осьминоги, тако с рыбой, польские сосиски...

Роджер взял ее за руку и развернул к себе.

– Слушай, прости. Не знал, что тебе будет так тяжело.

– Все в порядке. – На этот раз Брианна улыбнулась почти по-настоящему. – Я... я рада, что здесь оказалась.

– Честно?

– Ага. Правда. Тут... – она беспомощно махнула рукой на шумную клетчатую кутерьму вокруг, – тут все такое шотландское.

Роджеру стало смешно. Что может быть менее похожим на Шотландию, чем дешевый балаган для туристов и впаривание наполовину фальшивых традиций? И в то же время Брианна права. Это пример давней шотландской способности выживать – приспосабливаться ко всему и извлекать выгоду.

Роджер все-таки обнял Брианну. Ее волосы пахли свежестью, как сочная трава, а под тканью белой футболки сильно билось сердце.

– Ты, знаешь ли, тоже шотландка, – шепнул он девушке на ушко и отпустил.

Ее глаза по-прежнему сияли, но уже другим чувством, как показалось Роджеру.

– А ты прав, наверное. – Она наконец как следует улыбнулась. – Надеюсь, это не значит, что мне придется есть хаггис? Лучше уж попробовать осьминога.

Пансионат, где проходил фестиваль, промышлял «национальными ярмарками», там стояли палатки с горячей едой.

– Поляки танцуют польку, шведы орут свои песни... Испанские, итальянские, японские фестивали. Вы не поверите, сколько эти япошки щелкают фотокамерами, просто не поверите, – покачал головой Роджер, вручая им две бумажные тарелки с гамбургерами и жареной картошкой. – В общем, каждые две недели что-то новенькое. Не заскучаешь. Правда, наши услуги всегда нужны, все равно какую кухню подают. – Мужчина с любопытством уставился на килт Роджера. – А вы шотландец или просто любите юбки носить?

Роджер, слышавший подобное в десятках вариаций, и глазом не моргнул.

– Ну, как любил говаривать мой дед, – произнес он с кошмарным акцентом, – когда надеваешь килт, парень, то точно понимаешь, что ты мужик!

Продавец одобрительно расхохотался, а Брианна закатила глаза.

– Эти ваши хохмы... – пробормотала она. – Боже, если опять начнешь травить шуточки про килт, я уеду и брошу тебя здесь, клянусь.

Роджер широко улыбнулся.

– Ты же не станешь так делать, правда, милая? Не оставишь человека только потому, что он носит килт!

Брианна прищурилась.

– Могу поспорить, ничего необычного под этим килтом нет, – кивнула она на спорран Роджера. – Даже больше, могу вообще на что угодно поспорить, там все в пр-р-ревосходном р-р-рабочем состоянии, да?

Роджер поперхнулся кусочком картошки.

– Нужно отвечать «дай ручку, красавица, и я тебе покажу», – посоветовал продавец. – Сто раз уже эту фразу слышал за неделю.

– Если он так скажет, – мрачно буркнула Брианна, – то я точно свалю и брошу его на этой чертовой горе. Пусть торчит тут и ест осьминогов.

Роджер глотнул кока-колы и мудро решил промолчать.

У них еще оставалось время побродить по торговым палаткам, где продавали всякую всячину, начиная от клетчатых галстуков и заканчивая свистульками, серебряными украшениями, клановыми картами Шотландии, ирисками, песочным печеньем, канцелярскими ножами в форме палашей, фигурками горцев, книгами, кассетами и прочими всевозможными мелочами, куда можно было поместить знак или девиз клана.

Роджер почти не привлекал к себе любопытных взглядов. Здесь его наряд, к слову, куда лучший, чем у многих, был кстати. Правда, в основном на фестиваль приехали туристы в джинсах и футболках. И все же то тут, то там мелькали пестрые пледы.

– Почему Маккензи? – спросила Брианна, останавливаясь у витрины с цепочками для ключей. Девушка коснулась серебристого кружочка с надписью «*Luceo non uro*». Свечу, но не сгораю. Девиз изгибался вдоль изображения чего-то похожего на вулкан. – Уэйкфилд – недостаточно по-шотландски?

Роджер пожал плечами.

– Это тоже моя фамилия. Родители погибли во время войны, и меня усыновил двоюродный дед. Он дал мне свою фамилию, однако крестили меня как Роджера Джеремаю Маккензи.

– Джеремаю? То есть Иеремию? – Брианна пыталась не расхохотаться, от усилий у нее даже кончик носа покраснелся. – Как пророк из Ветхого Завета?

– Не смейся. – Роджер взял ее за руку. – Это имя моего отца. Его часто звали Джерри. А меня мама называла Джемми, когда я был маленьким. Наше семейное имя. В конце концов, могло быть и хуже. Покрестили бы как какого-нибудь Амброуза или Конана.

Брианна наконец фыркнула от смеха.

– Конан?

– Вполне приличное кельтское имя – было, пока на него не наткнулись писатели-фантасты. В любом случае, имя Джеремаю не просто так выбрали.

– А почему?

Они медленно двинулись в сторону сцены, где группка девочек в тщательно накрахмаленных платьицах отплясывала шотландский флинг, одинаково взмахивая руками и кланаясь.

– Папа... то есть преподобный отец, но я называл его просто папой, показывал мое семейное древо. «Амброуз Маккензи – твой прадед, Родж. Он строил лодки в Дингуолле. А вот Мэри Олифант... я знал твою прабабушку Олифант, я говорил? Дожила до девяносто семи и до последнего вздоха за словом в карман не лезла. Чудесная женщина. Шесть раз была замужем и уверяла, что все мужья скончались по совершенно естественным причинам. Однако на древе я обозначил только Джеремаю Маккензи, потому что он твой предок. И лишь от него у Мэри были дети, что меня всегда удивляло. Однажды на мой вопрос она, подмигнув, ответила: «*Is fhearr an giomach na 'bhi gun fear tìghe*». Это древняя гэльская поговорка: «Уж лучше иметь в мужьях дурака, чем никого». Она объяснила, что некоторые ее мужья хоть и были недурны, только красавца Джеремаю хватало проводить с ней каждую ночь».

– Интересно, что же она говорила остальным, – задумалась Брианна.

– Ну, это же не означает, что она не спала с ними время от времени, – заметил Роджер. – Просто не каждую ночь.

– Одного раза достаточно, чтобы забеременеть. По крайней мере, так мама рассказывала нашему классу на уроках гигиены и здоровья. Рисовала на доске, как сперматозоиды с хищными рожами мчатся к огромной яйцеклетке. – Брианна снова покраснела, правда, от веселья, а не от неприятных воспоминаний.

Они шли рука об руку, и Роджер чувствовал жар девушки под тоненькой футболкой. А еще жар разгорался у него самого под килтом, так что он уже подумывал, что зря не надел подштанники.

– Ладно, оставим в стороне вопрос о наличии рож у сперматозоидов, но что эта тема вообще имеет общего с предметом?

– «Гигиена и здоровье» – эдакий американский эвфемизм, которым обозначают все, что связано с сексом, – объяснила Брианна. – Мальчиков и девочек учат отдельно. У последних этот предмет скорее называется «Тайны жизни, а также десять способов сказать мальчику «нет».

– А у мальчиков как?

– Ну, точно не знаю, у меня братьев нет, рассказать некому. А вот у подруг они были. Один упоминал, что они учили восемнадцать синонимов к слову «эрекция».

– Хм, полезные знания, – отозвался Роджер, гадая, зачем они вообще могут понадобиться. К счастью, спорран прикрывал его собственные грехи.

– Наверное, помогают поддержать беседу... при определенных обстоятельствах.

Щеки Брианны вспыхнули алым. Да и сам Роджер чувствовал, что краснеет, а еще на них вот-вот начнут пялиться прохожие. А ведь девчонкам не удавалось его смутить с семнадцати лет!.. Брианна с этой задачей справлялась на «отлично». Ну, раз она завела разговор, то пусть и заканчивает.

– М-м, что-то я не замечал, чтобы при этих самых обстоятельствах особо беседовали.

– Полагаю, уж ты-то знаешь.

Роджер притянул девушку к себе.

– Если ты спрашиваешь, было ли у меня, то да. Если есть ли сейчас – то нет.

– Было что? – Губы Брианны дрогнули от смеха.

– Ты спрашиваешь, есть ли у меня девушка в Англии, так?

– Правда?

– Нет у меня никого. Точнее есть, но это несерьезно. – Они уже пришли к гримеркам, а времени оставалось лишь на то, чтобы забрать инструменты. – А ты? В смысле, у тебя есть парень?

Брианна стояла так близко, что, развернувшись, мазнула грудью по его предплечью. И девушке хватило роста, чтобы заглянуть Роджеру прямо в глаза.

– Как там твоя прабабушка говорила?

– Про дурака?

– Ага. Лучше встречаться с дураком, чем ни с кем. – Брианна коснулась фибулы Роджера. – Так что – да, есть люди, с которыми я встречаюсь. А вот такого парня-красавца не нашла. Пока.

Роджер поймал ее пальцы.

– Придет время, милая, – произнес он и мягко их поцеловал.

Зрители вели себя невероятно тихо, совсем не как на рок-концертах. Конечно, здесь нельзя кричать, подумала Брианна, ведь нет ни электрогитар, ни усилителей, только небольшой микрофон на стойке. Правда, далеко не все нуждается в усилении. Например, сердце Брианны колотилось так громко, что заглушало окружающий шум.

«Держи. – Роджер протянул коричневый конверт, выбегая из гримерки с гитарой и барабаном. – Нашел их, когда разбирал старые отцовские бумаги в Инвернесе. Наверное, тебе захочется увидеть».

Брианна понимала, что там фотографии, но не стала сразу смотреть. Конверт жег ей колени во время выступления Роджера.

А пел и играл он замечательно. У него оказался на удивление богатый и глубокий баритон, которым он умело пользовался. И не только в рамках самой мелодии. Роджер обладал способностью прирожденного артиста – стирал границу между исполнителем и зрителями, всматривался в толпу, ловил чужие взгляды и позволял людям ощутить нечто вне слов песни и музыки.

Начал он с разудалой «Дороги к островам» с зажигательным припевом, а когда публика слегка поутихла, затянул «Холмы Галлоуэя» и перешел на «Свадьбу Мэри» с милым и веселым припевом на гэльском.

– А теперь я спою вам песню сороковых годов восемнадцатого века, – объявил Роджер. – Об известной битве при Престонпанс, в которой армия горцев Карла Стюарта разбила превосходящие по численности силы англичан под командованием генерала Джонатана Коупа.

Зрители одобритительно забормотали. Очевидно, многие давно знали и любили эту песню, но они мигом умолкли, стоило Роджеру взять первые аккорды.

Коуп из Дунбара послал гонца
И бросил вызов Карлу:
Тебя, мол, быстро проучу,
Если утром мы сразимся.

Роджер кивнул толпе, приглашая спеть насмешливый припев вместе с ним, и наклонился к струнам.

Эй, Джонни Коуп, ты еще живой?
Ну что, барабан зовет вас в бой?
Коль живой, проходи, не стой,
И утром мы сразимся!

У Брианны вдруг по коже пробежали мурашки. Но не от голоса Роджера и не от дружного хора зрителей, а от самой песни.

Карл лишь глянул на письмо
И вскинул меч свой наголо.
«За мною, верные друзья,
Сразимся с Джонни Коупом!»

– Нет, – шепнула Брианна. Пальцы, сжимавшие гладкий конверт, похолодели. За мною, верные друзья... Они там были. Родители были там, оба. Отец сражался в той битве, сжимая в руках круглый щит и палаш.

...И утро будет кровавым!

Эй, Джонни Коуп, ты еще живой?
Ну что, барабан зовет вас в бой?

Голоса вокруг одобрительно зашумели, снова затягивая припев. А Брианну вдруг охватила паника, и девушка чуть было не сбежала, как Джонни Коуп. Потом волна схлынула, и она осталась сидеть на месте, в плену и своих чувств, и мелодии.

Эй, Джонни Коуп, ты еще живой?..

Да, живой. И будет им, пока длится песня. Одни люди пытаются держать прошлое в себе, другие от него бегут. В этом-то и есть пропасть между Брианной и Роджером. Почему она до сих пор этого не понимала?

Роджер ушел от опасной темы якобитов и запел «Плач Макферсона» почти а капелла, лишь изредка касаясь струн. Женщина рядом с Брианной томно вздохнула, не сводя зачарованных глаз со сцены.

Такой веселый и бесшабашный
Он к виселице шел.
Пустился в пляс под скрипки глас
Под деревом и петлей.

Брианна взялась за конверт. Может, подождать до дома? Но любопытство сделало свое дело. Роджер ведь сомневался, отдавать конверт или нет, это было видно по глазам.

– ...а вот и боуран, – говорил Роджер, держа его на пальцах одной руки, а во второй сжимая небольшую двустороннюю палочку. Боуран представлял собой широкий деревянный обруч, затянутый кожей. – Один из древнейших музыкальных инструментов. Боем таких барабанов кельтские племена до смерти напугали войска Юлия Цезаря в пятьдесят втором году до нашей эры.

Зрители захихикали, а Роджер принялся выбивать тихий, быстрый ритм, похожий на бие-ние сердца.

– А теперь... «Сражение при Шерифмуре», которое произошло во время восстания якобитов, в 1715-м.

Роджер поменял положение барабана, и ритм стал ниже и воинственной. Зрители по-прежнему вели себя прилично, однако напряженно подались вперед, охваченные напевом, в котором рассказывалось о битве при Шерифмуре и всех кланах, сражавшихся в ней.

...Ринулись в бой, кровь пуская рекой, и сколько тогда полегло,
брат...
Сekli и рубили...

Когда стихла последняя нота песни, Брианна сунула пальцы в конверт и вытащила фотографии. Старые черно-белые снимки уже успели посветлеть по краям. Родители. Фрэнк и Клэр Рэндалл, до невозможности молодые... и ужасно счастливые.

Вот они в саду. На заднем плане – столик с напитками, усеянный пятнами солнечного света, что падает сквозь кроны деревьев. Лица видно четко – смеются, полные жизни, и смотрят лишь друг на друга.

А здесь родители позируют, рука об руку, и явно подтрунивают над подобной торжественностью. Клэр согнулась от хохота, когда Фрэнк что-то сказал. Она придерживает широкую юбку, трепещущую на ветру, кудри свободно разметались....

Фрэнк протягивает чашку, а Клэр, ее принимая, смотрит на Фрэнка с таким безграничным доверием, что у Брианны сжалось сердце.

Девушка уставилась на последнюю фотографию. Родители стоят у стола, вместе держась за нож, и смеются. Перед ними – явно домашний торт. Свадебный.

– И напоследок – ваша любимая песня. Говорят, ее написал пленник-якобит по пути в Лондон, где его должны были повесить, и отправил жене в Шотландию...

Брианна прижала снимки ладонями, будто не хотела, чтобы их кто-то увидел. По коже прошел мороз. Свадебные фото. Свадебные фото родителей! Конечно же, они поженились в Шотландии. Преподобный Уэйкфилд не мог провести церемонию, ведь он не был католическим священником, зато считался давним другом отца. Наверняка прием организовали у него.

Между пальцами виднелись знакомые очертания дома. Неохотно убрав руку, Брианна взглянула в юное лицо матери.

Восемнадцать лет. Именно во столько Клэр вышла за Фрэнка Рэндалла. Вот в чем дело... Кто может знать хоть что-то наверняка в столь раннем возрасте?

На прекрасных берегах и зеленой траве,
Где лучи солнца играют на воде Лох-Ломонда,
Где нас с тобой ничто не разлучит...

Тем не менее Клэр была уверена... или ей так казалось. Ровный, широкий лоб, нежные, аккуратные губы... Она не сводит больших, сияющих глаз с мужа, и в них нет ни тени сомнений, дурных предчувствий.

Но мы с тобой уже не встретимся вновь
На прекрасных берегах Лох-Ломонда.

Наступая на ноги другим зрителям, Брианна поспешила убраться подальше, пока никто не заметил ее слез.

– Во время переключки кланов я буду с тобой, – сказал Роджер, – но в конце мне надо отлучиться. Справишься сама?

– Конечно, – твердо ответила Брианна. – Все в порядке. Не волнуйся.

О ее уходе они не говорили. К тому времени, как Роджер выслушал все поздравления и пожелания удачи от зрителей и разыскал Брианну, она уже успела найти уборную и привести себя в порядок, как следует умывшись холодной водой.

Остаток дня они бродили туда-сюда. Купили кое-какие мелочи, посмотрели состязание волынщиков, едва не оглохнув, и полюбовались, как некий молодой человек танцевал между скрещенными на земле мечами. Фотографии Брианна спрятала подальше в сумочку.

Когда уже почти стемнело, люди стали понемногу стягиваться к подножию горы, где располагались открытые трибуны. Брианна думала, что к этому времени семьи с детьми разъедутся, и отчасти так и случилось, хотя среди взрослых то тут, то там виднелись сонные малыши. Одна девчушка крепко спала, положив головку отцу на плечо.

Роджер и Брианна пробрались к верхним рядам. Внизу, на ровном пространстве перед трибунами, заранее заготовили огромную кучу дров.

– Что такое переключка кланов? – спросила женщина на соседнем ряду у своего спутника.

Тот пожал плечами, а Брианна вопросительно глянула на Роджера.

– Увидишь, – улыбнулся он.

Стало совсем темно – даже луна еще не успела взойти. На фоне звездного неба черным великаном высилась гора. В толпе раздался возглас, за ним и другие, а затем донеслись едва слышные звуки волынки. Голоса постепенно умолкли.

У вершины горы вспыхнул крошечный огонек. Он двинулся вниз, и за ним возник еще один. Под нарастающую музыку показался третий. Замершие в ожидании зрители наблюдали, как огонек становится все больше и больше и вдоль склона горы тянется сияющая цепочка.

Среди деревьев у подножия горы лежала тропа, Брианна видела ее днем, пока бродила по округе. Оттуда вышел человек – над головой он держал пламенеющий факел. Следом показался волынщик, и его инструмент теперь заглушал даже восторженные вздохи толпы.

Эти двое мужчин направились к расчищенной площадке, а за ними тянулись остальные, разодетые в роскошные наряды вождей шотландских кланов и с факелами в руках. Смотрелось сие действие одновременно варварским и величественным – складки клетчатой ткани, перья, холодный блеск палашей и кинжалов, которые отливали алым в свете огней...

Волюнки утихли, и первый из шествующих достиг площадки. Он вскинул факел над головой и прокричал:

– Кэмероны здесь!

С трибун донеслись громкие одобрительные возгласы, и он бросил факел на облитую керосином древесину. Пламя с ревом взметнулось к небу.

Следующий мужчина шагнул к ослепительному столбу огня.

– Макдональды здесь!

Снова раздались крики тех, кто приходился родичем этому клану.

– Маклахлены здесь!

– Макгилливири здесь!

Брианну так очаровало это действие, что она почти забыла о Роджере.

– Маккензи здесь! – раздалось снизу, и...

– *Tulach Ard!*⁶ – заорал Роджер так, что Брианна подскочила.

– Это что еще было?!

– Боевой клич клана Маккензи, – широко улыбаясь, пояснил он.

– Кэмпбеллы здесь!

Должно быть, тут собралось очень много Кэмпбеллов – от их клича трибуны содрогнулись. И, словно дождавшись отмашки, Роджер поднялся и накиннул плед на плечо.

– Встретимся потом у гримерки, ладно?

Брианна кивнула, а Роджер вдруг наклонился и поцеловал ее.

– Кстати, на всякий случай, – сказал он, – боевой клич Фрейзеров – «*Caisteal Dhuni!*»⁷.

Брианна проследила, как он ловко, словно горный козел, спустился вниз. В воздухе витал запах дыма от костра вперемешку с едва заметным табачным – в толпе курили.

– Маккеи здесь!

– Маклауды здесь!

– Фаркуарсоны здесь!

От дыма и переполнявших ее чувств Брианне стало тяжело дышать. Кланов погубили в битве при Каллодене... или нет? Да, погубили. Нет больше кланов, только память о них, только призраки. А те, кто так бодро отзывается, да какие они родичи друг другу? И никто из них не давал клятв лэрдам...

– Фрейзеры здесь!

Охваченная паникой Брианна вцепилась в сумочку.

«Нет! – пронеслось в голове. – О нет. Это не я!»

Но краткий миг прошел, и девушка вновь смогла вдохнуть. Лишь кровь продолжала яростно стучать в висках.

---

⁶ Высокий холм (*гэльск.*).

⁷ Замок Дауни (*гэльск.*).

- Грэхемы здесь!
- Иннесы здесь!

Огилви, Линдси, Гордоны... Наконец стихло эхо последнего возгласа. Брианна все стискивала сумочку, словно боялась, что ее содержимое вырвется на свободу, подобно джинну из лампы.

Как же, думала Брианна, глядя, как в круг света входит Роджер с боураном в руке, как же она могла так поступить?

Глава 5

Скачок в двести лет из вчерашнего дня

- Ты не надел килт! – разочарованно протянула Гэйл.
- Не то столетие, – улыбнулся Роджер. – Да и продувает.
- О-о научи меня! – От нетерпения Гэйл даже встала на цыпочки.
- Научить чему?
- Произносить «р» вот так. – Она сдвинула брови и честно попыталась. Вышло похоже на звук моторной лодки на низкой скорости.
- Пр-р-рекрасно, – кивнул Роджер, стараясь не расхохотаться. – Так дер-р-ржать. Повтор-р-рение – мать учения.
- Хоть гитара-то при тебе? – Гэйл попыталась заглянуть ему за спину. – Или тот клевый барабан?
- В машине. – Брианна спрятала ключи, остановившись рядом с Роджером. – Отсюда едем в аэропорт.
- Жалость какая! Я думала, мы еще куда-нибудь ходим, а потом песни попоем, отметим. Роджер, ты знаешь такую – «Эта земля – твоя земля» называется? Или ты больше по песням протеста? Впрочем, нет, ты ведь англичанин... ой, то есть шотландец. Вам же не о чем протестовать, верно?
- Брианна с легким раздражением глянула на подругу.
- Где дядя Джо?
- В гостиной, мучает телик. Мне развлечь нашего друга, пока ты сходишь к дяде? – Гэйл мигом схватила Роджера под руку и захлопала ресницами.

– У нас тут половина инженеров чертова Массачусетского института собралась, и никто, черт возьми, не может починить телик? – Доктор Джозеф Абернэйти обвел молодых людей, собравшихся в гостиной, обвиняющим взглядом.

– Потому что это электрика, па, – высокомерно отозвался его сын. – А мы все механики. Попросить механика починить цветной телек – все равно что просить гинеколога осмотреть болячку у тебя на... Ой!

– Прости, – сказал отец, глядя на сына поверх золотистой оправы очков. – Твоя нога, Ленни?

Ко всеобщему веселью, Ленни тут же запрыгал по комнате на одной ноге, сжимая в руках ступню второй и делая вид, что ему очень и очень больно.

– Бри, солнышко! – Завидев ее, доктор оставил в покое телевизор и просиял, а потом пылко обнял девушку, хотя был заметно ее ниже. – А это... твой парень?

– Роджер Уэйкфилд, – представила его Брианна, слегка сощурившись. – Роджер, представляю тебе Джо Абернэйти.

- Здравствуйте, доктор...
- Зовите меня просто Джо.

Мужчины обменялись рукопожатием, оценивая друг друга. Карие глаза доктора смотрели тепло, но все же цепко.

– Бри, солнышко, не хочешь возложить руки на эту развалину и оживить ее? – Доктор ткнул пальцем в сторону здорового телевизора, который безмолвно ожидал своей участи. – Вчера работал отлично, а сегодня... пф-ф!

Брианна с сомнением уставилась на несчастный телик и достала из кармана швейцарский армейский нож.

– Думаю, могу проверить контакты. – Она извлекла из ножа отвертку. – Сколько у нас времени?

– Полчаса, наверное. – В дверях кухни возник коротко стриженный студент и окинул взглядом компанию, сгрудившуюся у стола с крошечным черно-белым телевизором.

– Продолжаем репортаж из Центра управления космическими полетами в Хьюстоне. Посадка ожидается через тридцать четыре минуты... – Взволнованный голос комментатора утонул в возбужденных возгласах зрителей.

– Ладно, ладно. – Доктор Абернэйти опустил руку Роджеру на плечо. – Значит, можно пропустить по стаканчику. Виски... шотландский, мистер Уэйкфилд?

– Прошу, зовите меня Роджер.

Абернэйти щедро плеснул янтарной жидкости в стакан и протянул гостю.

– Уверен, что вы пьете не только воду.

– Вы правы.

В стакане оказался самый настоящий «Лагавулин». Роджер с одобрительным видом сделал глоток, и доктор улыбнулся.

– Подарок от Клэр, мамы Бри. Отлично разбиралась в виски. – Он покачал головой, предаваясь воспоминаниям, и приподнял стакан.

– *Slàinte*, – тихо произнес Роджер и коснулся его стакана своим, прежде чем отпить.

Абернэйти прикрыл глаза в безмолвном восхищении... вот только виски или женщиной, Роджер понять не мог.

– Живая вода, правда? Я всерьез верю, что этот напиток и мертвого поднимет. – Доктор почтительно поставил бутылку обратно в бар.

Многим ли Клэр делилась с Абернэйти? Наверняка, подумал Роджер. Доктор вновь взял стакан и уставился в него долгим взглядом.

– Отец Бри умер, поэтому я возьму на себя эту роль. Как считаете, у нас осталось время на допрос с пристрастием, прежде чем там прилунятся, или вы сразу все выложите?

Роджер вскинул бровь.

– Ваши намерения, – пояснил доктор.

– Хм. Исключительно благородные.

– М-да? Я звонил Бри, чтобы уточнить насчет сегодня. Она не взяла трубку.

– Мы были на кельтском фестивале в горах.

– Ага. Я перезвонил в одиннадцать вечера. Потом в полночь. Результат тот же. – Взгляд доктора оставался цепким, но тепла в нем порядком поубавилось. – Бри одна, – сказал он, поставив с негромким стуком стакан. – И ей одиноко. И она хороша собой. Мне не хотелось бы, чтобы кто-то этим воспользовался, мистер Уэйкфилд.

– Могу сказать то же самое... доктор Абернэйти. – Роджер осушил стакан и твердо опустил его на стол. Щеки горели, и отнюдь не из-за «Лагавулина». – Если вы полагаете, что я...

– Говорит Хьюстон! – рывкнул большой телевизор. – База Спокойствия, ожидаем прилунения через двадцать минут!

Те, кто успел перебраться на кухню, с радостными возгласами прибежали обратно, потрясая бутылками кока-колы. Раскрасневшаяся от работы Брианна смеялась, отмахиваясь от поздравлений. Абернэйти придержал Роджера за руку.

– Запомните хорошенько, мистер Уэйкфилд, – понизил голос доктор. – Я не желаю в один прекрасный момент услышать, что вы сделали ее несчастной.

Роджер осторожно высвободил руку.

– Она выглядит несчастной? – как можно вежливей поинтересовался он.

– Не-ет, – протянул Абернэйти, перекатившись с носка на пятку. – Напротив. Именно то, как она сегодня выглядит, вызывает у меня подозрения, что, быть может, стоит съездить вам по физиономии от имени ее отца.

Роджер не удержался и тоже оглянулся на Брианну. Да уж, что есть, то есть. Темные круги под глазами, выбившиеся из хвоста пряди, а кожа сияет, как воск зажженной свечи. Брианна выглядела как женщина, у которой была долгая ночь. Причем весьма приятная.

И, словно почувствовав, Брианна посмотрела на Роджера прямо поверх головы Гэйл. Продолжая говорить с подругой, она не сводила с него взгляда.

Доктор выразительно кашлянул. Роджер с трудом отвернулся и увидел, что в глазах доктора появилась задумчивость.

– Ох, – уже другим тоном заговорил он, – вот оно как, да?

Роджер не застегивал воротник рубашки, но в тот момент почувствовал, будто на нем еще и слишком туго затянутый галстук. Однако в ответ посмотрел прямо и твердо.

– Да. Вот так.

Доктор Абернэйти потянулся за бутылкой виски и вновь наполнил оба стакана.

– Клэр говорила, что ты ей нравишься, да, – сдался он и приподнял свой стакан. – Быть по сему. *Slàinte*.

– Крути в другую сторону, Уолтер Кронкайт оранжевый!

Ленни Абернэйти услужливо провернул ручку на панели, и диктор стал зеленым, но все равно продолжал вещать:

– Примерно через две минуты командир экипажа Нил Армстронг и команда «Аполлона-11» впервые в истории совершат посадку на Луну...

Полутемная гостиная была забита людьми. Все прильнули к здоровенному телевизору. Изображение диктора сменилось записью запуска «Аполлона-11».

– Я впечатлен, – шепнул Роджер Брианне. – Как ты с ним справилась?

Прислонившись спиной к книжному стеллажу, он притянул девушку к себе и устроил руки на ее бедрах.

– Кто-то выдернул вилку из розетки, – хмыкнула Брианна, не отрываясь от экрана. – Я просто вернула ее на место.

Роджер, смеясь, поцеловал шею девушки. Несмотря на гудящий кондиционер, в комнате стояла жара, и кожа Брианны была влажная и солоноватая.

– У тебя самая округлая задница в мире, – прошептал Роджер. Брианна нарочно прижалась к нему сильнее.

Из телевизора донесся шум голосов. Демонстрировали фото флага, который астронавты установят на поверхности Луны.

Роджер бросил взгляд на Джо Абернэйти; тот восхищенно смотрел на экран. Поэтому Роджер, незаметный в темноте, обнял Брианну, чувствуя на предплечье тяжесть ее груди. Брианна глубоко вдохнула и, расслабленно откинувшись на Роджера, накрыла его ладонь своей.

Они не вели бы себя столь дерзко, но им ничего не грозило. Роджер улетал через пару часов, так что далеко это все не пойдет. Прошлой ночью они играли с огнем, да... Роджер все гадал, врезал бы ему Абернэйти, признай он, что Брианна провела ночь в его постели?

По дороге с фестиваля за рулем сидел уже Роджер и разрывался между желанием по привычке съехать на левую полосу и восторгом от того, что Брианна к нему прижималась. Остановившись на кофе, они долго болтали, то и дело касаясь друг друга, тянулись ближе... К Бостону

они подъехали уже почти с рассветом. Голова Брианны приятной тяжестью лежала на плече Роджера.

Чувствуя, что уже и сам вот-вот заснет и не сможет отыскать дорогу в незнакомом городе, Роджер добрался до гостиницы и тайком провел Брианну в свой номер, где она сразу заснула на постели.

А Роджер целомудренно провел остаток ночи на жестком полу, накинув на плечи шерстяную кофту девушки. Когда солнце встало, он пересел в кресло и молча смотрел, как лучи света озаряли лицо спящей.

Вот так все и было.

– Говорит База Спокойствия... Орел сел.

Тишину нарушил дружный глубокий вздох, и у Роджера по коже пробежали мурашки.

– Это маленький... шаг... для человека... – произнес дребезжащий голос, – но огромный скачок... для всего человечества.

Изображение на экране смазлось и стало зернистым. Все присутствующие повытягивали шеи, жаждающая увидеть, как грузная фигура в скафандре осторожно спускается, а затем впервые ступает на поверхность Луны. На щеках у одной из девушек заблестели слезы.

Даже Брианна обо всем позабыла. Ее ладонь выскользнула из руки Роджера, а сама девушка подалась вперед, охваченная происходящим.

Да уж, в такой день приятно быть американцем.

Роджер на миг растерялся, чувствуя всеобщее напряжение, пылкую гордость за свою страну и понимая, что Брианна тоже является ее частью. Другое столетие, да. Вот такой скачок в двести лет из вчерашнего дня.

Есть у них нечто общее, у историка и инженера? Когда он вглядывается в смутные тайны прошлого, а она обращена к сверкающему яркими красками будущему?

Затем в комнате зазвучали поздравления и болтовня. Брианна прижалась к Роджеру и крепко его поцеловала, а он все размышлял. Наверное, неважно, что они смотрят в разные стороны... до тех пор, пока видят друг друга.

Часть 3 Пираты

Глава 6 Я сталкиваюсь с грыжей

Июнь 1767 года

– Ненавижу лодки, – процедил Джейми сквозь зубы. – Терпеть их не могу. Они мне самым натуральным образом отвратительны.

Его дядя, Гектор Кэмерон, жил на плантации под названием «Горная река», неподалеку от города Кросс-Крик. А Кросс-Крик, в свою очередь, лежал вверх по реке от Уилмингтона, причем в добрых двухстах милях. Как нам сказали, в это время года путь по воде займет от четырех дней до недели, в зависимости от ветра. А если мы предпочтем передвигаться по суше, то можем застрянуть недели на две или даже больше из-за размытых дорог и сломанных колес.

– На реках не бывает волн, – заметила я. – И мне кажется, что тащиться пешком двести миль по грязи куда-а-а отвратительней.

Иэн широко усмехнулся, но тут же поспешил придать лицу бесстрастное выражение, когда Джейми повернулся.

– Кроме того, – обратилась я к Джейми, – если у тебя начнется морская болезнь, то помни: иглы при мне. – Я похлопала по карману, где в футляре из слоновой кости покоился наборчик для акупунктуры.

Джейми шумно выдохнул, но промолчал. Мелкую проблему мы уладили; оставалась другая, уже серьезная: потянем ли мы оплату за лодку.

Богатыми мы, естественно, не были, однако кое-что нам по дороге перепало. Отправившись из Чарльстона на север, однажды мы наткнулись в лесу на заброшенную ферму, заросшую до неузнаваемости. Молодые тополя, как копья, пробивались наружу через остатки провалившейся крыши, а сквозь трещину в каминной плите пророс куст остролиста. Стены наполовину обрушились, почернели от гнили и покрылись зеленым мхом и ржавым лишайником. Понять, как давно это место покинули, было невозможно, хотя мы ясно видели, что в считанные годы лес бесследно поглотит руины дома и участок, останется лишь груда безликих камней.

А среди всей этой разрухи вдруг, самым невероятным образом, частично уцелел небольшой сад с персиковыми деревьями. Плоды буквально лопались от зрелости, окруженные жужжащими пчелами. Наевшись до отвала, мы переночевали у руин, а незадолго до рассвета загрузили в фургон сочащиеся бархатистые персики и отправились дальше.

Мы продавали их по пути и в итоге добрались в Уилмингтон с мешочком монет, в основном по одному пенни, но насквозь пропитанные запахом забродившего сока, будто искупались в персиковом бренди.

– Возьми. – Джейми вручил мне кожаный кисет с нашими сбережениями. – Купи сколько сможешь провизии... только никаких персиков, ладно? И надо еще что-нибудь, чтобы не выглядеть совсем уж нищесбродами, когда заявимся к моему родичу. Может, иголку с ниткой?

Он вскинул бровь и кивнул на здоровую дыру в сюртуке Фергуса, которую тот заработал, свалившись с персикового дерева.

– Мы с Дунканом посмотримся, попробуем продать фургон и лошадей, выясним, как обстоят дела с лодками. А если здесь найдется золотых дел мастер, узнаю, сколько он предложит нам за камешек.

– Только осторожней, дядюшка, – предупредил Иэн, хмуро глядя на разношерстную толпу. – Ты ведь не хочешь, чтобы тебя обманули или обокрали посреди улицы.

Джейми с непроницаемым лицом заверил племянника, что примет надлежащие меры.

– Возьми с собой Ролло, – настаивал Иэн. – Он защитит!

Джейми уставился на пса, который, тяжело дыша, очень внимательно наблюдал за прохожими, и в его взгляде читался не столько интерес к новым людям, сколько едва сдерживаемый голод.

– Ладно, – сдался Джейми. – Ну, пойдем, песик. – Он глянул на меня, прежде чем вернуться. – Знаешь, прикупи-ка еще сушеной рыбы.

Небольшой городок Уилмингтон благодаря удачному расположению у самого устья судоходной реки мог похвастаться не только богатым рынком и корабельным доком, но и несколькими лавками, где наряду с вещами для повседневной жизни продавались предметы роскоши из Европы.

– Бобы, отлично, – сказал Фергус. – Люблю бобы, сколько угодно могу их есть. – Он поправил тяжеленный джутовый мешок на плече. – И обязательно нужен хлеб. И мука, и соль, и смалец. Солонина, сушеные вишни, свежие яблоки – тут все ясно. И рыба нужна. В иглах с нитками я тоже вижу несомненную пользу. Даже в расческе, – добавил он, покосившись на мои волосы, которые из-за влажного воздуха так и рвались на волю из-под широкополой шляпы. – И лекарства, конечно же. Но кружево?!

– Именно, – непреклонно произнесла я, сунув сверток с тремя ярдами брюссельского кружева ему в корзину. – А также ленты. По ярду каждой из широких шелковых лент, – обратилась я к потной девушке за прилавком. – Красную... это тебе, Фергус, так что не ной. Зеленую для Иэна, желтую для Дункана и темно-синюю для Джейми. И никакого расточительства. Джейми не хочет, чтобы мы предстали перед его дядей и тетей как оборванцы.

– А как же ты, тетушка? – усмехнулся Иэн. – Ты же не позволишь мужчинам вот так щеголять, пока сама будешь неприметная, как воробушек?

Фергус фыркнул, выражая одновременно и раздражение, и веселье.

– Вот эту, – указал он на большой темно-розовый моток.

– Нет, это цвет для молодой девушки, – возразила я.

– Женщине никогда не поздно надеть розовое, – твердо проговорил Фергус. – *Le mesdames* часто так говорили.

А я часто слышала от него мнения мадам. Юные годы Фергус провел в борделе, и, судя по его воспоминаниям, не только юные. Хотелось бы верить, что он бросит привычку вечно ссылаться на мадам, ведь теперь он женат на приемной дочери Джейми. Правда, Марсали по-прежнему оставалась на Ямайке, где ждала рождения их первенца, так что меня терзали сомнения. Все-таки в жилах Фергуса течет французская кровь.

– Ну, наверное, мадам виднее, – сдалась я. – Хорошо, давайте и розовую.

Нагруженные корзинами и сумками с провиантом, мы вышли на улицу. Стояла жара, однако с реки дул ветерок, так что после душной лавки оказаться снаружи было очень даже приятно. Я глянула на гавань, где легонько покачивались мачты нескольких корабликов, и увидела высокую фигуру Джейми. Он размашистым шагом вышел из прохода между домами. За ним трусил Ролло.

Иэн радостно завопил, и пес скачками рванул к нам, яростно виляя хвостом при виде хозяина. В это время людей было маловато, но и они старались прижаться к ближайшей стене, дабы случайно не встать на пути сего счастливого воссоединения.

– Бог ты мой, – протянул кто-то сверху. – Таких огромных собак я еще не встречал. Развернувшись, я увидела некоего джентльмена. Он отстранился от стены таверны и вежливо приподнял шляпу.

– К вашим услугам, мэм. Смеею надеяться, ваш зверь не предпочитает время от времени полакомиться человечинкой?

Я подняла взгляд выше... и еще выше. И еле удержалась от слов, что уж этому господину явно не пристало бояться Ролло.

Мой долговязый собеседник был огромен. Даже выше Джейми на несколько дюймов. Здоровенные ладони болтались на уровне моих локтей, а затейливо украшенный бусинами ремень оказался напротив моей груди. Возжелай вдруг я обнять этого мужчину, уткнулась бы носом ему в пупок. К счастью, подобного желания у меня не возникло.

– Нет, пес питается рыбой, – заверила я нового знакомого.

Заметив, как я тяну шею, он любезно опустил на корточки. Его колени при этом звонко хрустнули. Теперь рассмотреть черты лица мешала густая черная растительность. Виднелись лишь нелепо вздернутый нос да спокойные карие глаза.

– Что ж, весьма рад. Не хватало только лишиться половины ноги с утра пораньше. – Незнакомец стянул с головы изношенную шляпу с ободренным индюшиным пером, заткнутым за ленту, и поклонился. Черные пряди упали на плечи. – Джон Куинси Майерс, к вашим услугам, мэм.

– Клэр Фрейзер. – Я восхищенно протянула ему руку.

Он покосился на нее, затем поднес мои пальцы к носу и принюхался.

– Вы, часом, не травница будете? – расплылся он в широкой улыбке, очаровательной, несмотря на отсутствие половины зубов.

– Я... кем?

Он осторожно перевернул мою руку ладонью вверх и указал на пятна хлорофилла.

– Если у дамы зеленые пальцы, возможно, она просто ухаживала за розами. Но дама, чья ладонь пахнет корнем сассафраса и корой хинного дерева, скорее всего, очень многое знает о растениях. Согласен? – дружелюбно обратился Майерс к Иэну, который рассматривал его с неприкрытым любопытством.

– Ага! – закивал мальчишка. – Тетушка Клэр – известная целительница. Знахарка! – Он глянул на меня с гордостью.

– Во как? – округлил глаза Майерс. – Черт побери, вот это повезло так повезло! Не зря я решил подождать сперва, а не сразу идти в горы искать шамана.

– Вы больны, мистер Майерс? – спросила я.

Выглядел он, по крайней мере, вполне здоровым. Правда, сказать наверняка было сложно из-за бороды и тонкого слоя жирной грязи, которая покрывала все, что виднелось из-под потрепанной одежды. Единственное исключение – широкий белый лоб, обычно скрытый под шляпой.

– Не, думаю, не больной. – Майерс вдруг встал на ноги и принялся задирает край рубахи из оленьей кожи. – По крайней мере, не гонорея и не сифилис, уж их-то я повидал.

То, что я поначалу приняла за штаны, оказалось длинными кожаными гамашами с набедренной повязкой поверх. Продолжая говорить, Майерс как раз возился с узлом на шнурке данного предмета гардероба.

– Но чертовски досаждают. Вдруг вылезла здоровенная штука прямо за... – он покосился на меня, – шарами моими. Ужасно неудобно, как вы, наверное, догадались, хотя и не болит, разве что пока верхом не сяду. Может, глянете да скажете потом, что мне с этим делать, а?

– Э-э... – Я бросила на Фергуса злой взгляд, но паршивец лишь поправил на плече мешок с бобами, с интересом наблюдая.

– Неужели я имею удовольствие лицезреть мистера Джона Майерса? – раздался у меня за плечом вежливый голос с шотландским акцентом.

Мистер Майерс бросил шнурок и поднял голову.

– Не могу ничего сказать насчет удовольствия, сэр, – отозвался он не менее учтиво. – Но если вы искали Майерса, то, несомненно, его обнаружили.

Джейми шагнул вперед, тактично меня загородив, и должным образом поклонился. Шляпу он при этом держал под мышкой.

– Джейми Фрейзер, к вашим услугам. Мне посоветовали упомянуть Гектора Кэмерона при знакомстве с вами.

Майерс с любопытством глянул на рыжие волосы Джейми.

– Шотландец? Из горных парней, да?

– Да, я шотландец и горец.

– Родич старины Гектора?

– Он мой дядя через брак, хотя лично мы не встречались. Мне говорили, что вы его хорошо знаете и, возможно, соблагovolите указать нам путь к его плантации.

Оба мужчины откровенно изучали друг друга, оценивая манеру держаться, одеяние и оружие. Взгляд Джейми одобрительно задержался на длинном охотничьем ноже на поясе Майерса, а у того даже ноздри расширились от интереса.

– *Comme deux chiens*, – тихо заметил Фергус за моей спиной. Как два пса. – ...*aux culs*.

Ну да, того и гляди, примутся друг другу задницы обнюхивать.

Мистер Майерс мельком глянул на Фергуса, и в глубине карих глаз отразилось веселье. Может, он и неотесанный охотник, но, очевидно, во французском что-то смыслил.

Учитывая обоняние Майерса, а также полное отсутствие у него застенчивости, я не удивилась бы, если он рухнул бы на четвереньки и оправдал ожидания Фергуса. Впрочем, он и без того внимательно изучал не только Джейми, но и остальных, включая меня и Ролло.

– Отличный пес, – небрежно бросил Майерс, протягивая ему широкие костяшки. Приняв приглашение, Ролло внимательно обнюхал чужака от ботинок до набедренной повязки.

– Ваш дядюшка, а? Он знает, что вы к нему нагрянете?

Джейми покачал головой:

– Я отправлял письмо из Джорджии месяц назад, но не могу сказать, дошло ли оно.

– Вряд ли, – задумчиво произнес Майерс. Он снова задержал взгляд на Джейми, потом оглядел и остальных. – С вашей женой я уже знаком. Сын? – Он кивнул на Иэна.

– Племянник, Иэн. И приемный сын Фергус. – Джейми представил обоим широким взмахом ладони. – Еще с нами друг, Дункан Иннес, он вскоре подойдет.

Хмыкнув, Майерс кивнул.

– Ладно, доставлю я вас к Кэмерону. Хотел убедиться, что вы ему родня, но вижу, лицом вы похожи на его вдовушку. Да и мальчишка тоже.

Джейми вскинул голову.

– Вдовушку?

В кустистой бороде мелькнула хитрая усмешка.

– У старины Гектора ужасно разболелось горло, вот и помер в конце прошлой зимы. Не думаю, что *туда* ему доходит почта. – Впрочем, с темы Кэмеронов Майерс быстро перешел к более насущным проблемам и снова взялся за шнурок. – Лиловая такая штука, – пояснил он. – Размером почти с мое яйцо. Может, третье вымахало, а?

– Сомневаюсь. – Я закусила губу.

Майерс почти распутал узел, и на нас начинали пялиться прохожие.

– Погодите, не утруждайтесь... – выпалила я. – Уверена, что и без того могу сказать... У вас паховая грыжа.

Майерс распахнул глаза шире.

– Правда? – Диагноз его скорее впечатлил, чем напугал.

– Придется вас осмотреть... где-нибудь в помещении, – быстро добавила я. – Чтобы убедиться наверняка. Но, судя по вашему рассказу, мы имеем дело именно с ней. Ее легко удалить хирургически... – Я замешкалась, окинув великана взглядом. – Не знаю... В смысле, для этого вам надо уснуть. Точнее, быть без сознания. Понимаете, мне придется разрезать вас, а потом снова зашить. Пожалуй, лучше наложить бандаж... то есть повязку.

Майерс поскреб подбородок.

– Не, я пробовал, не помогло. Разрезать... Вы, ребята, в городе задержитесь еще?

– Ненадолго, – твердо сказал Джейми. – Отправимся по реке, как только найдем лодку.

– Хм. – Великан задумался, но тут же просиял: – Я знаю подходящего человека. Сию же минуту приведу Джоша Фримана из «Приюта моряка». Солнце еще высоко, значит, надраться он не успел. А после не будет ли ваша жена столь любезна, чтобы встретиться со мной вон в той таверне – там место попрличнее, чем у моряков, – и осмотреть... э-э... – Майерс шевельнул губами, пытаясь вспомнить, но быстро сдался: – Болячку мою.

Затем он нахлобучил на голову шляпу, кивнул Джейми и зашагал по улице. Джейми проследил взглядом за этим исполином, который, продвигаясь, сердечно здоровался со всеми прохожими.

– Да ж что в тебе такого, саксоночка? – произнес он непринужденно, не сводя с Майерса глаз.

– А что там во мне?

Джейми сощурился, глядя уже на меня.

– То, от чего все мужики через пять минут после встречи с тобой норовят из штанов выпрыгнуть.

Фергус поперхнулся. Щеки Иэна порозовели. А я напустила на себя как можно более скромный вид.

– Ну, уж если ты не знаешь, милый, то не знает никто. Зато я вот, кажется, нашла нам лодку. А ты-то чем все утро занимался?

Джейми, как всегда старательный, раздобыл потенциального покупателя для наших камней. И приглашение на ужин к губернатору в довесок.

– Губернатор Трион как раз в городе. Остановился в доме некоего мистера Лиллингтона. Утром я говорил с купцом Макичерном, который отправил меня к парню по имени Маклауд, а тот...

– ...представил Макнилу, который отвел тебя выпить вместе с Макгрегором, который рассказал тебя все о своем племяннике, Бетьюне, который приходится троюродным братом пареньку, который чистит губернатору ботинки, – предположила я, к тому времени уже разобравшись, какими окольными путями делаются дела между шотландцами.

Стоит только оставить в одной комнате двух горцев, и через десять минут они успеют поведать друг другу историю своих семей за последние лет двести и заодно выяснят, что у них полным-полно общих родичей и знакомых.

Джейми усмехнулся.

– Точнее, это был секретарь жены губернатора, – поправил он, – и зовут его Мюррей. Старший сын Мэгги, кухни твоего отца, с берегов Лох-Линне, – добавил Джейми, обращаясь к Иэну. – Его отец уехал после восстания.

Иэн кивнул и, вне всяких сомнений, внес новые сведения в собственную картотеку, ведь придет день, когда они пригодятся.

Эдвин Мюррей тепло принял Джейми как родича, пусть и через брак, и достал нам приглашение отужинать у Лиллингтона сегодня вечером, якобы для того, чтобы Джейми поведал губернатору о торговле в Ост-Индии. На самом деле мы намеревались познакомиться с баро-

ном Пенцлером, зажиточным немецким аристократом. Как человек не только богатый, но и обладающий хорошим вкусом, он прослыл собирателем мастерски исполненных вещей.

– Вроде бы неплохо, – неуверенно сказала я, – но иди-ка ты туда лучше сам. Не могу я ужинать с губернаторами в таком виде.

– Да ну, нормаль... – Джейми умолк и медленно окинул взглядом грязное, рваное платье, растрепанные волосы и изношенную шляпу. – Нет, саксоночка, ты мне нужна. Вдруг придется отвлекать.

– Кстати, скольких пинт эля тебе стоило сие приглашение? – поинтересовалась я, вспомнив о наших скудных финансах.

И глазом не моргнув, Джейми взял меня под руку и потянул к лавкам.

– Шести, но он заплатил за половину. Пойдем, саксоночка, ужин в семь, а нам еще приличный наряд тебе надо выбрать.

– Мы не можем себе позволить...

– Это вложение средств, – отрезал Джейми. – И кузен Эдвин одолжил мне немного денег. Верну, когда продадим камень.

Платье уже два года как вышло из моды на Ямайке, зато было чистым.

– С вас капает, мадам, – раздался холодный голос.

Говорила невысокая худая женщина среднего возраста – знаменитая в Уилмингтоне швея. Как я поняла, она привыкла, что ее указаниям следуют беспрекословно. Стоило мне отказаться от чепца с оборочками в пользу только вымытых волос, как она хмуро пригрозила мне возможным плевритом. А когда я попросила, чтобы традиционный тяжелый корсет заменили на легкий – он поддерживает грудь, а не стискивает, – булавки, которые швея держала во рту, оцетинились, словно иглы на спине дикобраза.

– Прошу прощения. – Я быстро засунула влажную прядь волос обратно под льняное полотенце, намотанное на голову.

Гостевые покои в огромном доме мистера Лиллингтона оказались полностью заняты свитой губернатора, поэтому меня сослали в комнатку Эдвина под самой крышей конюшен. Так что примерку платья сопровождали приглушенный перестук копыт и хруст сена снизу. Время от времени вдобавок доносилось монотонное насвистывание конюха, который выгребал навоз.

Впрочем, я и не думала жаловаться. Конюшни мистера Лиллингтона были куда чище трактира, где мы с Джейми оставили наших спутников. А миссис Лиллингтон весьма любезно предоставила мне большую бадью горячей воды и кусок мыла с ароматом лаванды, что для меня куда важнее любых новых платьев. Больше никаких персиков, никаких...

Я привстала на цыпочки, пытаюсь выглянуть в окно – вдруг Джейми идет? Швея тут же заворчала – она приводила в порядок край юбки.

Платье само по себе было довольно простое, из кремового шелка, зато с кринолином, украшенным полосками винного цвета. По корсажу в два ряда сбегали бордовые рюши. А еще я пришила купленные заранее брюссельские кружева к коротким рукавам. Сойдет, пусть и не высший класс.

Сперва меня удивила уж очень низкая цена, но потом я заметила, что ткань довольно грубая и местами на ней встречались утолщения. Из любопытства я потерла ее между пальцами. Хотя в шелках я не особо смыслила, во время плавания знакомый китаец как-то едва ли не целый день посвящал меня в тонкости работы шелкопрядов и едва заметных различий в ее результате.

– Скажите, а откуда этот шелк? – спросила я. – На китайский не похоже... Франция?

Швея подняла взгляд, временно сменив гнев на милость.

– Да, не китайский. Изготовлен в Южной Каролине. Там проживает одна дама, миссис Пинкни. Засадилась половину своей земли шелковицей и начала разводить шелкопрядов.

Может, по качеству ткань и уступает китайской, – неохотно признала она, – но зато вполнину дешевле. – Швея снова покосилась на меня и кивнула. – Почти готово. Рюш отменно подчеркивает румянец. Мадам, прошу прощения, что-то нужно сделать с шеей. Раз уж вы не желаете ни чепец, ни парик, то, возможно, повяжете ленту?

– Точно, лента! – осенило меня. – Да, отличная мысль. Прошу, загляните в корзину, там лежит подходящая.

Вдвоем мы сумели справиться с моими волосами, перевязав их темно-розовой лентой. Несколько влажных кудрей все равно прикрыли уши и упали на лоб.

– Не слишком явно я моложусь?

– Что вы, мадам, – успокоила меня швея. – Вполне достойно, уж поверьте мне. – Она нахмурилась. – У вас нет драгоценностей?

– Только это.

Изумленно обернувшись, мы увидели в дверях Джейми, который умудрился войти незамеченным.

Он тоже успел принять ванну и раздобыл чистую рубаху с шейным платком. А еще кто-то потрудился над его прической: расчесал и заплел волосы в аккуратную косу, перевязанную синей лентой. Сюртук не только почистили, но и обновили рядом позолоченных пуговиц с цветочной гравировкой по центру.

– Какая прелесть. – Я дотронулась до пуговики.

– Взял займы у золотых дел мастера, – пояснил Джейми.

Он достал из кармана грязный платок, в который завернул... тоненькую золотую цепочку.

– Времени у него хватило только на самую простую оправу. – Джейми сосредоточенно застегнул украшение на моей шее. – Ну, оно и к лучшему, правда?

Рубин блестел прямо над ложбинкой меж грудей, отбрасывая розоватые отсветы на бледную кожу.

– Хорошо, что ты выбрал именно его. – Я бережно коснулась камня. Он все еще хранил тепло тела Джейми. – Лучше подходит к платью, чем сапфир или изумруд.

Швея поражено приоткрыла рот. Она глянула на меня, потом на Джейми. Кажется, наше положение в ее глазах стремительно выросло.

Джейми наконец рассмотрел мой наряд – медленно, от макушки до края подола – и улыбнулся.

– А из тебя вышла неплохая шкатулка для украшений, саксоночка. Отличный отвлекающий маневр.

Он выглянул в окно, где закатное солнце по-прежнему озаряло подернутое дымкой небо, затем поклонился мне и шутливо шаркнул ногой:

– Не соблаговолите ли оказать мне честь сопроводить вас к ужину?

Глава 7

Великие планы идут бок о бок с риском

Как мне уже было известно, в восемнадцатом веке на стол тащили любую дичь, которую только можно было поймать. Чего я не понимала, так это здешнюю любовь подавать блюда в изначальном виде, словно добычу никто не готовил или даже вовсе не убивал.

Я уставилась на огромного осетра. Он тоже на меня таранился. Какой тут аппетит? У рыбыны имелись не только глаза, но и чешуя с плавниками. Совершенно невредимая на вид трехфутовая махина возлежала на волнах заливного из икры и молок, и всю эту конструкцию украшало множество крошечных крабиков – их сварили целиком и художественно разбросали.

Сделав очередной приличный глоток вина, я повернулась к соседу по столу, лишь бы не пялиться на выпученные глазища осетра.

– ...крайне беспардонный тип! – восклицал мистер Стэнхоуп, описывая некоего джентльмена, которого ему довелось повстречать на почтовой станции по пути в Уилмингтон из своего поместья возле Нью-Берна. – Представьте, буквально посреди обеда принялся рассказывать о своем геморрое и какие муки тот причиняет, когда экипаж бесконечно трясется. А как доказательство сей неотесанный болван извлек из кармана окровавленный носовой платок! Испортил весь аппетит, мэм, уж можете мне поверить, – сообщил он, наколов на вилку внушительный кусок куриного фрикасе, а потом начал медленно жевать, не сводя с меня блеклых и выпученных, как у того осетра, глаз.

Филип Уайли, сидевший напротив, весело скривился.

– Поосторожней, Стэнхоуп, не то ваш рассказ произведет ровно то же впечатление, – кивнул он на мою нетронутую тарелку. – Впрочем, отправляясь в путешествия не на личном транспорте, вы рискуете провести время в весьма разношерстной компании.

Стэнхоуп фыркнул, отряхивая крошки с шейного платка.

– Не стоит зазнаваться, Уайли. Не все могут себе позволить личного извозчика, особенно когда ввели столько новых налогов. – Он возмущенно взмахнул вилкой. – Табак, вино, бренди – еще куда ни шло, но налог на газеты?! Неслыханно! Представьте, когда старший сын моей сестрицы в прошлом году получил ученую степень в Йельском университете, – Стэнхоуп важно надулся и неосознанно повысил голос, – ей, черт возьми, пришлось заплатить полшиллинга, чтобы свидетельство мальчишки просто-напросто официально скрепили печатью!

– Теперь подобного уже не будет, – терпеливо заметил кузен Эдвин. – Закон о печатях утратил силу, и...

Стэнхоуп схватил крабика с блюда и обвинительно взмахнул им в сторону Эдвина.

– Один отменили, другой введут. Налоги растут как грибы! – Он забросил крабика в рот и продолжил невнятно бормотать, что не удивится, если следующим появился налог уже на воздух.

– Как понимаю, вы недавно вернулись из Ост-Индии, мадам Фрейзер? – спросил барон Пенцлер, сидевший по другую руку от меня. – Сомневаюсь, что вам знакомы местные дела... или что они вам интересны, – добавил он.

– О, что вы, налоги интересуют всех. – Я слегка повернулась, чтобы он смог рассмотреть мою грудь получше. – Вам не кажется, что налоги – это плата за жизнь в цивилизованном обществе? Впрочем, выслушав рассказ мистера Стэнхоупа, – я чуть наклонила голову в его сторону, – я думаю, он согласится, что уровень общества не вполне соответствует уровню налогообложения?

– Ха-ха! – Стэнхоуп поперхнулся хлебом и закашлялся. Во все стороны полетели крошки. – Ох, отлично сказано! Не вполне соответствуют... ха-ха, верно, ох как верно!

Выражение лица Филипа Уайли оставалось скептическим, но все же на меня он взглянул с одобрением.

– Миссис Фрейзер, прошу, постарайтесь не столь ярко забавлять собеседников, – проговорил он. – Иначе бедняга Стэнхоуп рискует расстаться с жизнью.

– Мм... и какова сейчас налоговая ставка, как вы считаете? – спросила я, тактично уводя разговор от кашляющего Стэнхоупа.

Уайли сжал губы, размышляя. Он был тем еще шеголем: носил парики по последней моде и мушку в форме звездочки у рта. Впрочем, под слоем пудры можно было рассмотреть и красивое лицо, и живой ум.

– Что ж, учитывая все мелкие расходы, то вплоть до двух процентов, если включить и налог на рабов. Добавьте налоги на землю и урожай – и получится еще выше.

– Два процента! – задохнулся Стэнхоуп, колотя себя по груди. – Чудовищно! Просто чудовищно!

Припомнив последнюю налоговую декларацию, которую мне довелось заполнять, я сочувственно согласилась, что два процента – это, несомненно, обдираловка. Интересно, куда делся яростный пыл американских налогоплательщиков за два столетия?..

– Возможно, нам стоит сменить тему? – предложила я, заметив, как к нам уже обращаются взгляды окружающих. – В конце концов, говорить о налогах в доме губернатора – все равно что вспоминать о веревке в доме повешенного, верно?

Мистер Стэнхоуп проглотил краба целиком и подавился уже всерьез. Сосед с другой стороны похлопал его по спине, а чернокожего мальчика, в чьи обязанности входило убивать насекомых у окна, поспешно послали за водой. Я на всякий случай заметила тонкий и острый нож у рыбного блюда, хотя надеялась, что мне не придется проводить трахеотомию прямо здесь. Не то внимание к своей персоне я надеялась привлечь.

К счастью, столь крутые меры не понадобились. После особо удачного удара краб все-таки вырвался на свободу, а его жертва, пусть побагровела и хватала воздух ртом, все же осталась невредима.

– Кто-то упомянул газеты, – произнесла я. – Мы здесь пробыли всего ничего, и мне пока ни одна не встретилась. В Уилмингтоне выходит регулярное издание?

Вопрос я задала не только чтобы дать мистеру Стэнхоупу прийти в себя. У меня были и личные мотивы. Среди скудного имущества Джейми имелся печатный станок, на хранении в Эдинбурге.

Как оказалось, в Уилмингтоне проживали два печатника, но лишь один – некий мистер Джонатан Жиллетт – выпускал регулярную газету.

– И вскоре она, скорее всего, перестанет таковой быть, – мрачно сообщил Стэнхоуп. – Говорят, мистер Жиллетт получил предупреждение от Комитета по безопасности о том... Ох! – Его пухлое лицо исказилось от боли и удивления.

– А у вас к газетам особый интерес, миссис Фрейзер? – вежливо поинтересовался Уайли, глянув исподлобья на товарища. – Слышал, ваш муж как-то связан с печатным делом в Эдинбурге.

– Да, так и есть, – согласилась я, несколько удивленная. Откуда он столько о нас знает? – Впрочем, Джейми печатал не газеты, а книги, пьесы и подобное.

Ровно очерченная бровь Уайли взметнулась вверх.

– То есть ничего политического? Печатников зачастую подкупают те, кто хочет излить свою страсть на страницах газет... Сам печатник может ее и не разделять.

А вот и тревожный звоночек. Знал ли Уайли что-то о политических связях Джейми в Эдинбурге, большинство которых были откровенно мятежными, или просто поддерживал спокойную беседу за столом? Судя по замечаниям Стэнхоупа, газеты и политика явно переплелись в сознании людей – впрочем, неудивительно, учитывая времена.

Джейми, расположившийся на дальнем конце стола, уловил свое имя и незаметно мне улыбнулся, затем возобновил серьезную беседу с губернатором, рядом с которым и сидел. Я не знала, похлопотал ли насчет этого мистер Лиллингтон, сидевший с другой стороны от губернатора и слушавший разговор с вдумчивым и слегка печальным, как у бассет-хаунда, выражением лица, или кузен Эдвин, который занимал место напротив меня, между Филипом Уайли и его сестрой Джудит.

– О, ремесленник, – многозначительно изволила заметить сия дама. Она улыбнулась, стараясь не демонстрировать зубы. Гнилые, наверное. – А это... – она неопределенно взмахнула рукой, как бы сравнивая мои волосы с лентой и свой монументальный парик, – нынче модно в Эдинбурге, миссис Фрейзер? Очаровательно.

Уайли, прищурившись, глянул на сестру.

– Еще я, кажется, слышал, что мистер Фрейзер приходится племянником миссис Кэмерон из «Горной реки», – вежливо произнес он. – Мой собеседник не солгал, миссис Фрейзер?

Эдвин, который, несомненно, и был тем собеседником, сосредоточенно намазывал булочку маслом. Высокий и располагающий к себе молодой человек с живыми карими глазами, на секретаря он походил мало.

Барон, которому наскучили как налоги, так и газеты, слегка оживился:

– «Горная река»? Вы в родстве с миссис Иокастой Кэмерон?

– Она приходится тетушкой моему мужу, – ответила я. – Вы с ней знакомы?

– О, разумеется! Восхитительная женщина, в высшей степени восхитительная! – Обвисшие щеки барона качнулись, и он расплылся в улыбке. – Уже много лет я прихожусь близким другом миссис Кэмерон и ее мужу, к несчастью, покойному.

Барон воодушевленно пустился перечислять красоты поместья, а я воспользовалась затишьем и решила перекусить рыбным пирогом. Откинувшись на спинку, дабы позволить лакею подлить чуть больше соуса на тарелку, я уловила взгляд Джудит Уайли. Эдакий прищур с откровенной неприязнью. Я мило улыбнулась в ответ, выставляя напоказ безупречные зубы, и снова повернулась к барону.

В комнате Эдвина зеркала не нашлось. Джейми уверял, что я выгляжу превосходно, но его представления о красоте значительно отличались от веяний моды. Да, я получила немало комплиментов, однако джентльмены вполне могли лишь проявлять вежливость. Аристократы славились непомерной любезностью.

А вот мисс Уайли была на четверть века меня младше, одета по последней моде и при драгоценностях. Не писаная красавица, но и не простушка. Ее ревность отражала мой внешний вид куда лучше любого зеркала.

– Какой чудный камень, миссис Фрейзер... позвольте рассмотреть? – наклонился барон. Пухлые пальцы осторожно зависли у моего бюста.

– Конечно, – с готовностью отозвалась я.

Мигом расстегнув цепочку, я уронила камень в его широкую потную ладонь. Барон слегка расстроился, что изучить украшение на прежнем месте не удалось, но с видом знатока поднес его к глазам. Впрочем, в камнях барон явно разбирался: из нагрудного кармана он извлек небольшой прибор, оказавшийся соединением оптических линз.

Утратив бдительность, я не заметила, как дворецкий положил мне в тарелку порцию чего-то горячего и острого. Ну зачем, зачем подавать подобное, когда в помещении и так не продохнуть от жары?

– Прекрасно, – пробормотал барон, перекатывая камень в ладони. – *Sehr schön*⁸.

Я мало в чем полагалась на Гейлис Дункан, но ее вкусу в драгоценных камнях вполне доверяла. «Он должен быть первоклассным, – объясняла она мне свою теорию о путешествиях сквозь время посредством таких сокровищ. – Полностью безупречным и большим». Да, рубин был крупным – размером почти с перепелиные яйца, которые украшали блюдо с полностью оперенным фазаном. И, несомненно, идеальным: с его помощью Гейлис перенеслась в будущее. Я же надеялась, что он доставит нас хотя бы в Кросс-Крик. С этими мыслями я попробовала то, что оказалось у меня на тарелке, – нечто похожее на рагу, очень нежное и ароматное.

– Как вкусно, – поделилась я с мистером Стэнхоупом, в очередной раз поднося вилку ко рту. – Не подскажете, что за блюдо?

– О, одно из моих любимейших, мэм. – Он с блаженным видом принялся к своей тарелке. – Маринованные свиные морды. Прелестно, верно?

---

⁸ Очень красиво (нем.).

Закрыв за собой дверь, я оперлась о нее спиной и облегченно выдохнула. В комнате Эдвина не приходилось бесконечно улыбаться, поэтому я с удовольствием расслабила уже ноющую челюсть. А теперь – скорее снять липнущее к коже платье, тесный корсет и потные туфли.

Спокойствие, одиночество, обнаженность и тишина. И ничего больше не надо, ну, кроме глотка свежего воздуха. Раздевшись до нижней рубашки, я распахнула окно.

В комнату вошел воздух – такой плотный, словно можно шагнуть с подоконника вниз и неспешно поплыть к земле, как камешек ко дну кувшина с вязкой патокой. На пламя свечи тут же прилетели насекомые, кровожадные и очарованные светом. Я задула огонь и присела на банкетку уже в темноте.

На шее каплей черной крови поблескивал рубин. Теплый, как моя собственная кровь.

Гости уже разъезжались, у дороги ожидали экипажи. До меня долетали обрывки прощаний, разговоров, тихого смеха.

– ...довольно умна, на мой взгляд, – расслышала я манерный голос Филипа Уайли.

– Ах, умна, конечно же! – взвизгнула его сестрица. Стало ясно, что она думает о значении ума для светских дам.

– Видишь ли, дорогая, умную женщину можно вынести, если на нее приятно и смотреть. В свою очередь, красавица может обойтись без выдающихся способностей, ежели ей хватает ума держать рот на замке.

Мисс Уайли, конечно, умом не блистала, однако тонкий намек уловила и фыркнула самым неподобающим леди образом.

– Да ей лет сто, не меньше. Приятно смотреть, как же! А вот на шее у нее украшение висело красивое, – нехотя добавила она.

– Вполне, – согласился третий голос, глубокий. Ллойд Стэнхоуп. – Хотя оправка впечатляла куда сильнее.

– Оправка? – возмутилась мисс Уайли. – Откуда там оправка, камень просто на ее груди лежал!

– В самом деле? – вежливо отозвался Стэнхоуп. – Я и не заметил.

Уайли расхохотался.

– Ну, старик, ты не заметил, так нашлись другие, кто сумел, – лукаво произнес он. – Пойдемте, экипаж подан.

Я вновь коснулась рубина, наблюдая, как красивые серые лошади увозят гостей прочь. Да, другие нашлись. Я по-прежнему чувствовала на груди алчный взгляд барона. Ценил он явно не только драгоценности.

Камень тяжестью лежал в ладони. Мне даже казалось, что он теплее кожи. Я редко носила украшения помимо двух обручальных колец, да и не стремилась. Как хорошо будет избавиться хотя бы от части наших опасных сокровищ. Но я как зачарованная качала камень в ладони, пока не начала слышать в нем крошечное сердце, бьющееся в такт с моим.

Наконец у дома остался лишь один экипаж. Кучер терпеливо ждал рядом с лошадьми. Примерно через двадцать минут из дома вышел и владелец, добавивший к словам прощания добродушное «*Gute nacht*»⁹. Барон засиделся до последнего и уезжал в приподнятом настроении. Хороший знак.

Лакей, снявший ливрею, потушил факелы. Я рассмотрела белое пятно его рубахи, когда он в темноте возвращался. На миг вспыхнул свет – лакей вошел в дом и снова закрыл дверь. Опустилась ночная тишина.

---

⁹ Доброй ночи (нем.).

Я ожидала, что Джейми сразу ко мне поднимется, однако минуты все тянулись и тянулись, а его шагов по-прежнему не было слышно. Я глянула на постель, но поняла, что не хочу ложиться.

Поднявшись, я вновь натянула платье, правда, не стала заморачиваться чулками и даже туфлями. Я босиком тихонько прошла по коридору, спустилась по лестнице и через крытый переход попала в главную часть дома. Царила темнота, лишь лунный свет сочился сквозь оконные переплеты. Большинство слуг уже легли спать, как и хозяева с гостями. Но наверху, за перилами лестницы, мелькнули огоньки – в столовой по-прежнему сияли канделябры.

Прокравшись на цыпочках, я расслышала приглушенную беседу тет-а-тет: глубокий, с шотландскими нотками голос перекликался с английским губернатора.

Свечи почти догорели. Воздух наполнился сладостью талого воска. У дверей клубились низкие облака пахучего сигарного дыма.

Я тихонько остановилась неподалеку от входа. Неплохое место для наблюдения. Я увидела спину губернатора, который вытянул шею, прикуривая очередную сигару от свечи на столе.

Если Джейми меня заметил, то виду не подал. Его лицо хранило привычное выражение спокойного благодушия. Напряженные морщинки у глаз и рта разгладились, да и плечи слегка опустились. Значит, он на самом деле расслаблен. На душе сразу стало легче. Он добился успеха.

– ...называется «Горная река», – говорил Джейми губернатору. – Глубоко в холмах за Кросс-Криком.

– Да, знаю, – немного удивленно отозвался тот. – Мы с супругой как-то провели в Кросс-Крике несколько дней. Объезжали колонию, когда меня назначили на пост. «Горная река» располагается далеко от города, я бы даже сказал, что она на полпути к горам.

Джейми улыбнулся и глотнул бренди.

– Ну, мы горцы, сэр, так что там для нас словно дом родной.

Выдохнув дым, губернатор вынул сигару изо рта и доверительно наклонился к Джейми.

– Так как мы здесь одни, мистер Фрейзер, я хотел бы кое-что вам предложить. Еще стаканчик?

Не дожидаясь ответа, он плеснул бренди из графина.

– Благодарю, сэр.

Губернатор некоторое время яростно попыхивал сигарой, пока она наконец не разгорелась как следует, затем откинулся на спинку. Сигара небрежно зависла в пальцах.

– Юный Эдвин упоминал, что вы в колониях недавно. Знакомы со здешними условиями?

– Старался узнать как можно больше, – ответил Джейми, слегка пожав плечами. – Какие условия вы имеете в виду?

– Северная Каролина – земля весьма богатая. И все же мы до сих пор не процветаем так, как наши соседи. В основном из-за нехватки рабочих. Понимаете, порт здесь не построишь, нет достаточно большой бухты. Значит, приходится перевозить рабов из Южной Каролины или Вирджинии, а это стоит немалых денег. Мы не сможем угнаться за Бостоном и Филадельфией. Поэтому поощряем трудолюбивые и набожные семьи заселять эти земли, чтобы обеспечить благополучие и безопасность края.

Губернатор глубоко затаился и медленно выдохнул дым. Затем, откашлявшись, продолжил:

– В связи с этим, сэр, возникла система пожалования, согласно которой джентльмену со средствами выделяют приличный участок земли. Сей джентльмен, в свою очередь, берет на себя обязанность уговорить ряд эмигрантов поселиться там под его покровительством. Эта политика уже оправдала себя за последние тридцать лет. Многие приличные шотландцы вняли

призыву и переехали сюда. Причем я был поражен, когда своими глазами увидел, сколько в Кейп-Фире Макнилов, Бьюкененов, Грэхемов и Кэмпбеллов!

Губернатор поднес к губам сигару, но тут же в нетерпении заговорил вновь:

– Остается еще полно отменных земель – в глубь континента, в сторону гор. Несколько отдаленно, да, однако, как вы говорите, для народа, привыкшего к высотам Шотландии. . .

– Я слышал о таких пожалованиях, сэр, – перебил его Джейми. – Но разве в законе не сказано, что землю даруют только белым мужчинам-протестантам старше тридцати лет?

– Так звучит данный акт, верно. – Мистер Трион повернулся ко мне в профиль, стряхивая пепел в небольшую фарфоровую мисочку. Выражение его лица при этом казалось сродни тому, что бывает у рыбака, когда тот чувствует первую поклевку.

– Предложение, несомненно, звучит крайне интересно, – произнес Джейми. – Однако, должен заметить, что я не протестант, как и большинство моей родни.

Губернатор неодобрительно поджал губы и вскинул бровь.

– А еще вы не еврей и не негр. Я могу говорить с вами как джентльмен с джентльменом? Если начистоту, мистер Фрейзер: есть закон, а есть его исполнение. – Он с легкой улыбкой приподнял стакан бренди, забрасывая наживку. – И, уверен, вы понимаете это не хуже меня.

– Возможно даже лучше, – пробормотал Джейми, вежливо улыбаясь в ответ.

Губернатор бросил на него внимательный взгляд, но тут же хохотнул и отсалютовал стаканом, прежде чем отпить.

– Мы понимаем друг друга, мистер Фрезер, – с удовлетворением кивнул он.

Джейми едва заметно наклонил голову.

– То есть с личными качествами тех, кто согласится на ваше предложение, сложностей не возникнет?

– Никаких. – Губернатор с тихим стуком опустил стакан на стол. – Если они физически крепкие мужчины, способные обрабатывать землю, большего я не ожидаю. А что не спросят, то можно и не сообщать, верно? – Он вновь вскинул тонкую бровь.

Джейми покрутил стакан в ладонях, будто любовался глубоким цветом напитка.

– Не всем, кто пережил восстание Стюарта, повезло так, как мне, ваше превосходительство, – заговорил он. – Мой приемный сын потерял кисть, один из спутников – руку целиком. И все же они остаются людьми добрыми и трудолюбивыми. Я не могу позволить себе принять предложение, если оно не коснется моих товарищей.

Губернатор лишь отмахнулся.

– Если они способны заработать себе на хлеб и не станут обузой обществу, то мы рады их приветствовать. – Он сел ровнее, словно вдруг испугался, что проявил чересчур неосторожную щедрость. – Раз уж вы заговорили о якобитах. . . Вашим людям придется принести клятву верности Британской короне, если они до сих пор этого не сделали. Осмелюсь спросить следующее. . . вы, сэр, подразумеваете, что вы. . . папист?

Джейми прищурился – возможно, из-за дыма, хотя вряд ли. Губернатор Трион, которому было всего лет тридцать, в людях разбирался неплохо и сейчас пристально глядел на Джейми, словно высматривал блеск рыбьей чешуи под водой.

– Я не пытаюсь напоминать о прошлых ошибках, – тихо произнес он. – И не желаю оскорбить вашу честь. Тем не менее поймите, задать эти вопросы – мой долг.

Джейми невесело улыбнулся.

– А мой, как понимаю, – ответить. Да, я помилованный якобит. И да, я принес клятву. . . как и остальные, кто такой ценой спас свою жизнь.

Он резко поставил почти нетронутый стакан на стол и отодвинул тяжелый стул.

– Уже поздно, ваше превосходительство. Позвольте мне откланяться.

Губернатор медленно поднес сигару к губам и глубоко затянулся, от чего ее кончик ярко вспыхнул. И наконец кивнул, выпустив тонкую струйку дыма из сжатых губ.

– Доброй ночи, мистер Фрейзер. Подумайте над моим предложением.

Ждать ответа я не собиралась. Я метнулась прочь по коридору, шурша юбками, и случайно перепугала лакея, дремавшего в темном углу.

В комнату над конюшнями я умудрилась добраться, больше никого не повстречав на пути, и рухнула на кровать. Сердце колотилось. Не только из-за беготни по лестницам, но и от услышанного.

Да, Джейми подумает над предложением. Как же иначе! Одним махом вернуть все, что он потерял в Шотландии... и даже больше.

Джейми не должен был стать лэрдом. Однако старший брат умер, сделав его наследником Лаллиброха. И с восьмилетнего возраста в Джейми воспитывали ответственность за поместье, благополучие своей земли и ее жителей. Учили ставить это благополучие превыше собственного. Потом появился Карл Стюарт с безумным шествием к славе. Своим огненным крестом он привел последователей к краху и смерти.

Джейми никогда не отзывался о Стюартах плохо, а о Карле не заговаривал вообще. Как и о том, чего ему самому стоила сия авантюра.

Но теперь... Новые земли, богатые урожаем и дичью, семьи под его защитой. Прямо как в Книге Иова – когда все дома оказались разрушены, скот угнан, а сыновья и дочери убиты одним небрежным движением... а потом все вернулось.

Эта часть Библии всегда вызывала у меня сомнения. Ладно верблюды, но дети? Иов, может, и принял новых с благодарностью, считая, что все справедливо. А вот несчастная мать мертвых детей вряд ли думала так же.

Долго усидеть на месте мне не удалось, и я вновь уставилась в окно невидящим взглядом. Сердце по-прежнему колотилось, ладони взмокли... Я радовалась – и боялась. При том как обстоят дела в Шотландии, как все стало после восстания, желающих переселиться будет масса.

Я видела корабли в портах Ост-Индии и Джорджии и как на землю ступали изможденные долгим плаванием эмигранты. Они напоминали жертв концентрационных лагерей – ходячие скелеты, желтовато-бледные после двух месяцев в тесном и темном трюме. Однако, несмотря на цену и тяжелый путь, несмотря на боль расставания с друзьями, семьей и родиной, переселенцы плыли сотнями, тысячами. Они спускались с кораблей с детьми, если тем посчастливилось выжить в пути, и несли с собой пожитки в потрепанных узелках. Сюда они бежали от нищеты и отчаяния, ища если не богатства, то хотя бы возможности встать на ноги.

Прошлой зимой, немного пробыв в Лаллиброхе, я успела понять, что многие издольщики выживают лишь благодаря доброте Иэна и юного Джейми, поскольку их собственного урожая попросту не хватает. Однако помочь всем тоже не удавалось. Я знала, что скудные запасы поместья зачастую растягивали до последнего.

Были и контрабандисты, с которыми Джейми познакомился в Эдинбурге, подпольные производители шотландского виски. На самом деле многим людям пришлось нарушать законы, лишь бы прокормить семью. Да уж, Джейми легко найдет желающих переселиться.

Проблема заключалась в том, что для этого надо вернуться в Шотландию. А у меня перед глазами до сих пор стоял церковный погост на вершине холма, высоко над морем, и гранитная плита.

«Джеймс Александр Малкольм Маккензи Фрейзер» – значилось на ней. А ниже – «Возлюбленный супруг Клэр».

Я похороню его в Шотландии. Но на могиле, которую я увидела в будущем, за двести лет отсюда, не было даты, так что я не знала, когда случится страшное.

– Не сейчас, – шепнула я, стискивая шелк нижней юбки. – Я ведь только недавно его вновь обрела... Боже, прошу, не сейчас!

Дверь распахнулась, словно в ответ, и в комнату вошел Джеймс Александр Малкольм Маккензи Фрейзер собственной персоной, со свечой в руке. Он улыбнулся, ослабляя шейный платок.

– А у тебя легкая походка, саксоночка. Видать, надо научить тебя охотиться. Будешь отлично выслеживать дичь.

Я, не став извиняться за подслушанный разговор, помогла ему расстегнуть пуговицы камзола. Несмотря на поздний час и бренди, взгляд Джейми был ясным и настороженным, а тело напряглось, когда я его коснулась.

– Потуши свечу, – посоветовала я. – Не то тебя заживо сожрут. – В подтверждение своих слов я прихлопнула комара на его шее. На пальцах осталась кровь.

От него пахло алкоголем и сигарным дымом, но я различила и ночные запахи, а еще и легкий, мускусный аромат цветущего табака. Значит, Джейми прогуливался в саду. Так он обычно поступал в минуты либо тревоги, либо радости. И обеспокоенным он явно не выглядел.

Джейми со вздохом потянулся, когда я помогла ему снять камзол. Рубашка вся пропиталась потом.

– Не знаю, как люди живут в жару, да еще и так одеваются. Дикари, выходит, куда умнее – натянул набедренную повязку, и все дела...

– Ага, куда дешевле будет, – согласилась я. – Правда, на вид что-то не очень. Представь барона Пенцлера в такой повязке, а?

Болезненно-бледный барон весил, наверное, с восемнадцать стоунов. Джейми приглушенно рассмеялся, стягивая рубашку.

– А вот ты – другое дело... – Я присела на банкетку, любуясь его фигурой. Джейми как раз снял штаны и стоял на одной ноге, стягивая чулок.

Когда свеча потухла, в комнате вновь стало темно. Однако глаза быстро привыкли, и я все равно различала светлую кожу Джейми в бархатистой ночи.

– Кстати, о бароне... – напомнила я.

– Три сотни фунтов стерлингов, – чрезвычайно довольно отозвался Джейми. Он выпрямился и забросил свернутые чулки на стул, а затем поцеловал меня. – Твоя заслуга, по большей части.

– В роли шкатулки для украшений, да? – сухо поинтересовалась я, вспомнив разговор брата и сестры Уайли.

– Нет. Ты отвлекла Уайли и его приятелей, пока я беседовал с губернатором. Шкатулка... пф! Да Стэнхоуп чуть ли не носом тебе в корсет нырнул, поганый развратник. Думал, вызову его на дуэль, но...

– Благоразумие – лучшая составляющая доблести. – Я встала с банкетки и поцеловала Джейми в ответ. – Правда, я никогда не встречала шотландцев, разделяющих мое мнение.

– Почему же. Например, старина Саймон, мой дед. Думаю, благоразумие его и прикончило.

В голосе Джейми прозвучали одновременно улыбка и надрыв. Да, он редко заговаривал о якобитах и восстании, но не забыл. Беседа с губернатором явно вызвала в его памяти те трагичные события.

– Благоразумие не всегда означает обман. А твой дед лет пятьдесят буквально напрашивался, – едко проговорила я.

Саймон Фрейзер, лорд Ловат, был казнен на Тауэр-Хилле – ему отрубили голову – в возрасте семидесяти восьми. Вся свою долгую жизнь он занимался тем, что строил непревзойденные козни. Впрочем, я все равно жалела о смерти старого плута.

– Хм-м.

Джейми встал рядом со мной у окна и глубоко вздохнул, словно приносивался к душному ночному воздуху. Его лицо в тусклом свете звезд казалось спокойным, но отрешенным, будто он вглядывался не в темный сад, а в нечто совершенно иное. Прошлое?.. Будущее?..

– Что ты говорила? – вдруг спросила я. – Во время клятвы?

Я скорее почувствовала, чем увидела мимолетное движение его плеч.

– Я, Джеймс Александр Малкольм Маккензи Фрейзер, клянусь, и пусть я отвечу перед Господом в день Страшного суда, что не имею и не возьму мушкета, меча или любого другого оружия и что никогда не надену килт, плед или иную часть одеяния горцев, а если клятва моя будет нарушена, да буду я проклят во веки веков, как и моя семья и земля.

Джейми снова глубоко вздохнул и продолжил размеренно говорить:

– И пусть я не увижу никогда жену и детей, отца, мать или иных родственников. Пусть меня убьют в битве как труса и похоронят без христианских обрядов в чужой земле, вдали от могил моих праотцев и родни. Пусть все эти кары падут на меня, если я нарушу клятву.

– Ты сильно сопротивлялся? – помолчал, произнесла я.

– Нет, – тихо отозвался Джейми, по-прежнему всматриваясь во тьму. – Тогда – нет. Есть вещи, ради которых стоит умереть или голодать... но не ради слов.

– Может, не ради этих.

Он взглянул на меня с едва заметной улыбкой на губах.

– А ты знаешь достойные?

На надгробии было имя, но не дата. А если не пустить Джейми в Шотландию?..

Я повернулась к нему, прислонившись спиной к оконной раме.

– Как насчет «я тебя люблю»?

Джейми коснулся моей щеки ладонью.

– Да, – шепнул он. – Ради них можно.

Где-то неподалеку запела птица. Несколько звонких нот – и раздалась ответная трель. Короткий щебет – и тишина. Небо по-прежнему было темным, но звезды уже не светили так ярко.

Я беспокойно ворочалась, обнаженная, под простыней. В предрассветные часы теплый воздух меня душил. Прямая постель отсырела.

Заснуть не удавалось. Даже после того, как мы с Джейми занялись любовью, хотя обычно после этого я впадала в полную протрацию. Теперь же я просто лежала, липкая от пота, и напряженно думала. Будущее одновременно захватывало дух и тревожило, однако поделиться с Джейми своими мыслями я не могла и тем самым отрезала его от себя. Отшагнула прочь, несмотря на близость наших тел.

Я снова перевернулась, на этот раз к Джейми. Он, как всегда, спал на спине, сложив руки на плоском животе. Простыня скомкалась на бедрах. Его лицо во сне казалось спокойным. Широкий рот расслабился. Длинные ресницы темнели на фоне светлой кожи. В тусклом свете Джейми выглядел почти что четырнадцатилетним мальчишкой.

Ужасно захотелось его коснуться, только я не знала – приласкать или ткнуть. Да, Джейми подарил мне физическое наслаждение, но из-за него же мое сознание изнывало от мучений, и я ужасно завидовала его беспечному сну.

Я легла на спину, так ничего и не сделав, и закрыла глаза. А потом и вовсе принялась мрачно считать овец, которые, естественно, были шотландскими и самым отвратительным образом носились по погосту, радостно перепрыгивая через надгробия.

– Что тебя беспокоит, саксоночка? – раздался сонный голос у моего плеча.

Я распахнула глаза.

– Ничего, – постаралась не менее сонно произнести я. – Все хорошо.

Джейми тихо фыркнул и, переворачиваясь, заскрипел матрасом, набитым соломой.

- Ты нагло врешь, саксоночка. И слишком громко думаешь, я отсюда слышу.
- Ты не умеешь слышать чужие мысли!
- Умею. Твои, по крайней мере. – Джейми хмыкнул и лениво положил руку мне на бедро. – В чем дело? Живот пучит от острых крабов?
- Да нет! – Я попыталась передвинуть ногу, но не тут-то было. Он и не думал убирать руку.
- Хм, хорошо. Тогда... ты наконец придумала остроумный укол на замечание мистера Уайли об устрицах?
- Нет, – разозлилась я. – Чтоб ты знал, я думала о предложении губернатора. Ногу отпусти.
- А-а. – Он так и не пошевелился. – Ну, раз уж на то пошло, то я тоже задумывался.
- И что ты там надумал? – Успев понять, что никак не отдеру его ладонь, я перекатилась на бок и подперла голову рукой.
- За окном все еще тускло поблескивали звезды. Рассвет не спешил приближаться.
- Во-первых, мне интересно, зачем ему это.
- М-да? Он разве не сказал?
- Ну, он явно не станет предлагать мне землю за красивые глаза. – Джейми открыл эти самые глаза и вскинул бровь. – А прежде чем заключить сделку, саксоночка, я хочу узнать, чем она выгодна обеим сторонам.
- А ты не допускаешь, что он говорит правду? Что эти гранты помогают освоить новые земли? Он же говорил, что их раздают уже лет тридцать. Неужели лжет?
- Тут он сказал правду, – согласился Джейми. – Вот только у каждой пчелки во рту медок, а сзади – жало. – Он почесал голову и со вздохом отбросил пряди с лица. – Сама подумай, саксоночка. Почему именно я?
- Ну... ему нужен богатый джентльмен, обладающий властью, – медленно проговорила я. – Ему нужен лидер, а кузен Эдвин явно упомянул, что ты такой и есть и относительно богат...
- Я не богат.
- Губернатор-то не знает, – возразила я.
- В самом деле? – скептически поинтересовался Джейми. – Кузен Эдвин выдал ему все, что мог. И губернатору отлично известно, что я был среди якобитов. Да, есть те, кто после восстания поправил свои дела в Ост-Индии. Но у губернатора нет причин думать, что я из них.
- Он явно считает, что какие-то деньги у тебя есть, – заметила я.
- Из-за Пенцлера? Ага. – Джейми задумался. – Что еще он обо мне знает?
- Скорее всего, только то, что ты рассказал ему за ужином. Здесь про тебя вряд ли ходят слухи. Ты в городе пробыл меньше чем... Стой, ты о чем? – воскликнула я недоверчиво, и Джейми мрачновато улыбнулся. Я четко видела его лицо в полумраке. Рассвет по-прежнему не спешил.
- Именно. Я связан с Кэмеронами, не только богатыми, но и уважаемыми людьми. Но в то же время я чужак, которому пока нельзя доверять.
- Зато губернатор доверился и предложил огромную полосу земли, – медленно произнесла я.
- Джейми ответил не сразу. Он перевернулся на спину, так и не отпустив мою ногу, и уставился в белый потолок, украшенный росписью.
- Я встречал одного-двух немцев в свое время, саксоночка, – задумчиво сказал Джейми. Его большой палец медленно ласкал внутреннюю сторону бедра. – Никогда не замечал, чтобы они швырялись деньгами... Ты вечером была прекрасна, как белая роза, но все-таки я не уверен, что сей джентльмен накинул сто фунтов сверх того, что предложил золотых дел мастер,

только благодаря твоим чарам. – Джейми глянул на меня. – Трион – солдат и знает, что я тоже. А здесь два года назад уже случались стычки с регуляторами.

Я так увлеклась рассказом, что почти перестала замечать, как его ладонь принялась хозяйничать меж моих бедер.

– С кем?

– О, забыл, ты же не слышала ту часть беседы, ведь была занята толпой поклонников.

Я пропустила укол мимо ушей, чтобы узнать, кто такие регуляторы. Как оказалось, это вольное объединение людей, в основном из малонаселенных частей колони, которым надоело терпеть, по их мнению, произвол, а иногда и откровенное нарушение законов со стороны представителей королевской власти – шерифов, судей, сборщиков налогов и так далее. Почувствовав, что губернатор и ассамблея должным образом не реагируют на жалобы, люди взяли все в свои руки. Нападали на заместителей шерифа, а мировых судей гнали толпами из домов и заставляли отказываться от должности.

Некий комитет регуляторов написал губернатору, умоляя устранить беззаконие, и Трион – человек дела и дипломат – успокоил их ответом, в котором даже пообещал сместить парочку самых продажных шерифов, а также в официальном письме обратился к судебным приставам касательно наложения ареста на имущество.

– Стэнхоуп упоминал какой-то Комитет безопасности, – вспомнила я, заинтересовавшись. – У меня сложилось впечатление, что он появился недавно.

– Бунт подавили, но конфликт не исчерпан, – пожал плечами Джейми. – А сырой порох может долго тлеть, саксоночка, зато потом ка-а-ак рванет.

Неужели Трион считает, что ему будет выгодно вложить такие средства, чтобы купить преданность и сделать обязанным опытного солдата, под началом которого, в свою очередь, выступят и люди под его покровительством, которые живут в отдаленной и беспокойной части колонии?

Я бы сказала, что губернатор отделается малой кровью – всего-то потратит сто фунтов и отдаст несколько жалких и непригодных для жизни акров королевских земель.

– Поэтому ты и сомневаешься.

К этому времени мы уже повернулись друг к другу. Я накрыла его ладонь своей – но не сдерживая, а ободряя.

Джейми лениво улыбнулся.

– Знаешь, саксоночка, я столько бы не протянул, если бы верил всему, что мне говорят. Может, я приму щедрое предложение, а может, и нет. Но, черт возьми, сперва разузнаю куда больше, прежде чем дам ответ.

– Да, странно... он тебя едва увидел и предложил такое.

– Ну, я сильно удивлюсь, если он лишь ко мне обратился. Да он и не особо рискует. Ты слышала, как я сказал, что я католик? Для него это не новость.

– Слышала. И он заверил, что с этим проблем не возникнет.

– Наверняка. Пока сам губернатор не пожелает их создать.

– Господи. – Мое представление о губернаторе Трионе резко менялось, причем я не знала, в какую сторону. – То есть, если что-то пойдет не так, он попросту объявит, что ты католик, и суд отнимет земли. А если он решит хранить молчание...

– Именно.

– А он куда хитрее, чем я думала, – заметила я не без восхищения. – Почти как шотландец.

Джейми рассмеялся и отбросил с лица упавшие пряди.

Длинные занавески вдруг шевельнулись, впуская ветерок с запахом песчаного ила и речной воды, а также едва различимым ароматом свежей сосны. А вот и рассвет. Как по сигналу Джейми легонько надавил ладонью, и его почти незаметная дрожь передалась мне.

– Что-то я не очень постарался в прошлый раз, – тихо произнес он. – Если ты уверена, что больше ничего тебя не тревожит...

– Не тревожит, – отмахнулась я, глядя, как первый лучик света золотом касается его головы и шеи. Джейми все тот же, но уже не похож на четырнадцатилетнего паренька. – Пока что – ни капельки.

Глава 8

Человек почтенный

– Боже, как я ненавижу лодки!

С этим искренним прощальным восклицанием, которое долго звенело у меня в ушах, мы медленно отчалили из гавани Уилмингтона.

После двух дней сборов мы наконец начали путь к Кросс-Крику. За рубин мы получили достаточно денег, так что лошадей можно было не продавать, поэтому Дункан заранее выехал на фургоне с самыми тяжелыми вещами и Майерсом в качестве проводника. Остальные дождались более быстрого и удобного средства передвижения – кораблика «Салли-Энн» под командованием капитана Фримана.

«Салли-Энн» выглядела странно. Наверное, таких больше не встретишь – прямоугольная посуда с длинными низкими бортами и тупым носом. На ней гордо возвышалась крошечная каюта размером где-то в шесть квадратных футов. По обе стороны оставалось по проходу в пару футов каждый. Впереди и в хвостовой части было попросторнее, хотя теперь палуба частично скрылась под многочисленными узелками, сумами и бочками.

На единственной мачте трепетал парус, отчего «Салли-Энн» издали походила на краба с белым флагом. Коричневые, торфянистые воды реки Кейп-Фир слабо плескались за бортом. Доски постоянно отсыревали из-за протечек.

Однако я была счастлива. Пусть в тесноте, но ведь так хорошо уплыть подальше от заманчивых, словно песнь сирен, предложений губернатора.

А вот Джейми рад не был. Он настолько страдал от морской болезни, что зеленел даже от вида взболтанной в стакане воды.

– Полный штиль, – заметила я. – Может, тебе и не станет плохо.

Джейми с подозрением покосился на темную воду вокруг и зажмурился – «Салли-Энн» прилично качнуло волной от проплывшей мимо лодки.

– Может, – буркнул он не только с надеждой, но и огромным сомнением.

– Давай иглы? Лучше их установить до того, как начнет тошнить.

Я полезла в карман юбки, где лежал китайский набор для акупунктуры, который уже спас Джейми жизнь во время путешествия через Атлантический океан.

Джейми пожал плечами и открыл глаза.

– Не надо. Надеюсь, обойдется. Поговори со мной, саксоночка, отвлеки, а?

– Хорошо, – послушно отозвалась я. – Расскажи мне о своей тетушке Йокасте.

– Последний раз ее видел, когда мне было два года, так что даже не знаю, – рассеянно ответил Джейми, не сводя глаз с большого плота. Тот плыл навстречу и вот-вот рисковал с нами столкнуться. – Слушай, а тот негр справится? Давай я ему помогу?

– Думаю, справится. – Я тоже с опаской глянула на плот. – Он вроде бы знает, что делает.

Кроме капитана – провонявшей табаком старой развалины с сомнительной репутацией, – «Салли-Энн» при помощи длинного шеста управлял пожилой черный вольноотпущенник. Его сухие мышцы перекачивались в такт неторопливым движениям. Склонив седеющую голову, негр будто совсем не замечал паром впереди, методично работая шестом, который казался его третьей рукой.

– Оставь его в покое. То есть ты совсем мало знаешь о тетушке? – добавила я, надеясь отвлечь Джейми.

Плот неумолимо двигался на нас. Он низко сидел в воде – на палубу длиной в футов сорок давили бочки и горы шкур, накрытые сетью. От этой конструкции так разило мускусом, кровью и прогорклым жиром, что речные запахи отошли на второй план.

– Ага. Она вышла за Кэмерона из Эрахта и покинула Леох за год до свадьбы моих родителей.

Джейми по-прежнему не сводил глаз с приближающейся махины. Я прямо чувствовала, насколько ему не терпится рвануть к негру, отобрать шест и предотвратить столкновение. Даже костяшки стиснутых кулаков побелели. Я успокаивающе коснулась его руки.

– И она ни разу не навещала Лаллиброх?

Солнце блесело на тусклых железных клиньях плота. Я уже различила троих полуголых матросов, с самого утра покрытых потом. Один взмахнул шляпой и, усмехнувшись, прокричал что-то вроде «Эй вы, там!».

– Ну, Джон Кэмерон умер от дизентерии, и тетушка вышла за его кузена, Черного Хью Кэмерона из Аберфелди, а потом... – Джейми непроизвольно зажмурился, когда плот проскользнул совсем рядом под добродушные выкрики матросов. Ролло, упершийся передними лапами в низкую крышу каюты, залился лаем и умолк только после того, как Иэн его стукнул и велел заткнуться.

Джейми приоткрыл один глаз, увидел, что опасность миновала, и наконец расслабился.

– Так вот, Хью – Черным его прозвали из-за огромного темного жировика на колене – погиб на охоте, поэтому тетушка вышла за Гектора Мора Кэмерона из Лох-Айлина...

– Ну и страсть у нее к Кэмеронам, – поразила я. – А чем славится этот клан, кроме, конечно, невезучести?

– Наверное, у них язык хорошо подвешен, – ответил Джейми с неожиданно кривой усмешкой. – Среди Кэмеронов много поэтов... и шутов. Иногда одновременно. Ты же помнишь Лохила?

Я улыбнулась, тоже предаваясь горько-сладким воспоминаниям о Дональде Кэмероне Лохиле. Он, среди других, стоял во главе клана Кэмеронов во времена восстания. Его благородная внешность, проникновенный взгляд и утонченные манеры скрывали под собой поистине великий талант сочинять похабные стишки, которыми он тихонько развлекал меня на балах в Эдинбурге, в дни краткой удачи Карла Стюарта.

Джейми, бледный, но пока не зеленый, прислонился к крыше каюты, с беспокойством наблюдая за движением по реке. Мы еще не успели отплыть далеко от гавани, и небольшие лодочки сновали туда-сюда, как водные жуки, между более крупными и медлительными суднами.

Я тоже устроила локти на крыше каюты и выпрямилась. Лучи солнца приятно согревали уставшие от странных спальных мест мышцы. Например, прошлую ночь я провела, свернувшись на жесткой дубовой скамье в прибрежной таверне. Вместо подушки я положила голову на колени Джейми, пока он разбирался с последними приготовлениями перед отплытием.

Я со стоном потянулась.

– А Гектор Кэмерон поэт или шут?

– В данный момент ни тот ни другой. – Джейми машинально принялся массировать мне шею ладонью. – Он мертв.

– Как хорошо-о, – довольно протянула я, застонав, когда его большой палец тронул особенно чувствительную точку. – Хорошо то, что ты делаешь, в смысле, а не смерть твоего дядюшки. О-ох, продолжай! А как он оказался в Северной Каролине?

Весело фыркнув, Джейми встал у меня за спиной, чтобы разминать мне шею и плечи уже двумя руками. Я прижалась к нему и блаженно вздохнула.

– Какая же ты шумная, саксоночка, – шепнул он мне на ухо. – Я только шеи касаюсь, а ты издаешь звуки, как будто я... – Он вжался в меня бедрами, незаметно для окружающих намекая, что имеет в виду. – Мм?

– Мм-м... – ответила я и точно так же тайком пнула его в голень. – Ладно. Если кто-нибудь услышит такие звуки из-за закрытой двери, то сразу решит, что ты разминаешь мне шею... Впрочем, скорее всего, только этим ты и сможешь заниматься, пока мы не ступим на землю. Так что там с твоим покойным дядей?

– Дядя, ну... – Джейми медленно провел пальцами вдоль позвоночника, вверх и вниз, будто пытался распутать очередную нить своей запутанной семейной истории. По крайней мере, он не вспоминал о желудке. – Более везучий, а также более проникательный и циничный, чем знаменитый родич, Гектор Мор Кэмерон ловко подготовился к возможному разгрому Стюарта. Он избежал ран в битве при Каллодене и добрался домой. Там мигом погрузил жену, слугу и все, что мог унести, в экипаж, и они бежали в Эдинбург. А оттуда уплыли на корабле в Северную Каролину. В Новом Свете Гектор приобрел внушительный участок земли. Выкорчевал лес, построил дом и лесопильню, купил рабов. Землю засеял табаком и индиго, а потом – несомненно, усердный труд его истощил – подхватил болезнь и скончался в почтенном возрасте семидесяти трех лет.

Иокаста Маккензи-Кэмерон-Кэмерон-Кэмерон явно решила, что трех браков с нее хватит. По словам Майерса, она отказалась снова выходить замуж и предпочла в одиночку управлять поместьем.

– Думаешь, она получит письмо до нашего приезда?

– Посыльный доберется раньше нас, даже если на четвереньках всю дорогу будет ползти. – Рядом вдруг возник Иэн. Он с легким отвращением глянул на матроса, мерно работающего шестом. – Да с такой скоростью мы и за несколько недель не доплывем! А я говорил тебе, дядя, что лучше по суше.

– Не волнуйся, Иэн. – Джейми отпустил меня и усмехнулся племяннику. – Скоро наступит и твой черед взяться за шест. Уверен, уж ты-то доставишь нас в Кросс-Крик еще до ночи.

Мальчик мрачно глянул на дядю и ушел доставать капитана Фримана вопросами о краснокотках и диких зверях.

– Надеюсь, капитан не выбросит его за борт, – вздохнула я, заметив, как Фриман втянул голову в щуплые плечи, стоило Иэну приблизиться. Мои собственные плечи слегка горели от отказанного им внимания; то же самое происходило и в регионах южнее. – Спасибо за растирание, – поблагодарила я Джейми.

– За тобой должок, саксоночка... вернешь, как стемнеет. – Он не очень хорошо умел игриво подмигивать, но свои намерения до меня донес и так.

– Конечно. – Я невинно взмахнула ресницами. – А тебе что растереть, когда наступит ночь?

– Когда наступит ночь? – Иэн снова появился рядом, словно чертик из табакерки. – А что будет тогда?

– Тогда я тебя утоплю и пушу на наживку для рыбы, – ласково сообщил ему Джейми. – Господи, Иэн, когда ты утомимся? Носишься туда-сюда, как шмель в склянке. Иди поспи на солнышке, бери пример с твоего зверя. Умный, между прочим, пес. – Он кивнул на Ролло, который распростерся на крыше каюты, как мохнатый коврик, и прикрыл глаза, лишь изредка подергивая ухом, чтобы мухи не лезли.

– Спать? – изумленно уставился на дядю мальчишка. – Спать?!

– Так поступают все нормальные люди, когда устают, – сказала я, подавив зевок.

Становилось все жарче, да и мерное движение лодки убаюкивало, особенно после не слишком долгого сна ночью – нам пришлось встать до рассвета. К сожалению, узкие лавки и грубые доски палубы манили не больше дубовой скамьи в таверне.

– А я ни капельки не устал, тетушка! – заверил меня Иэн. – Несколько дней могу не спать! Джейми скептически уставился на племянника.

– Посмотрим, как ты запоешь, отработав смену с шестом. А пока я, кажется, знаю, чем тебя занять. Погоди-ка... – Джейми нырнул в низкую каюту и принялся копать в наших вещах.

– Ох, ну и жара! – воскликнул Иэн, обмахиваясь. – А что там у дяди Джейми?

– Понятия не имею, – ответила я.

Джейми притащил на борт большой ящик и отказывался говорить, что внутри. Когда я заснула прошлой ночью, Джейми играл в карты. Наверное, он выиграл нечто его смутившее и теперь не хотел, чтобы Иэн узнал и принялся дразнить.

Мальчишка был прав, ну и жара. Оставалось лишь надеяться, что вскоре подует бриз. Пока что парус висел бесполезной тряпкой. Моя юбка, влажная от пота, липла к ногам. Пробормотав извинение, я проскользнула мимо Иэна и направилась к бочке с водой.

Неподалеку, скрестив на груди руки, стоял Фергус. Он напоминал величественную носовую фигуру: строгий красивый профиль смотрит вдаль, густые темные волосы спускаются на плечи.

– О, миледи! – сверкнул Фергус белозубой улыбкой. – Разве эта страна не прекрасна?

Картина перед нами пока что особенно прекрасной мне не казалась. Пейзаж состоял из длинных илистых берегов, которые ужасно воняли из-за пылающего солнца; стаи чаек и прочих морских птиц хрипло гомонили, обнаружив нечто у кромки воды.

– Милорд рассказал, что любой получит пятьдесят акров земли, ежели подрядится обрабатывать ее десять лет и построит там дом. Только представьте – пятьдесят акров! – Он смаковал эти слова с неким благоговением. И правда, любой французский крестьянин рад иметь хотя бы пяток.

– Ну да, – с некоторым сомнением отозвалась я. – Только выбирать эти акры надо внимательно. Здесь есть места непригодные для земледелия.

Мне не хотелось думать, как сложно будет Фергусу с одной лишь рукой прорубать дикий лес, чтобы обустроить ферму, и неважно, какая плодородная там окажется земля. Фергуса это, похоже, не волновало – слишком мечтательно сияли его глаза.

– Может, успею построить домишко к Новому году... – пробормотал он сам себе. – Тогда весной пошлю за Марсали и ребенком. – Он неосознанно коснулся груди, где раньше, с самого детства, носил позеленевший от времени медный медальон с изображением святого Дисмаса.

Фергус присоединился к нам в Джорджии, оставив молодую беременную жену на Ямайке у друзей. Он заверил меня, что не тревожится, ведь теперь она под защитой его святого покровителя. Фергус строго-настрого наказал Марсали не снимать щербатый медальон, пока она не разрешится от бремени.

Я не знала, насколько покровитель воров заботится о матерях с младенцами, но вера Фергуса была непоколебима.

– Если родится мальчик, назовешь его Дисмасом? – пошутила я.

– Нет. Я назову его Жерменом. Жермен Джеймс Иэн Алоизиус Фрейзер. «Джеймс Иэн» – в честь милорда и месье. – Так он всегда называл Джейми и его шурина, Иэна Мюррея. – Марсали нравится «Алоизиус», – добавил Фергус снисходительно, давая понять, что он никак не связан с выбором такого непримечательного имени.

– А если девочка? – спросила я, и меня вдруг захлестнули воспоминания. Как двадцать с лишним лет назад Джейми отправил меня, беременную, назад сквозь камни. И последними его словами были «назови его Брайан, в честь моего отца», ведь Джейми был уверен, что родится мальчик.

– Ох... – Фергус, как и Джейми когда-то, явно о таком не подумал. На его лице отразилось легкое замешательство, затем он улыбнулся. – Женевьева. В честь мадам, – уверенно сказал

Фергус, имея в виду Дженни Мюррей, сестру Джейми. – Женестьева Клэр, думаю, – добавил он, снова сверкнув улыбкой.

– О, – смутилась я, странно польщенная. – Хм... спасибо. А ты уверен, что не хочешь вернуться на Ямайку к Марсали?

Фергус решительно покачал головой:

– Я могу понадобится милорду. И здесь я нужнее, чем там. Дети – женская забота, а кто знает, какие опасности нам встретятся в этих странных краях?

Будто в ответ на его риторический вопрос чайки с криками взвились в небо, кружа над берегом, и мы увидели, что же они там клевали.

Из ила возвышался крепкий сосновый столб. Его верх едва доходил до темных, поросших водорослями отметин на деревьях, куда поднимался прилив. Но вода пока не прибывала, она едва достигала середины столба. А над ленивыми темными волнами висело тело, прикованное за грудь. Точнее то, что когда-то было грудью.

Сказать, сколько бедняга провисел, было трудно. Наверное, достаточно долго. Белой полосой сверкал изгиб черепа, откуда сорвали кожу с волосами. Не понять, каким был тот человек – птицы уже отменно постарались.

Фергус тихонько выругался по-французски.

– Пират, – коротко пояснил капитан Фриман, появившись рядом. Он сплюнул коричневую от табака слюну за борт. – Если их не увозят в Чарльстон, чтобы там повесить, то приковывают во время отлива и бросают на растерзание реке.

– А... а их много? – Иэн тоже увидел столб. Будучи уже достаточно взрослым, мальчишка не вцепился мне в руку, тем не менее придвинулся поближе и сильно побледнел, несмотря на загар.

– Уже не очень. Флот неплохо их сдерживает. А вот несколько лет назад таких столбов могло быть четыре-пять одновременно. Народ даже платил, чтобы приплыть и полюбоваться, как пираты тонут. На закате очень красиво, – произнес Фриман, предаваясь воспоминаниям.

– Смотри! – Иэн, позабыв гордость, все-таки стиснул мою руку.

У берега шевельнулось нечто – оно и спугнуло птиц. Длинное, футов пять-шесть, чешуйчатое тело прочертило глубокий след в грязи и скользнуло в воду. Матрос сзади пробормотал что-то себе под нос, но продолжал работать шестом.

– Крокодил, – сказал Фергус и с отвращением скрестил пальцы.

– Нет, не думаю, – заговорил Джейми у меня за спиной.

Я резко обернулась. Он стоял у каюты и смотрел на неподвижную фигуру и разбегающиеся в стороны волны от того, что двигалось к ней. В руках Джейми держал книгу, зажав нужные страницы пальцем, и теперь снова принялся внимательно читать.

– Полагаю, это аллигатор. Они питаются падалью, как тут сказано, а свежее мясо не едят. Поймают человека или овцу, сперва утопят в воде, а потом оттащат в свое логово и будут ждать, пока тело не начнет гнить. Правда, – добавил он, мельком глянув на берег, – иногда им может повезти найти готовый обед.

Фигура на столбе качнулась, будто от удара снизу, и Иэн поперхнулся.

– Где ты взял книгу? – спросила я, не сводя глаз со столба.

Его верхушка тряслась, словно кто-то по нему колотил. А потом все прекратилось. Только снова разбежались волны – чудовище плыло обратно. Я поспешила отвернуться.

Джейми протянул мне книгу, по-прежнему наблюдая за темным илистым берегом и орущими чайками.

– Губернатор дал. Сказал, что может пригодиться нам в путешествии.

На корешке простого холщового переплета обнаружили золотистые буквы: «Природа Северной Каролины».

– Фу! – воскликнул Иэн, в ужасе глядя на берег. – Ничего ужаснее в жизни не...

– Пригодится, – эхом отозвалась я, не сводя глаз с книги.

А вот Фергус, которому любые мерзости были нипочем, смотрел, как чудовище двигалось по берегу, с любопытством.

– Аллигатор, говорите? Разве это не то же самое, что крокодил?

– Да, – ответила я, содрогнувшись, несмотря на жару, и повернулась спиной к берегу. Мне уже доводилось видеть крокодилов вблизи в Ост-Индии, и я не очень-то горела желанием знакомиться с их родичами.

Фергус вытер пот с верхней губы.

– Доктор Стерн однажды рассказывал милорду и мне о путешествиях некоего француза по имени Соннини, который бывал в Египте и много писал там об увиденном и услышанном. Например, что в той стране, когда крокодилы спариваются на илистых берегах рек, самка лежит на спине и не может перевернуться обратно без самца.

– Правда? – обратился в слух Иэн.

– Да. Он говорил, что некоторые мужчины, неспособные устоять перед порочным соблазном, пользуются беспомощностью самки. Они прогоняют самца, чтобы занять его место и насладиться нечеловеческими объятиями рептилии. Поговаривают, что так наверняка можно привлечь богатство и получить высокий статус.

Иэн изумленно распахнул рот.

– Ты шутишь? – недоверчиво спросил он у Фергуса и повернулся к Джейми: – Дядя?..

Джейми с усмешкой пожал плечами.

– Уж лучше я буду бедным, но беспорочным. – Он вскинул бровь. – Кроме того, твоей тетушке вряд ли понравится, если я променяю ее на рептилию.

Черный матрос, слушавший нашу беседу, покачал головой и произнес, не поднимая глаз:

– Любой, кто трахался с аллигатором, чтобы разбогатеть, свое получил, если хотите знать.

– Думаю, вы правы, – пробормотала я, вспоминая очаровательную зубастую улыбочку губернатора.

Я глянула на Джейми, но он уже погрузился в мысли о будущих возможностях, забыв и о книге, и об аллигаторе. Впрочем, по крайней мере о морской болезни он тоже не вспоминал.

Прилив подхватил нас в миле от Уилмингтона и понес «Салли-Энн» быстрее, развеив опасения Иэна по поводу нашей скорости. На Кейп-Фир основательно влияли приливы и отливы – уровень воды менялся на двух третях длины реки, почти до самого Кросс-Крика. Наше суденышко даже приподнялось на пару дюймов. Чернокожий матрос вздохнул с облегчением и вытащил шест из воды. Он не понадобится еще часов пять-шесть, пока вода прибывает. Потом мы остановимся на ночь и утром продолжим путь со следующим приливом или используем парус, если ветер позволит. Шест, как мне объяснили, нужен только на отмели или при безветрии.

На всех навалилась безмятежная дремота. Фергус и Иэн, свернувшись, спали на носу. Ролло сторожил, сидя на крыше каюты; пес жмурился из-за яркого солнца, с высунутого от жары языка капала слюна. Капитан с матросом – к которому все обращались «эй, Троклус», хотя звали его «Этроклус» – скрылись в крошечной каюте, откуда доносились мелодичные звуки разливаемой по стаканам жидкости.

Джейми, тоже в каюте, снова доставал нечто из своего таинственного ящика. Я очень надеялась, что это «нечто» можно будет выпить. Даже болтая ногами в прохладной воде, я обливалась потом.

Из каюты слышалось невнятное бормотание и смех. Наконец появился Джейми. Он пошел ко мне на корму, осторожно пробираясь между завалами добра, как лошадь-клеяде-сдаль по полю лягушек. В руках он нес большую деревянную шкатулку, которую затем бережно

поставил мне на колени, а потом и сам, стянув башмаки и чулки, с довольным вздохом опустил ноги в воду.

– Что там? – Я с любопытством коснулась шкатулки.

– А, это подарок. – Джейми не глянул на меня, но кончики его ушей порозовели. – Откроешь?

Шкатулка была тяжелой, широкой и глубокой. На темном дереве виднелись трещинки и сколы, ничуть не портящие эту полированную красоту. Место для замка пустовало. Крышка легко скользнула вверх на смазанных петлях, и мне в лицо пахнуло камфорой, словно невидимый джинн вырвался наружу.

Инструменты ярко блеснули на солнце, несмотря на то что потускнели от долгого лежания на месте. Каждый аккуратно покоился в своем углублении, оббитом зеленым бархатом.

Небольшая пила с острыми зубьями, ножницы, три скальпеля – кюретка, ланцет и брюшистый, – языкодержатель и прочие крючки...

– Джейми... – Восхищенная, я вытащила короткий стержень, к концу которого был приделан плотный шарик, обернутый поеденным молью бархатом. Я уже видела такой в Версале. Неврологический молоточек восемнадцатого века. – О, Джейми!

Он, явно довольный, поболтал ногами в воде.

– Нравится?

– Еще как! Ой, смотри... тут еще есть, прикрытое... – Я уставилась на рассоединенные трубочки, винты, подставки и зеркальца. А потом они предстали перед моим мысленным взором в собранном виде... – Микроскоп?! – Я с трепетом коснулась деталей. – Господи, микроскоп!

– Это не все. – Джейми явно не терпелось показать. – Спереди маленькие ящички.

И правда – в них, помимо всяких мелочей, обнаружили крошечные весы и набор грузиков, пилюльная машинка и покрытая пятнами ступка с пестиком, обернутым в ткань, чтобы он не разбился при перевозке. Над ящичками имелось отделение с рядами маленьких, заткнутых пробками пузырьков из камня и стекла.

– Они прекрасны! – Я благоговейно взялась за скальпель. Полированное дерево рукояти легло в ладонь как влитое. – Ох, Джейми, спасибо огромное!

– Правда нравится? – У него от радости даже уши покраснели. – Подумал, может, пригодится. Понятия не имею, зачем эти штуки, зато сразу понял, что они мастерски сделаны.

Я сама не знала, зачем нужны некоторые инструменты, но они все были прекрасны. Явно выполнены тем, кто любил и их, и то, что они делают.

– Интересно, кому они принадлежали? – Я подышала на линзу и осторожно протерла ее подолом юбки.

– Женщина, что продала его мне, сама не знала. Предыдущий владелец оставил рабочую тетрадь, я и ее прихватил... может, там есть имя.

Джейми приподнял верхнюю доску с инструментами и достал толстую квадратную тетрадь в потертом переплете из черной кожи.

– Думал, тебе пригодится, ты же вела такую во Франции, – пояснил Джейми. – Ну, в которой делала рисунки и заметки о пациентах в госпитале. Некоторые страницы исписаны, и полно чистых.

Предыдущий владелец использовал примерно четверть тетради. Страницы покрывал ровный убористый почерк вперемежку с клинически точными зарисовками: изъязвленный палец ноги, раздробленная коленная чашечка с аккуратно снятой кожей, уродливо распухший зуб, икра в разрезе с тщательно подписанными мышцами.

Я снова пролистнула в начало. И в самом деле, на первой странице значилось имя, украшенное росчерком: «Доктор Дэниел Роулингс, эсквайр».

– Интересно, что же случилось с доктором Роулингсом. Та женщина не говорила?

Джейми кивнул, слегка наморщив лоб.

– Доктор остановился у нее на ночлег. Сказал, что сам из Вирджинии, а туда прибыл по некоему поручению, с инструментами этими. Искал парня по имени Гарвер. После ужина доктор ушел... и больше его никто не видел.

Я уставилась на Джейми.

– Никто не видел? То есть она даже не знает, что с ним случилось?

Джейми покачал головой, отмахнувшись от стайки мошек. Солнце садилось, окрашивая воду в золотистые и оранжевые тона, и насекомые потихоньку просыпались.

– Да. Она обращалась к шерифу и к судье, а констебль обыскал все сверху донизу, но доктора и след простыл. Через неделю поиски прекратили. Доктор даже не сказал хозяйке, из какого он города в Вирджинии, так что справки навести не удалось.

– Странно. – Я вытерла каплю пота с подбородка. – А когда доктор пропал?

– В прошлом году, по словам хозяйки. – Джейми взволнованно на меня глянул. – Ты ведь не против? Использовать его вещи, в смысле?

– Нет. – Я закрыла шкатулку и бережно провела ладонью по теплому гладкому дереву. – На его месте... я бы хотела, чтобы кто-то забрал их себе.

Я отчетливо помнила свой докторский саквояж из дубленой кожи, на ручке – вытисненные инициалы с позолотой. Правда, они давным-давно стерлись, я постоянно носила его с собой. Фрэнк подарил мне этот саквояж, когда я окончила медицинское училище. Потом я отдала его своему другу, Джо Абернэйти. Хотела, чтобы саквояж бережно использовали.

Джейми заметил тень, пробежавшую по моему лицу. Я сжала его ладонь и улыбнулась.

– Замечательный подарок. Как ты его нашел?

Солнце оранжевым шаром мелькнуло за верхушками деревьев. Джейми улыбнулся в ответ.

– Увидел шкатулку у золотых дел мастера, ее сохранила его жена. А потом вернулся туда вчера, хотел купить тебе что-нибудь, брошь например. Пока хозяйка показывала всякие украшения, мы разговорились о том о сем, и она рассказала о докторе, и... – Джейми пожал плечами.

– Зачем ты хотел купить мне драгоценность? – удивилась я. У нас оставались деньги после продажи рубина, но такое расточительство было совсем не свойственно Джейми, учитывая обстоятельства... – Ты что, решил извиниться, что пришлось отправить деньги Лири? Я же говорила, что не против.

Джейми отослал – правда, неохотно – часть вырученных за камень денег в Шотландию, выполняя свое обещание Лири Маккензи-чтоб-ее-Фрейзер. На ней Джейми женился по настоянию сестры, вполне справедливо полагая, что если я вообще жива, то, скорее всего, не вернусь обратно. Мое «воскрешение из мертвых» причинило нам массу проблем, с Лири в частности.

– Ага, говорила, – язвительно отозвался Джейми.

– Я действительно имела это в виду... более-менее, – рассмеялась я. – Ты же не можешь бросить эту гадину умирать с голоду? Хотя заманчиво...

Джейми слабо улыбнулся.

– Не хочу брать на себя и этот грех, своих полно. Но я не поэтому хотел сделать тебе подарок.

– Тогда почему?

Тяжелая шкатулка приятно давила на ноги. Я не могла выпустить гладкое дерево из рук. Джейми повернулся ко мне – рыжие волосы вспыхнули огнем в луче закатного солнца, лицо же, напротив, скрылось в тени.

– Ровно двадцать четыре года назад я на тебе женился, саксоночка, – тихо сказал он. – Надеюсь, ты никогда об этом не пожалеешь.

От Уилмингтона до Кросс-Крика вдоль берегов реки тянулись плантации. Правда, между ними и водой густо рос лес. Иногда среди деревьев мы замечали поля или, чаще, деревянный причал, скрытый листвой.

Мы медленно плыли вверх по реке, а когда волна прилива иссякала – останавливались на ночевку. Ужинали у небольшого костра на суше, но спали на борту. Этроклус между делом упомянул, что в норах полно водяных щитомордников, которые очень любят выползти и погреть холодные тела под боком у ничего не подозревающих людей.

Я проснулась перед самым рассветом. Тело ломило от сна на твердых досках. Тихо плескалась вода, покачивая нашу лодку, – мимо проплывало какое-то судно. Джейми, почувствовав мое движение, перевернулся и в полусне прижал меня к груди, а затем что-то пробормотал и вопросительно потянул за подол скомкавшейся юбки.

– Стоять, – буркнула я, отпихивая его руку. – Ты что, забыл, где мы?

С берега доносились крики Иэна и лай Ролло. Мальчишка с псом носились туда-сюда. Кто-то шуршал в каюте, кашлял и сплевывал; наверняка на палубу вот-вот выйдет капитан Фриман.

– Ох. – Кажется, теперь Джейми проснулся. – Точно. Жаль.

Он обхватил мою грудь ладонями и медленно прижался всем телом, намекая о том, чего я сейчас лишаяюсь.

– Ладно, – наконец сказал он. – *Foeda est in coitu*, да?

– Что?

– *Foeda ist in coitu breois voluptas*, – услужливо процитировал Джейми. – *Et taedat Veneiis statim peractae*. Грязное удовольствие длится краткий миг, а потом мы тут же раскаиваемся.

Я глянула на доски под нами.

– Ну, насчет грязи, пожалуй, соглашусь...

– Да плевать на нее, саксоночка, – перебил меня Джейми, хмуро наблюдая, как Иэн перевесился через борт и громко подбадривал плывущего Ролло. – А вот краткий миг... – На меня он посмотрел уже одобрительно, оценив мой растрепанный вид. – Но время я найду.

Вспомнив классику с утра, Джейми решил заняться ею и днем. Я же листала тетрадь Дэниела Роулингса, одновременно увлекательную, познавательную и ужасающую.

Краем уха я слышала, как Джейми ритмично выговаривает строки на древнегреческом. Я уже их слышала – отрывок из «Одиссеи». Джейми вдруг замер на восходящей интонации.

– А-а... – протянул Иэн.

– Что там дальше?

– Э-э...

– Еще раз, – нетерпеливо сказал Джейми. – Внимательнее, юноша. Я распинаюсь не для того, чтобы самого себя послушать.

Он начал снова, и отточенные, ровные строки оживали на его устах. Может, он читал этот отрывок и не ради самого себя, зато я наслаждалась. Греческого я не знала, но мерные слоги и мягкий, глубокий голос убаюкивал, как плеск воды о борт.

Неохотно смирившись с присутствием племянника, Джейми всерьез взялся за воспитание мальчишки. В редкие минуты отдыха он обучал – или пытался обучать – Иэна основам греческой и латинской грамматики, гонял его по математике и разговорному французскому.

К счастью, хотя бы математические законы Иэн усваивал так же легко, как и его дядя. Стену каюты за моей спиной уже покрывали доказательства евклидовых теорем, начерченные угольком. С языками дело обстояло куда хуже.

Джейми был прирожденным полиглотом. Он на лету схватывал языки и диалекты, улавливая в речи идиомы, как гончая – запах лисицы среди полей. Вдобавок он изучал классиче-

скую литературу в Парижском университете. И хотя временами он не соглашался с некоторыми римскими философами, Гомера и Вергилия он любил, как лучших друзей.

Иэн говорил на гэльском и английском, которые знал с рождения. От Фергуса парнишка научился французскому провинциальному жаргону и считал, что этого вполне достаточно. Вообще-то он мог виртуозно ругаться на шести-семи языках благодаря недавним сомнительным знакомствам – и родному дядюшке. А вот хитрости спряжений в латинском понимал весьма смутно.

Еще меньше Иэн понимал, зачем ему языки даже не просто мертвые, а – как он считал – разложившиеся до полной негодности. Какой там Гомер, когда он в новой стране, где за каждым углом поджидают приключения?..

Джейми дочитал строфу на греческом и с громким вздохом (я расслышала даже со своего места) приказал Иэну достать латинскую книгу, которую он одолжил у губернатора Триона. Больше никакие стихи меня не отвлекали, так что я вернулась к изучению тетради доктора Роулингса.

Как и я, доктор явно разбирался в латыни, но предпочитал вести записи на английском, изредка вкрапляя латинские слова.

«Кровотечение мистера Беддоуза заметно уменьшилось после приема настоя из желчи. Желтизна и пустулы почти сошли. Назначение: слабительное для ускорения очистки крови».

– Идиот, – пробормотала я, причем не в первый раз. – Не видишь, что у него проблемы с печенью?

Возможно, легкий цирроз. Роулингс отметил увеличение и уплотнение печени, хотя списал это на излишнюю выработку желчи. Скорее всего, алкогольное отравление. Пустулы, то есть прыщи, на лице и груди означали нехватку питательных веществ, которую, в свою очередь, зачастую вызывало чрезмерное употребление спиртного. А последнее вообще можно считать эпидемией.

Беддоуз, если он еще жив (хотя вряд ли, на мой взгляд), вероятно, употреблял до квартиры всякого пошла в день, а овощей не видел месяцами. Пустулы, с исчезновением которых поздравлял себя Роулингс, скорее всего, рассосались благодаря листьям репы, которые доктор использовал для придания цвета слабительному.

Увлечшись чтением, я почти перестала прислушиваться, как Иэн, запинаясь, читает Платона, а Джейми подсказывает и исправляет каждую строку.

– *Virtus praemium est optimus...*

– *Optimum.*

– ... *est optimum. Virtus omnibus rebus...* э-э...

– *Anteit.*

– Спасибо, дядя. *Virtus omnibus rebus anteit... profectus?*

– *Profecto.*

– А, точно. Эм... *Virtus...*

– *Libertas. Libertas salus vita res et parentes, patria et prognati...* Помнишь, что такое «*vita*»?

– Жизнь! – Иэн радостно ухватился за этот спасательный кружок в бурном море непонятных слов.

– Да, молодец. Но это не только жизнь, но еще и сущность, из которой сделан человек. Смотри, как тут дальше... *Libertas salus vita res et parentes, patria at prognati tutantur, servantur; virtus omnia in sese habet, omnia adsunt bona quem penes virtus*¹⁰. Что Платон имеет в виду, как думаешь?

¹⁰ Добродетель есть высшая награда. Ведь добродетель превосходит все прочее, и таким образом наша свобода, жизнь,

– Мм... Что добродетель – это хорошо? – наобум брякнул Иэн.

Воцарилась тишина. Такая, что я буквально расслышала, как у Джейми закипает кровь в венах. Затем раздался шипящий вдох – Джейми передумал говорить то, что собирался, и полный страданий выдох.

– Смотри, Иэн. *«Tutantur, servantur»*. Почему он поставил их рядом, а не...

Я перестала прислушиваться, вновь погрузившись в книгу, где доктор Роулингс давал оценку дуэли и ее последствиям.

«Май, 15-е число. Был разбужен на рассвете, чтобы оказать помощь джентльмену, остановившемуся в «Красной собаке». Обнаружил беднягу в печальном состоянии: в его руке взорвался пистолет, отчего джентльмен лишился большого и указательного пальцев; средний оказался изуродован, а две трети кисти разорвало до неузнаваемости.

Определив, что срочно необходима ампутация, я послал за хозяином постоянного двора и запросил кружку бренди, тряпки для перевязки и двоих крепких мужчин. Быстро получив необходимое и убедившись, что пациент неподвижен, я приступил к ампутации кисти – правой, к несчастью для пациента, – прямо над запястьем. Успешно перевязав две артерии, я упустил переднюю межкостную, когда перепилил кости. Пришлось ослабить жгут, дабы ее найти, что вызвало обильное кровотечение, – и хорошо, так как это привело пациента в бессознательное состояние, положив конец его страданиям, которые крайне затрудняли работу.

Ампутация успешно завершилась, джентльмен был уложен в постель, а я оставался рядом на случай, если он резко придет в себя и сорвет швы».

От увлекательнейшего повествования меня отвлек вопль Джейми, терпение которого явно подошло к концу.

– Иэн, позорище! Ты по-гречески даже разницу между водой и вином не поймешь!

– Если пьют, значит, не вода, – упрямо буркнул Иэн.

Я захлопнула тетрадь и поднялась: им там явно не помешает мнение со стороны. Пока я огибала каюту, Иэн продолжал ворчать по-гэльски:

– Ага, но мне это не надо...

– Как же, не надо! В том и беда, что тебе ума не хватает, даже чтобы устыдиться своего невежества!

Воцарилась напряженная тишина, которую нарушали только всплески шеста в руках Троклуса. Я выглянула из-за угла. Джейми сверлил взглядом смущенного племянника. Иэн заметил меня и прокашлялся.

– Ну, вот что я скажу, дядюшка. Если бы стыд помогал, то я бы не стеснялся краснеть.

Мальчишка выглядел настолько виноватым, что я не удержалась от смеха. Джейми тут же обернулся.

– Могла бы и помочь, саксоночка, – сообщил он, чуть повеселев. – Ты ведь лекарь, значит, должна знать латынь. Может, ты и будешь Иэну преподавать?

Я покачала головой. Конечно, я умела читать по-латински – плохо и медленно, – но все же мне не очень хотелось вбивать обрывки своих знаний в голову мальчишке.

– Все, что помню, – *«Arma virumque cano»*. – Я глянула на Иэна и со смехом перевела: – «Собака откусила мне руку».

Иэн расхохотался, а Джейми посмотрел на меня с искренним разочарованием. Потом он вздохнул и пробежал пальцами по волосам. Иэн и Джейми были мало чем похожи, разве что ростом и густой копной волос, в которую вечно запускали пальцы, когда нервничали или заду-

мывались. Похоже, урок выдался не из легких – оба выглядели так, будто их сквозь живую изгородь протащили.

Криво усмехнувшись, раздосадованный Джейми вновь повернулся к Иэну:

– Ладно. Извини, что сорвался. Ты ведь неглупый парень, и я не хочу, чтобы твой ум пропал почем зря. Господи, да в твоём возрасте я уже учился в Парижском университете!

Иэн уставился на водную рябь, положив на край борта руки – большие, с широкими костяшками, потемневшие от загара.

– Ага, – наконец сказал мальчишка. – Отец в моём возрасте тоже был во Франции. Воевал.

Услышав это, я сильно удивилась. Да, я знала, что Иэн-старший нес там службу некоторое время, но и не подозревала, что в столь юном возрасте. Младшему Иэну всего пятнадцать. Старший же, выходит, прослужил с тех лет и до двадцати двух, пока выстрел из пушки не раздробил ему ногу картечью так страшно, что пришлось ампутировать все ниже колена. Тогда Иэн вернулся домой уже навсегда.

Джейми, слегка хмурясь, глянул на племянника и встал рядом, тоже опираясь на борт.

– Я знаю, – тихо произнес он. – Я ведь присоединился к нему через четыре года, когда меня объявили вне закона.

Иэн вскинул голову, пораженный.

– Вы вместе сражались?!

Хотя дул легкий ветерок, день все равно стоял жаркий. Возможно, поэтому Джейми решил оставить тему высшего образования и кивнул, приподнимая собранные в хвост волосы, чтобы проветрить шею.

– Во Фландрии. Больше года, пока Иэна не ранили и не отправили домой. Мы входили в шотландский полк наемников под командованием Фергуса Маклауда.

Глаза мальчишки засияли от любопытства.

– Так вот почему Фергуса – ну, нашего – так зовут?

Джейми улыбнулся.

– Да. Я назвал его в честь Маклауда. Хороший человек был и отличный солдат. Он ценил Иэна. Разве твой отец никогда его не упоминал?

Мальчишка покачал головой, задумавшись.

– Вообще ничего не упоминал. Я... я знал, что ногу он потерял во Франции, мама рассказывала. Сам он ничегошеньки не говорил.

Припомнив заметки доктора Роулингса об ампутации, я подумала, что вполне понятно, почему Иэн-старший не хотел вспоминать о сражениях.

Джейми пожал плечами, отлепляя влажную от пота рубашку.

– Наверное, он хотел оставить все это позади, когда вернулся домой и осел в Лаллиброхе. А потом... – Он умолк.

Иэн не отставал:

– А что потом, дядюшка?

– Может, не хотел слишком много рассказывать о войне и сражениях, чтобы вы, ребята, не вздумали уйти в солдаты. Они с вашей матушкой мечтали о лучшей судьбе для вас.

Да, Иэн-старший поступил мудро. Его сын явно считал, что нет ничего интереснее битв.

– Это все матушка, – фыркнул мальчишка. – Дай ей волю, она меня в шерсть укутала бы да к себе привязала.

– Дай ей волю? – усмехнулся Джейми. – Думаешь, она укутает тебя и зацелует, окажись ты дома прямо сейчас?

Иэн мигом позабыл про презрительную позу.

– Не-а, – признал он, – она с меня шкуру спустит.

– Ну, что-то ты о женщинах знаешь, хоть и не так много, как думаешь, – рассмеялся Джейми.

Иэн скептически глянул на него, на меня и снова на него.

– А ты о них все знаешь, да, дядюшка?

Я вскинула бровь, ожидая резкости, однако Джейми только фыркнул от смеха.

– Мудрец, Иэн, – это тот, кто понимает границы своих знаний. – Он поцеловал мой влажный лоб и повернулся к племяннику: – Правда, мне хотелось бы, чтобы твои границы были чуть шире.

Иэн со скучающим видом пожал плечами:

– Я не собираюсь становиться джентльменом. В конце концов, Джейми-младший и Майкл не знают греческого, а у них все замечательно!

Джейми потер нос, задумчиво изучая племянника.

– У Джейми есть Лаллиброх, а малыш Майкл в Париже с Джаредом. Они оба устроятся в жизни. Без денег на путешествия и образование мы сделали все, что могли. У них не было выбора, понимаешь? – Он выпрямился, оттолкнувшись от борта. – Твои родители хотят для тебя лучшего, если есть возможность. Чтобы ты стал образованным и влиятельным. Может, даже *duine uasal*.

Я уже слышала это гэльское выражение, буквально оно переводилось как «почтенный человек». Так называли арендаторов и лэрдов, выше которых стояли лишь вожди кланов. Таким человеком был и Джейми до восстания. Теперь все изменилось.

– А ты стал тем, кем видели тебя родители, дядюшка? – вежливо спросил Иэн, и у него дернулся глаз, – мальчишка понимал, что ступает на зыбкую почву.

Джейми должен был стать *duine uasal*, Лаллиброх принадлежал ему по праву. Однако пришлось передать земли его племяннику, Джейми-младшему, иначе Корона конфисковала бы все, чем владел мой Джейми.

– Я ведь говорил, что ты неглупый, да? – сухо произнес он. – Раз уж ты спрашиваешь... Меня воспитывали для двух вещей: управлять землей и людьми и заботиться о семье. И я стараюсь изо всех сил.

На этот раз Иэну хватило ума устыдиться всерьез.

– М-м... ладно... в смысле, я не... – забормотал он, глядя под ноги.

– Не волнуйся, малец. – Джейми хлопнул племянника по плечу и криво усмехнулся. – Мы тебя выучим, ради твоей матушки, даже если это убьет нас обоих. А теперь, кажется, моя очередь поработать шестом.

Глянув на Троклуса, чьи плечи маслянисто поблескивали на солнце, Джейми принялся развязывать штаны. В отличие от остальных он снимал их, а не рубашку, которую завязывал между ног на шотландский манер.

– Подумай, – кивнул он Иэну. – Младший ты сын или нет, жизнь не стоит тратить зря.

Джейми сверкнул улыбкой – такой, что у меня сердце екнуло, – и вручил мне свои штаны. А потом выпрямился и, положив руку на сердце, продекларировал:

Амо, амас, люблю я, дева, вас!
Вы так стройны, как кедр,
Нежней цветка номинатив
и феминный гендер.

Он любезно кивнул хихикающему Иэну и поднес мою руку к губам. В синих глазах плескались озорные искорки.

Как такой нимфе отказать?

Словно флейта нежен голос.
Сияют окулус, блестят,
И пульс под кожей держит тонус.
Ах, что за белла, моя пуэлла!
Целовал бы век напролет.
Вдруг настанет день чудесный
И в жены она ко мне пойдет?

Джейми шаркнул ногой и, подмигнув, ушел сменить матроса.

Глава 9

На две трети призрак

Поверхность реки блестела, словно масляная, вода ласково обтекала лодку. Справа на носу горел единственный фонарь. Я сидела на небольшом стульчике на передней палубе и смотрела на отблески. Свет даже не отражался, а утопал в темной глубине, медленно двигаясь вперед вместе с лодкой.

Луна висела в небе тонким полумесяцем, едва различимым за верхушками деревьев. За густой полосой леса, обрамлявшей реку, вдаль убегали темные земли плантаций риса и табака. Дневная жара втянулась в почву, и та засияла изнутри невидимой силой. В плодородных недрах вода и плененные лучи солнца творили свое особое волшебство.

В темноте раздался шорох. Я, не оборачиваясь, протянула руку, и ее тут же обхватила большая ладонь Джейми. Он слегка сжал мои пальцы и отпустил, но даже от короткого касания они повлажнели.

Джейми со вздохом опустился рядом и дернул ворот рубахи.

– С тех пор как мы уехали из Джорджии, я будто и глотка воздуха не сделал. Каждый раз как вдыхаю, так словно вот-вот захлебнусь.

Я рассмеялась. В ложбинку между грудями скользнула капелька пота.

– Говорят, что в Кросс-Крике будет прохладнее. – Я и сама сделала глубокий вдох – чтобы доказать себе, что могу. – Зато здесь чудесно пахнет, правда?

Из темноты доносились ароматы разных растений, сырого ила. От палубы веяло нагретым на солнце деревом.

– Ты, саксоночка, прямо как собака. – Джейми откинулся спиной на стену каюты. – Понятно, почему зверь тебя так обожает.

По доскам зацокали когти – пришел Ролло. Предусмотрительно держась подальше от борта, пес осторожно улегся, опустил голову на передние лапы и шумно вздохнул. Ему тоже не нравились лодки.

– Ну здравствуй. – Ролло обнюхал мою протянутую ладонь и снисходительно позволил почесать себя за ухом. – А где же твой хозяин?

– В каюте. Учится по-новому мухлевать в карты, – иронично отозвался Джейми. – Бог знает, что с ним станет. Если в таверне не подстрелят или голову не разобьют, то парень точно вернется домой со страусом, которого выиграл в фараон в следующий раз.

– Вряд ли в горах есть страусы или кто-то играет в фараон. Если там и городов толком нет, значит, и таверн тоже немного.

– Пожалуй, – согласился Джейми. – Но если человеку суждено наломать дров, то он их где угодно наломает.

– Уверена, что Иэн никуда не вляпается, – мягко сказала я. – Он хороший мальчик.

– Мужчина, – поправил меня Джейми. Он прислушался: в каюте приглушенно смеялись, временами доносилось и крепкое словцо. – Чертовски молодой и глупый. – Джейми горестно

улыбнулся. – Был бы он совсем мальчишкой, я смог бы держать его в узде. А теперь... Иэн достаточно взрослый, и у него свои дела. Он не обрадуется, если я начну совать в них нос.

– Он всегда к тебе прислушивается, – возразила я.

– Угу, вот погоди, когда я ему скажу то, что ему не очень хочется услышать. – Джейми ткнулся затылком в стену и прикрыл глаза. На высоких скулах блестел пот.

Я осторожно смахнула капельку, прежде чем она достигла и без того влажного ворота рубахи.

– Ты два месяца ему твердил, что он должен вернуться в Шотландию.

Джейми скептически глянул на меня.

– И как, он в Шотландии?

– Ну...

– Ага.

Я молчала, вытирая пот с лица подолом юбки. Река здесь была уже не такой широкой – до берега буквально рукой подать, футов десять. В кустах что-то шевельнулось. Сверкнули красные глаза, отразив свет фонаря.

Ролло вскинул голову и басовито гавкнул, наострив уши. Джейми резко сел.

– Господи! Я таких огромных крыс еще не видел!

Я рассмеялась.

– Это не крыса, а опоссум. Заметил детенышей у нее на спине?

Джейми и Ролло уставились на опоссума одинаковыми взглядами – оценивая упитанность зверька и возможную скорость его передвижения. Четыре детеныша мрачно смотрели в ответ, подергивая острыми носиками. Явно решив, что кораблик ничем не опасен, мама-опоссум напилась воды и медленно скрылась в кустах. Последним исчез голый розовый хвост.

Оба охотника одновременно выдохнули и снова расслабились.

– Майерс говорит, они вкусные, – задумчиво произнес Джейми.

Тоже вздохнув, я достала из кармана мешочек.

– Что это? – Джейми с любопытством заглянул внутрь и высыпал на ладонь несколько маленьких коричневых штучек.

– Жареный арахис. Растут здесь под землей. Купила у фермера, он продавал их на корм свиньям, а потом хозяйка постоянного двора их для меня прожарила. Только сперва надо очистить. – Я усмехнулась, наслаждаясь новым чувством, – я впервые знала больше о нашем окружении, чем Джейми.

Он неодобрительно на меня посмотрел, а потом легко раздавил скорлупу пальцами.

– Я невежественный, но не дурак. Есть разница. – Джейми осторожно раскусил орешек. Скептическое выражение лица сменилось удивленным. Он отправил оставшиеся два орешка в рот и принялся довольно жевать.

– Нравится? – улыбнулась я. – Когда осядем, я распакую новую ступку и смогу делать из них масло на бутерброды.

Джейми улыбнулся в ответ, взяв еще один орех.

– Здесь, конечно, сплошные болота, но земля благодатная. Никогда не видел, чтобы столько всего так легко выращивали. Знаешь, саксоночка, я вот подумал... – Он уставился в раскрытую ладонь. – Может, мы тут и останемся?

Вопрос не застал меня врасплох. Я уже замечала, как у Джейми блестели глаза, когда он видел поля и зреющий на них богатый урожай, как он восхищенно и завистливо смотрел на лошадей губернатора.

В любом случае мы не можем вернуться в Шотландию прямо сейчас. Иэн – да, но не мы с Джейми. Из-за некоторых сложностей... Например, Лири Маккензи.

– Не знаю, – медленно сказала я. – Если забыть об индейцах и диких зверях...

– Пустяки, – перебил меня Джейми, слегка смутившись, – Майерс говорит, их можно избежать, если не лезть в горы.

Я еле удержалась, чтобы не напомнить про предложение, которое нас именно в горы и отправляло.

– Да, ты ведь помнишь, что я рассказывала? О революции? Сейчас 1767-й, и ты слышал разговоры за столом губернатора. Девять лет, Джейми, и начнется ад.

Мы оба пережили войну и понимали, что это не шутки. Я коснулась руки Джейми, вынуждая обратить на себя внимание.

– Я ведь уже была права... тогда.

Я знала, что случилось в битве при Каллодене, и рассказала Джейми о судьбе Карла Стюарта и его сподвижников. Увы, этого все равно не хватило, чтобы нас спасти. Эти знания породили двадцать горьких лет разлуки и призрак дочери, которую Джейми никогда не увидит.

Он медленно кивнул и коснулся моей щеки. Мягкий свет фонаря привлекал стайки крошечных насекомых, и они взметнулись, потревоженные движением.

– Да, ты была права, – тихо согласился Джейми. – Но тогда... тогда мы думали, что должны что-то изменить. Или хотя бы попытаться. А здесь... – Он обвел рукой невидимые за деревьями земли. – Это не мое дело.

Я отогнала насекомых от лица.

– Оно может коснуться и нас, если мы останемся.

Джейми потер подбородок, размышляя. Рыжеватая щетина отливала серебром в свете фонаря. Джейми – высокий, красивый, в самом расцвете сил, однако уже не молод, вдруг осознала я с неожиданной радостью.

Горцы рождались для сражений. Мальчики становились мужчинами, когда могли взять в руки меч и отправиться на битву. Джейми никогда не был безрассудным, но почти всю жизнь был воином, солдатом. В двадцать лет ничто не могло удержать его от схватки, и неважно, личной или чужой. Теперь же разум должен усмирить пыл. По крайней мере, я на это надеялась.

Здесь, кроме тетушки, которую он не знал, у Джейми нет никаких связей. Может, раз мы знаем о грядущем, лучше избежать беды?

– Это очень большая страна, саксоночка. – Джейми взгляделся в невидимую даль. – Покинув Джорджию, мы проехали столько миль, сколько не наберется в Шотландии и Англии, вместе взятых.

– Да, – согласилась я.

В Шотландии, даже несмотря на высокие скалы, спасения не найти. Здесь же все не так. Если выбрать уголок поукромней, то вполне можно скрыться от всевидящего ока бога войны.

Джейми с улыбкой склонил голову к плечу.

– А ты, саксоночка, станешь хозяйкой плантации. Если губернатор найдет покупателей для камней, то я получу достаточно и отправлю Лири все деньги, что обещал. А оставшихся хватит нам на хорошее местечко, где мы будем жить счастливо.

Он взял мою правую руку и нежно провел большим пальцем по серебряному ободку обручального кольца.

– Вдруг когда-нибудь я тебя всю увешаю кружевами да драгоценностями? – тихо сказал Джейми. – Я ведь никогда не мог тебе ничего подарить, кроме крошечного колечка да матушкиного жемчуга.

– Ты подарил мне куда большее. – Я сжала его пальцы. – Прежде всего Брианну.

Он чуть заметно улыбнулся, опустив взгляд.

– Твоя правда. Может, она и есть настоящая причина... чтобы остаться, в смысле.

Я притянула его к себе, и он устроил голову у меня на коленях.

– Это ведь ее родная страна? – Джейми обвел рукой деревья, реку, небо. – Она здесь родится и будет жить.

– Да. – Я провела ладонью по его волосам, приглаживая густые пряди, совсем как у Брианны. – Здесь будет ее родная страна.

Ни со мной, ни с Джейми такого не произойдет, и неважно, сколько мы здесь проживем.

– Я не хочу сражаться или подвергать тебя опасности, саксоночка. Но если я смогу сделать хоть что-то... построить хороший дом и оставить ей землю... – Он пожал плечами. – Я буду только рад.

Мы немного посидели в тишине, наблюдая за тусклым мерцанием воды.

– Я оставила ей жемчуг, – наконец произнесла я. – В конце концов, теперь это ее фамильная драгоценность. А мне ничего не надо, кроме кольца.

Джейми взял мои ладони в свои и поцеловал – сперва левую, на которой по-прежнему оставалось золотое кольцо Фрэнка, а потом и правую, с его собственным.

– *Da mi basia mille*, – шепнул Джейми.

Подари мне тысячу поцелуев. Небольшая цитата из Катуллы, выгравированная внутри кольца. Наклонившись, я подарила ему один из этой тысячи.

– *Dein mille altera*, – отозвалась я.

А потом еще тысячу.

Около полуночи мы пришвартовались у густой рощицы. Погода изменилась. По-прежнему стояла жара, однако в воздухе витало преддверие грозы. В подлеске то ли шелестели порывы ветерка, то ли суетились в ожидании бури крошечные ночные существа.

Приливная волна почти иссякла, и дальше нам предстояло плыть под парусом или при помощи шеста. Капитан Фриман надеялся, что гроза принесет хороший ветер. А пока появилась возможность, нам всем стоило отдохнуть. Я забралась в наше «гнездо» на корме, однако все равно не могла спать, несмотря на поздний час.

По расчетам капитана, мы должны были прибыть в Кросс-Крик к завтрашнему вечеру или в крайнем случае – послезавтра. Удивительно, как я этого ждала. После двух месяцев тяжелой жизни в пути я отчаянно жаждала найти пристанище, неважно, насколько временное.

С щедрым гостеприимством и сильными родственными чувствами шотландцев я уже была знакома, так что не волновалась насчет того, как нас примут. Джейми о таком даже не задумывался. Ну, не виделись они с тетушкой много лет, разве это помеха для радушного приема? Поэтому в теплом приеме я не сомневалась. В то же время мне было страшно любопытно, какая из себя Иокаста Кэмерон.

У Рыжего Джейкоба, который построил замок Леох, было пятеро детей. Старшая – Эллен, мать Джейми. Иокаста – самая младшая. Джанет, третья из сестер, умерла, как и Эллен, задолго до нашей с Джейми встречи. А вот с двумя братьями, Колумом и Дугалом, мне довелось познакомиться, причем довольно близко. Поэтому я не могла не размышлять, какой же окажется последняя Маккензи из Леоха.

Высокой? Я покосилась на Джейми, мирно спящего рядом. Высокой и, наверное, рыжеволосой. Все они отличались завидным ростом, даже Колум был таким, пока его не изуродовала болезнь. А еще они все светлокожие с медными волосами – от огненных, как у Джейми, до более глубокого, почти ржавого, как у Дугала. А вот Колум был совсем темным.

Вспомнив братьев, я неуютно поежилась. Колум умер до Каллодена от болезни. Дугал пал накануне битвы – от клинка Джейми. Это была самозащита – точнее, он защищал меня, – и лишь одна из многих смертей в том кровавом апреле. И все же думал ли Джейми, что скажет, когда после приветствий семейные беседы сведутся к «Ой, а когда ты в последний раз видел того-то и того-то?».

Джейми вздохнул и вытянулся во сне. Он умел крепко спать на любой поверхности, ведь ему где только не приходилось ночевать: начиная от сырого вереска и затхлых пещер и закан-

чивая ледяным каменным полом тюремной камеры. Деревянная палуба – сравнительно хороший вариант.

Я же не была ни настолько гибкой, ни настолько закаленной. Впрочем, усталость постепенно взяла свое, и даже острому любопытству не удалось задержать меня на пути к царству Морфея.

Проснулась я посреди суматохи. Было по-прежнему темно, но кругом стоял шум, крик, лай, а палуба подо мной дрожала от топота. Я рывком села, спросонья решив, что нас берут на абордаж пираты.

А потом в голове прояснилось, как и перед глазами, и я поняла, что пираты и в самом деле здесь. Незнакомые голоса выкрикивали ругательства и приказы, а тяжелые ботинки грохотали по палубе. Джейми не было.

Я кое-как поднялась на четвереньки, не обращая внимания на одежду и прочее. Близился рассвет – небо еще не посветлело, но каюта виднелась на его фоне куда более темным пятном. Я попыталась встать, держась за ее крышу, однако чуть вновь не растянулась на палубе. Мимо прокатился клубок из дерущихся тел.

В мешанине мелькнул мех, лица. Раздался крик, выстрел и чудовищный стук. Бледный как полотно, Иэн рухнул на неподвижного Ролло. Взъерошенный незнакомец с трудом поднялся на ноги.

– Черт! Он меня чуть не убил! – Грабитель дрожащей рукой вцепился в запасной пистолет, болтавшийся на поясе, и направил его на пса. Лицо уродливо скривилось. – Сдохни, тварь кусачая!

Возникший из ниоткуда высокий мужчина выбил у него оружие, прежде чем раздался выстрел.

– Не трать заряд, дурень. – Мужчина махнул рукой на Троклуса и капитана Фримана – последний витиевато выругался, – которых как раз вели в мою сторону. – Как ты их удержишь с разряженным оружием?

Второй грабитель злобно зыркнул, но перевел пистолет в живот капитану. Ролло издал странный звук – смесь рычания и скулежа. Под дернувшимся телом расплзлось темное пятно. Иэн беспомощно поглаживал морду пса. Когда мальчишка поднял голову, на его щеках блеснули слезы.

– Тетушка, помоги, – взмолился он. – Пожалуйста!

Я машинально подалась вперед, и высокий грабитель шагнул ближе, вытянув руку.

– Я хочу помочь собаке, – заявила я.

– Чего?! – яростно выпалил коротышка.

Лицо высокого скрывала маска. Когда глаза привыкли к предрассветным сумеркам, я поняла, что в масках все грабители. Сколько же их тут?.. У меня появилось стойкое ощущение, что высокий мужчина улыбается. Он не ответил – просто коротко взмахнул пистолетом.

– Ну, здравствуй, старина, – пробормотала я, опускаясь на колени рядом с Ролло. – Только не кусайся. Хороший песик. Иэн, куда его ранили? Ты видел?

Мальчишка покачал головой и шмыгнул носом.

– Под ним. Не могу заставить его перевернуться.

Мне тоже не очень-то хотелось двигать массивную тушу. Я хотела было проверить пульс на шее, однако пальцы утонули в густой шерсти. Затем меня осенило. Подхватив переднюю лапу, я нащупала место, где она соединялась с телом.

Под пальцами билась вена. Я по привычке начала считать, но быстро сдалась, не зная нормы для собак. Хотя пульс был ровный. Никакой аритмии, слабости. Хороший знак.

Еще неплохим знаком было то, что Ролло не потерял сознание. Огромная лапа в моих руках подрагивала, как напряженная пружина, а не обмякла. Пес издал высокий звук – то ли взвизгнул, то ли взвыл – и принялся скрести когтями, силясь подняться.

– Думаю, все не так плохо, Иэн, – с облегчением сказала я. – Смотри.

Ролло встал, покачиваясь. Он яростно затряс головой и встряхнул мохнатую шерсть. Капли крови разлетелись по палубе. Желтые глаза остановились на коротышке с выражением, которое было понятно даже самому недалекому.

– Эй, ты! Держи пса, или, клянусь, я пристрелю его к чертям! – В голосе грабителя звучала паника, а дуло пистолета неуверенно металось между группкой пленников и оскалом Ролло.

Иэн, который как раз торопливо сдернул рубаху, накинул ее на морду пса. Ролло бешено замотал головой и зарычал. На ткани выступила кровь. Теперь я заметила, что она лилась из неглубокой раны на плече животного – видимо, пуля его только зацепила.

Иэн упорно сдерживал Ролло, вынуждая пса сесть, и бормотал какие-то слова в скрытое тканью ухо.

– Сколько вас на борту? – Цепкий взгляд высокого бандита метнулся к капитану, но тот лишь сжал губы, поэтому дальше он уставился на меня.

Я его узнала. По голосу. Должно быть, выражение лица меня выдало, потому что пират замер, а потом дернул головой, сбрасывая платок-маску.

– Сколько? – снова спросил Стивен Боннет.

– Шестеро, – ответила я.

Молчать не было смысла. На берегу я заметила Фергуса с поднятыми руками. Третий пират под прицелом вел его к нам. За моей спиной из темноты возник мрачный Джейми.

– Мистер Фрейзер, – вежливо поприветствовал его Боннет. – Приятно возобновить наше знакомство. Сэр, разве с вами не было еще одного джентльмена? Однорукого?

– Его здесь нет, – коротко бросил Джейми.

– Я проверю, – буркнул коротышка и развернулся, но Боннет остановил его жестом.

– Ты сомневаешься в слове такого джентльмена, как мистер Фрейзер? Нет, Робертс, останься охранять этих господ. А я, пожалуй, осмотрюсь. – Кивнув спутнику, он исчез.

Возня с Ролло совсем отвлекла меня от разгрома, учиненного на палубе. Из каюты донесся треск, и я подскочила, мигом вспомнив об инструментах.

– Эй! Ты куда? Стоять! Пристрелю! – с ноткой отчаяния, впрочем, достаточно неуверенно заорал бандит.

Я, не оглянувшись, нырнула в каюту и тут же врезалась в четвертого пирата, который в этот момент действительно копошился в моей шкатулке.

От удара я слегка отлетела назад, однако сразу с возмущенным воплем вцепилась гаду в руку. Он попросту открывал все подряд, вытряхивал содержимое ящичков и бутылочек и швырял их на пол. Коллекция снадобий доктора Роулингса лежала в осколках.

– А ну не смей их трогать! – взвизнула я.

Схватив ближайший сосуд из шкатулки, я выдрала пробку и плеснула содержимым пирату в лицо. Как и в большинстве микстур Роулингса, там оказалось достаточно спирта. Пират охнул и попятился, хватаясь за глаза.

Я воспользовалась преимуществом – треснула его по голове каменной бутылкой эля, которую нашла среди погрома. Раздавшийся звук меня порадовал, однако удар вышел недостаточно сильным. Пират зашатался, но устоял и потянулся ко мне.

Я снова замахнулась, но запястье словно попало в тиски.

– Прошу прощения, дорогая миссис Фрейзер, – зазвучал знакомый вежливый голос с ирландским акцентом. – К сожалению, я не могу вам позволить разбить ему голову. Конечно, не самый лучший экземпляр, но на чем он тогда будет носить шляпу?

– Гребаная сука! Она меня ударила! – скривился от боли пират, держась за ушибленное место.

Боннет вытащил меня на палубу, сильно заломив руку за спину. Уже почти рассвело. Река сверкала серебром. Я с яростью уставилась на бандитов, твердо намереваясь запомнить всех до единого и узнать потом, в маске или без.

К сожалению, восходящее солнце дало и пиратам возможность рассмотреть меня. Гад, которого я приложила по башке, явно затаил злобу. Он схватил меня за запястье и дернул кольцо.

– Опа, а это надо забрать!

Я выдрала руку из его хватки и хотела было отвесить ему пощечину, но Боннет многозначительно кашлянул. Он, шагнув к Иэну, поднес пистолет к самому уху мальчишки.

– Лучше отдайте, миссис Фрейзер, – по-прежнему вежливо посоветовал Боннет. – Мистеру Робертсу нужна некая компенсация за причиненный ущерб.

Дрожа от злости и страха, я стянула золотое кольцо. С серебряным вышло сложнее – оно застряло на костяшке, будто не хотело со мной расставаться. Оба кольца были влажные и скользкие от пота. Металл казался теплее, чем мои вдруг похолодевшие пальцы.

– Давай сюда. – Бандит ткнул меня в плечо и протянул широкую шершавую ладонь. Я неохотно протянула кольца в согнутых пальцах... а потом, сама не поняв как, прижала их ко рту.

Голова гулко стукнулась о стену каюты – пират сбил меня с ног. Грубые пальцы впились в щеки, полезли в рот, бесцеремонно ища кольца. Я извернулась и с силой сглотнула. Рот заполнился слюной с металлическим привкусом. То ли в самом деле металл, то ли кровь.

Я сцепила зубы, и пират с криком отдернул руку. Одно кольцо, должно быть, успело вылететь – я расслышала «звяк!». Потом я поперхнулась, и второе, твердое и круглое, скользнуло в пищевод.

– Сука! Горло перережу! В ад отправлю да без твоих колечек, драная ты шлюха!

Лицо пирата исказилось от злобы. Блеснул нож. А потом сильный удар сбил меня с ног, и я распласталась на палубе под весом Джейми.

Я была слишком ошеломлена, чтобы шевелиться. Впрочем, я и не смогла бы – Джейми грудью давил на мой затылок, вжимая в доски. Я слышала крики и шум, приглушенный упавшей на голову тканью. Потом раздался звук глухого удара, и Джейми дернулся, зарывав.

Господи, его ранили! Меня мучительно скрутило от ужаса. Еще удар. Джейми зарывал громче, но я поняла, что его всего лишь пнули по ребрам. Он не пошевелился, только сильнее вжал меня в палубу, как начинку сэндвича.

– Хватит! Робертс! Я сказал, оставь его! – Властный и резкий окрик Боннета я расслышала отчетливо, даже несмотря на ткань.

– Она... – начал Робертс, но недовольное нытье прервал короткий, смачный удар.

– Встаньте, мистер Фрейзер. Ваша жена в безопасности... хотя этого не заслуживает. – В хриплом баритоне Боннета звучала смесь веселья и раздражения.

Джейми медленно поднялся, и я смогла сесть. Голова кружилась; вдобавок меня слегка мутило после удара. Стивен Боннет смотрел сверху вниз с легкой неприязнью, словно я была куском облезлой оленьей шкуры, которую ему попытались всучить. Рядом с ним злобно сверкал глазами Робертс, вытиравший кровь со лба.

Наконец Боннет моргнул и повернулся к Джейми.

– Глупая женщина, – равнодушно заметил пират. – Впрочем, вас все устраивает... – Он кивнул, и на его губах мелькнула слабая улыбка. – Что ж, благодарю за возможность вернуть вам должок. Жизнь за жизнь, как говорится в Библии.

– Должок? – зло выпалил Иэн. – После того что мы для вас сделали, вы нас грабите, бьете мою тетю и собаку, а потом вам хватает наглости говорить, что вернули должок?!

Боннет остановил взгляд на Иэне. Глаза у пирата были светло-зеленые, как очищенные виноградины. А на щеке – ямочка, будто бог, создавая его, оставил отметину. Но взгляд все равно оставался холодным, как речная вода на рассвете.

– Парень, ты плохо учил Святое Писание. – Боннет неодобрительно покачал головой и цокнул языком. – Кто найдет добродетельную жену? Цена ее выше жемчугов.

Он раскрыл ладонь, и на ней вспыхнули три камня – изумруд, сапфир и черный алмаз.

– Уверен, мистер Фрейзер согласен, не так ли, сэр? – Пират сунул руку с камнями в карман, а когда извлек, их уже не было. – В конце концов, – сказал он, снова бросив холодный взгляд на Иэна, – есть разные способы платить по долгам. – Боннет улыбнулся, однако весьма неприятно. – Хотя, думаю, ты слишком юн для такого. Радуйся, что у меня нет желания преподать тебе урок.

Он отвернулся и подозвал товарищей:

– Мы нашли то, что искали. Уходим.

Боннет ступил на край борта и, прыгнув, с кряхтением приземлился на илистый берег. Остальные пираты последовали за ним. Робертс напоследок одарил меня злобным взглядом и неловко плюхнулся на мелководье.

Все четверо исчезли в зарослях. Из темноты донеслось приветственное ржание лошади. На борту кораблика воцарилась тишина.

Небо над головой постепенно приобретало цвет древесного угля. Вдалеке тихонько грохотала гроза. У горизонта сверкнула тонкая молния.

– Ублюдки.

Капитан Фриман сплюнул за борт им на прощание и повернулся к матросу.

– Эй, Троклус, берись за шест, – произнес он и направился к румпелю, шаркая и подтягивая штаны.

Остальные тоже медленно ожили. Фергус глянул на Джейми, зажег фонарь и исчез в каюте. Я расслышала, как он принялся наводить там порядок. Иэн сидел на палубе, склонив темноволосяную голову к Роллю, и промакивал шею пса скомканной рубахой.

Смотреть на Джейми мне не хотелось. Я перекатилась на четвереньки и медленно подползла к Иэну.

– Как он? – хрипло спросила я. Кольцо будто застряло в горле, и я сглотнула.

Парень поднял голову. Лицо его было бледным и неподвижным, но глаза смотрели с тревогой.

– Думаю, что в порядке, – тихо сказал он. – Тетушка... а ты как? С тобой все хорошо?

– Да. – Я попыталась ободряюще улыбнуться. – Все хорошо.

Затылок ныл, в ушах до сих пор звенело. Желтый ореол света вокруг фонаря словно пульсировал в такт сердцу. На щеке красовалась царапина. Еще я разбила локоть и загнала здоровенную занозу в ладонь, однако физически в целом была невредима. А вот в остальном я сомневалась.

Я не оглянулась на Джейми, который стоял неподалеку, но чувствовала его присутствие, зловещее, как грозное облако. Иэн, который явно видел своего дядю за моим плечом, выглядел слегка напуганным.

Донесся скрип доски, и Иэн расслабился. Голос Джейми прозвучал уже из каюты. Он вроде бы совсем спокойно спросил что-то у Фергуса, а потом звуки разговора утонули в шуме – Джейми и Фергус принялись ставить на место мебель и складывать разбросанные вещи. Я медленно выдохнула.

– Не волнуйся, тетушка, – попытался утешить меня Иэн, – дядюшка не поднимет на тебя руку, он не такой.

Я что-то сомневалась, учитывая волны чувств, долетавшие со стороны Джейми, однако надеялась, что мальчишка прав.

– Он ужасно зол, да? – тихонько спросила я.

Иэн неловко пожал плечами:

– Ну, последний раз, когда он *так* на меня смотрел, он отвел меня за дом и как следует мне врезал. С тобой он так не поступит, я уверен, – поспешно добавил мальчишка.

– Наверное, – вяло отозвалась я. Может, лучше бы и врезал...

– Хотя, когда дядюшка Джейми начинает браниться, тоже приятного мало. – Иэн сочувственно покачал головой. – Я уж лучше взбучку потерплю.

Глянув на Иэна, я наклонилась над псом.

– Хватит на сегодня бед. Кровь еще течет?

Крови не было. Несмотря на перепачканную шерсть, рана оказалась на удивление легкой – просто рассечена кожа и слегка зацепило мышцы около плеча. Ролло прижал уши и оскаллился, однако вслух против осмотра не возражал.

– Хороший мальчик, – пробормотала я. Если бы была возможность сделать местный наркоз, то удалось бы зашить рану, но придется обойтись без таких изысков. – Надо наложить мазь, чтобы мухи не садились.

– Сейчас принесу, тетушка, я помню, где твой ящичек. – Иэн аккуратно сдвинул морду пса с колен и поднялся. – Зеленая такая, которой ты мазала палец Фергусу?

Я кивнула, и Иэн скрылся в каюте, оставляя меня наедине с внутренним трепетом, больной головой и забитым горлом. Я сглотнула еще несколько раз и осторожно коснулась шеи, гадая, которое же кольцо во мне осталось.

Из-за угла каюты показался Этроклус с длинным и толстым шестом белого цвета. Один его конец был весь грязный и явно свидетельствовал о частоте использования. Матрос уверенно опустил шест в воду и навалился.

Когда из тени вдруг возник Джейми с похожим шестом, я подпрыгнула на месте – совсем не расслышала его шагов за криками и стуком. Джейми даже не взглянул в мою сторону. Он стянул рубашку и по сигналу матроса тоже опустил шест в воду.

С четвертой попытки корпус судна все-таки дрогнул. Приободренные, матрос и Джейми толкнули еще сильнее, и «Салли-Энн» с гулким плеском сошла с мели. Ролло приподнял голову и удивленно гавкнул.

Этроклус, чье лицо просияло под слоем пота, кивнул Джейми и забрал у него шест. Джейми кивнул в ответ. Затем поднял рубашку с палубы и повернулся.

Я оцепенела. Ролло настороженно наострил уши, но Джейми вроде пока не собирался отчитать меня или сбросить за борт. Вместо этого он наклонился, хмурясь.

– Как ты, саксоночка? Не могу понять, это свет такой или ты в самом деле вся зеленая.

– Я в порядке. Может, дрожу немного.

Не немного, тут я загнула. Пальцы до сих пор оставались холодными и липкими, а если бы я попыталась встать, то трясущиеся колени меня точно не удержали бы. Я вновь сглотнула и, закашлявшись, постучала кулаком по груди.

– Может, у меня разыгралось воображение, но, кажется, кольцо застряло в горле.

Джейми задумчиво покосился, а потом подозвал Фергуса, который успел выбраться из каюты и теперь слонялся неподалеку.

– Фергус, попроси у капитана его трубку на минуту, а?

Затем Джейми натянул рубашку и скрылся на корме. Через несколько мгновений он вернулся с кружкой воды.

Я благодарно к ней потянулась, но он отвел мою руку.

– Еще рано, саксоночка, – сказал Джейми. – Ну что? Ага, спасибо, Фергус. Захвати пустое ведро, ладно?

Он забрал у заинтригованного Фергуса трубку, сунул большой палец в грязную чашечку и принялся выковыривать горелые, вязкие остатки табака. А потом вытряхнул ее содержимое

в кружку. В воду посыпались коричневые крошки, которые Джейми размешал почерневшим после этих манипуляций пальцем. Закончив с приготовлениями, он зловеще глянул на меня поверх края кружки.

– Нет, – запротестовала я. – О нет.

– О да, – отозвался Джейми. – Давай, саксоночка.

– Пожалуй, я просто... подожду. – Я скрестила руки на груди. – Спасибо за беспокойство.

Фергус, успевший вернуться, вскинул брови. Джейми поставил принесенное ведро рядом со мной.

– Тем способом я уже пользовался, саксоночка, – поведал он. – Представь, на корабле, при всех... – Он положил руку мне на затылок и прижал кружку к губам. – Так гораздо быстрее. Ну давай, глоточка хватит.

Я только сильнее стиснула губы. От одной только вони желудок норовил вывернуться наизнанку, не говоря уже об омерзительном виде темной жидкости, в которой плавали крошки, и воспоминаниях о вязкой коричневой слюне капитана, стекающей по палубе.

Джейми не собирался спорить и уговаривать. Он просто-напросто зажал мне нос, а когда пришлось открыть рот, чтобы вдохнуть, влил в него эту жижу.

– М-м-м!

– Глотай. – Джейми зажал мне рот ладонью, не обращая внимания ни на попытки освободиться, ни на возмущенное мычание.

Я значительно уступала Джейми по силе. Выхода было два: или глотать, или задыхаться.

И я глотнула.

– Как новенькое! – Джейми закончил полировать кольцо полрой рубашки и полюбовался его блеском в свете фонаря.

– Ага, чего совсем не скажешь обо мне, – холодно отозвалась я, лежа безвольным мешком на палубе. Река будто покачивалась подо мной. – Знаешь, кто ты, Джейми Фрейзер? Ты самый настоящий первосортный садист и ублюдок – вот кто.

Он наклонился и убрал с моего лица влажные пряди.

– Как скажешь. Но если ты уже начала ругаться, саксоночка, значит, жить будешь. А пока отдохни, ладно? – Джейми нежно поцеловал меня в лоб и уселся поудобнее.

Когда суматоха улеглась и на палубе навели былой порядок, мужчины удалились в каюту, чтобы поправить и свое душевное равновесие при помощи бутылки яблочного бренди. Капитан Фриман спрятал ее в бочке с водой и тем самым ухитрился спасти от пиратов. Рядом со мной стояла кружка этого напитка, но меня слишком тошнило, чтобы что-то вообще глотать. Правда, теплый фруктовый аромат действовал успокаивающе.

Теперь мы шли под парусом. Всем ужасно хотелось оказаться подальше от злосчастного места, где на нас напали, словно там до сих пор таилась некая опасность. «Салли-Энн» плыла куда быстрее, чем обычно, и у фонарей уже не вились стайки насекомых. Лишь парочка златоглазок сидела на балке. Крошечные зеленые тельца отбрасывали едва заметные полоски теней. Из каюты донесся взрыв хохота, которому вторил рык Ролло. Все возвращалось на круги своя.

По палубе гулял долгожданный ветерок – осушал липкий пот на моем лице, играл с кончиками волос Джейми. На лбу мальчишки залегла морщинка, и он слегка наклонил голову в глубокой задумчивости.

Конечно, ему было о чем поразмыслить. Одним махом мы из богачей – хотя бы потенциальных – превратились в нищих. От тщательно собранных в путешествие вещей остались мешок с бобами да использованный ящик с медикаментами. Что уж теперь говорить о желании Джейми не появиться на пороге Иокасты Кэмерон попрошайками... Нынче мы мало чем от них отличались.

У меня перехватило горло от жалости к Джейми. Былое раздражение исчезло. Если оставить уязвленную гордость, перед нами возникла страшная пустота там, где на карте значилась территория под названием «будущее». Оно и раньше было неясным, однако острые края всех вопросов сглаживало знание, что у нас есть деньги.

Даже дорога на север казалась приключением, ведь мы полагали, что у нас в руках сокровище. Я никогда не думала, что придаю деньгам большое значение, но теперь, когда у меня грубо выбили из-под ног землю, голова отчаянно кружилась, словно я падаю в глубокий темный колодец и никак не могу остановить падение.

А что же чувствует Джейми? Ведь на нем лежит ответственность не только за себя самого и меня, но и за жизни остальных... Иэн, Фергус, Марсали, Дункан, обитатели Лаллиброха... даже чертова паршивка Лири. Я не знала, смеяться или плакать от мысли о тех деньгах, которые Джейми ей отправил. Мстительная тварь оказалась в куда лучшем положении, чем мы.

Мечь... Новый страх затмил все остальные. Джейми, конечно, не особенно мстителен для шотландца, но ни один горец не станет молча и смиренно принимать такую потерю. Потерю не только богатства, но и чести. Как же поступит Джейми?..

Пока, стиснув зубы, он сверлил взглядом темную реку. Видел ли он в ней то кладбище, где, поддавшись пьяной сентиментальности Дункана, содействовал Боннету в бегстве?

До меня запоздало дошло, что вряд ли его терзает материальная сторона нашего злключения. Скорее всего, об этом Джейми еще даже не задумался. А тонул он в куда более горьких воспоминаниях – именно он помог Боннету спастись от виселицы и отпустил на волю, охотиться на невинных. Сколько еще людей пострадает от рук пирата?

– Ты не виноват. – Я коснулась колена Джейми.

– Неправда, – тихо отозвался он, не глядя на меня. – Я знал, кто он такой. Мог бы предотвратить его вполне заслуженной судьбе. Какой же я дурак...

– Ты проявил милосердие. Это не одно и то же.

– Почти.

В преддверии дождя в воздухе витала прохлада. Джейми глубоко вздохнул, сделал глоток из кружки с яблочным бренди и наконец глянул на меня, предлагая тоже выпить.

– Да, спасибо.

Я попыталась сесть, но Джейми придержал меня за плечи и помог к нему прислониться. А потом поднес к моим губам кружку. Теплая, как кровь, жидкость мягко заструилась по языку и обожгла горло, избавляя от следов тошноты и табака. На их место пришел устойчивый ромовый привкус жженого сахара.

– Лучше?

Кивнув, я протянула правую руку. Джейми надел мне кольцо, нагретое в ладони, а потом крепко сжал мои пальцы.

– Он следил за нами от самого Чарльстона? – спросила я вслух.

Джейми покачал головой. Распущенные волосы упали на лицо.

– Вряд ли. Если бы он тогда узнал про камни, то устроил бы засаду еще на дороге. Нет, думаю, он узнал про них у слуг Лиллингтона. Я-то полагал, что нам ничего не грозит, ведь мы успеем отправиться в Кросс-Крик, пока не пройдет слушок. Но кто-то успел проболтаться... Может, лакей, а может, швея.

Хотя внешне Джейми казался спокойным, внутри его бушевали чувства. По палубе пронесся порыв горячего ветра – гроза приближалась. Рыжие пряди скользнули по щеке, и Джейми откинул их назад, запустив пальцы в густую шевелюру.

– Мне жаль, что второе кольцо пропало, – помолчав, сказал он.

– О, да вс... – Я хотела сказать, что все в порядке, но слова застряли в горле, стоило мне осознать потерю.

Я носила золотое кольцо в знак принесенных, забытых и возобновленных клятв, а потом, наконец, освобождения. Это был символ замужества, семьи, большей части моей жизни. И последняя память о Фрэнке... которого я, несмотря ни на что, все же любила.

Джейми, не говоря ни слова, взял мою левую руку и стал легко поглаживать костяшки большим пальцем. Я тоже молчала. А потом вздохнула и повернулась к корме. Деревья на берегу громко шелестели на ветру в предвкушении, заглушая все остальные звуки.

Крошечная капля упала на щеку. Моя обмякшая бледная рука лежала на ладони у Джейми, такая непривычно хрупкая, что я испугалась.

Я привыкла так или иначе следить за руками. Они – мой рабочий инструмент, способ касаться, перемежая нежность и силу, необходимые для исцеления. Я восхищалась их своеобразной красотой, пусть и отстраненно. Красота заключалась в умелости и силе, и осознание этого делало их достойными восхищения.

Рука оставалась той же, бледной, с длинными пальцами и слегка выпирающими костяшками. Странно обнаженная без кольца, но, несомненно, моя. Однако она лежала на ладони гораздо более крупной и грубой, поэтому казалась столь крошечной и хрупкой.

Джейми стиснул правую руку сильнее, вжал серебряное кольцо в кожу, напоминая о том, что осталось. В ответ я обхватила кулак Джейми и крепко прижала к сердцу. Упали крупные капли дождя, но мы так и не сдвинулись с места.

На кораблик и берега обрушилась завеса ливня. Капли загрохотали по листве, палубе, речной воде, будто скрывая нас от всего мира. Их прохлада мягко омывала кожу, исцеляя раны, нанесенные страхом и потерей.

Я вмиг ощутила себя ужасно беззащитной и в то же время совершенно неуязвимой. Впрочем... именно так я всегда себя чувствовала рядом с Джейми Фрейзером.

Часть 4

Поместье «Горная река»

Глава 10

Иокаста

*Кросс-Крик, Северная Каролина,
июнь 1767 года*

«Горная река» располагалась на краю мыса Кейп-Фир, как раз над слиянием рек, которое и дало городку Кросс-Крик его название. Размера городок был, в общем-то, немаленького, вдобавок располагал шумной пристанью. Вдоль береговой линии выстроились несколько крупных складов. А когда «Салли-Энн» медленно поползла вдоль причала, в нос ударил сильный смолистый запах, который висел над городом и рекой в горячем влажном воздухе.

– Господи, я как будто скипидара вдохнул, – прохрипел Иэн, стоило новой волне вони нас захлестнуть.

– Да так и есть, парень, – блеснул редкой улыбкой Этроклус.

Он кивнул на баржу, привязанную неподалеку. На ней возвышались горы бочек, из которых сочилось нечто черное. На более крупных виднелись клейма владельцев и выжженные буквы Т, означавшие, что внутри перевозили терпентин.

– Именно, – согласился капитан Фриман. Он шурился из-за яркого солнца и помахивал ладонью перед носом, будто мог отогнать вонь. – В это время года из глубины штата сюда прибывают сборщики смолы. Все – смолу, терпентин, деготь – отправляют в Уилмингтон на барже, а потом дальше на юг, на верфи Чарльстона.

– Не думаю, что здесь только в терпентине дело. – Джейми промокнул шею платком и кивнул на самый большой склад, где у дверей дежурили солдаты в красных мундирах. – А ну-ка принюхайся, саксоночка.

Я осторожно втянула воздух. Да, было что-то еще... горячий, знакомый аромат...

– Ром? – спросила я.

– И бренди. А еще немного портвейна. – Джейми шевельнул длинным носом, чутким, как у мангуста.

– Не растерял талант, да? – удивленно глянула на него я.

Двадцать лет назад Джейми управлял винным делом своего кузена Джареда в Париже, и его обонянием и чувством вкуса восхищался весь дегустационный зал.

– Я по-прежнему отличу мозельвейн от лошадиной мочи, если сунуть их мне под нос, – усмехнулся Джейми. – Но отличить ром от терпентина – не великий подвиг.

Иэн набрал полные легкие воздуха и тут же закашлялся.

– А по-моему, ничем другим тут и не пахнет, – покачал он головой.

– Отлично, – отозвался Джейми. – Значит, в следующий раз вместо выпивки угощу тебя скипидаром. Куда дешевле выйдет. Тем более, – добавил он тихо, когда все разразились хохотом, – теперь я вряд ли смогу позволить себе нечто большее... Ладно, скоро уже будем на месте. Ну что, похож я на нищего попрошайку, саксоночка?

Аккуратно расчесанные и перевязанные лентой волосы сияли на солнце, свет красиво очерчивал хмурый профиль. Джейми выглядел шикарно, подумала я, уловив беспокойную нотку в его голосе. Я понимала, к чему он спрашивает. Может, у него в кармане ни пенни, но выставлять это напоказ он не намерен.

Мысль, что ему придется появиться на пороге тетушки в роли бедного родственника, ужасно ранила гордость Джейми. И даже осознание, что таким его вынудили стать обстоятельством, ничуть не облегчало положения дел.

Я внимательно оглядела Джейми. Сюртук и камзол смотрелись вполне прилично. Тут нужно сказать спасибо кузену Эдвину, который любезно их предоставил. Хорошее серое сукно отлично сидело, а пуговицы были хотя и не серебряными, но из сплава олова со свинцом, как у преуспевающего квакера.

В остальном Джейми, конечно, мало чем походил на квакера. Льняная рубашка уже запачкалась, но пока на нем сюртук, никто этого не заметит. А оторванную пуговицу на камзоле успешно прикрывало кружевное жабо – единственное излишество, которое Джейми себе позволял в одежде. Чулки в порядке – голубой шелк, дырок не видно. Белые льняные бриджи относительно чисты, а вот обувь несколько портила общую картину. Заказать новые мы попросту не успевали. Ботинки Джейми были целыми, и я как могла замаскировала все потертости при помощи сажи и жира. Вот только все равно они подходили фермеру, а не джентльмену – толстая подошва, грубая кожа и скромные пряжки из рога. Оставалось надеяться, что тетушка Иокаста не судит гостей по ботинкам.

Приподнявшись на цыпочках, я поправила жабо и стряхнула с плеча Джейми перышко.

– Все будет хорошо, – шепнула я, улыбаясь. – Ты прекрасен.

Джейми изумленно покосился на меня, однако мрачная отчужденность на его лице сменилась улыбкой.

– Это ты прекрасна, саксоночка. Румяная, как яблочко, красавица. – Он выпрямился и со вздохом глянул на племянника. – А Иэн, может, сойдет за раба, которого я купил в качестве свинопаса.

Иэн был из тех людей, чья одежда, неважно, какого качества изначально, тут же превращалась в обноски. Половина шевелюры уже вырвалась из плена зеленой ленты. Острый локоть торчал из дырки в новенькой рубаше, а манжеты успели посереть от грязи.

– Капитан Фриман говорит, что мы вот-вот прибудем! – воскликнул мальчишка. Глаза его сияли от возбуждения. Он перегнулся через борт, чтобы первым увидеть пункт нашего назначения. – Как думаете, что будет на ужин?

Джейми с нескрываемым неудовольствием посмотрел на племянника.

– Тебе, скорее всего, достанутся объедки, как собакам. У тебя что, нет сюртука, Иэн? Или расчески?

– А, есть. – Иэн рассеянно оглянулся, словно ожидал, что вышеупомянутые вещи вдруг появятся из воздуха. – Сюртук был... где-то. Кажется.

Искомое обнаружилось под лавкой. Правда, на нем уже удобно устроился спящий Ролло. Мы быстренько отряхнули сюртук от собачьей шерсти и, втиснув в него Иэна, усадили мальчишку, чтобы расчесать и заплести волосы. В это же время Джейми поспешно напоминал ему о манерах, хотя единственным советом было держать рот на замке как можно дольше.

Иэн добродушно кивал.

– Тогда ты сам расскажешь тетушке Иокасте про пиратов, да? – спросил он.

Джейми мельком глянул на щуплую спину капитана Фримана. Бесплезно ожидать, что такую историю не разнесут по всем тавернам в Кросс-Крике, как только мы сойдем с палубы. Так что через несколько дней – а может, и часов – она дойдет и до плантации.

– Да, я ей расскажу, – отозвался Джейми. – Только не сразу, Иэн. Пусть сперва она к нам привыкнет.

От городского шума и вони причал поместья отделяли несколько миль спокойной речной воды и буйно разросшаяся зелень. Проследив, чтобы Джейми, Иэн и Фергус были умыты и рас-

чесаны, я удалилась в каюту. Там я стянула грязное платье и, поспешно обмывшись, скользнула в кремовые шелка, которые надевала на ужин у губернатора.

Мягкая ткань легкой прохладой легла на кожу. Может, она смотрелась слишком официальной для дневного времени, но для Джейми было важно, чтобы мы все выглядели прилично. Особенно теперь, после встречи с пиратами. А кроме шелка, я могла выбирать между грязным хлопковым или чистым, но потертым платьем, которое я привезла из Джорджии.

С прической мудрить было нечего. Я быстро причесала волосы и перехватила их лентой у шеи; остальные локоны вились как попало. Зато не нужно беспокоиться о драгоценностях, уныло думала я, натирая до блеска серебряное кольцо. На левую руку я по-прежнему старалась не смотреть – слишком обнаженной она выглядела.

Когда я выбралась из каюты, вдали уже показалось поместье «Горная река». В отличие от остальных плантаций с хлипкими, крошечными причалами оно могло похвастаться полноценным и крепким деревянным пирсом. На краю сидел чернокожий мальчик и от скуки болтал босыми ногами. Едва заметив «Салли-Энн», он сорвался с места и убежал, скорее всего, доложить о нашем прибытии.

Наш скромный кораблик с гулким стуком замер. Из-за стены деревьев виднелась каменная дорожка, проходившая через ровные лужайки и сады и обегавшая с двух сторон парные статуи, что замерли посреди клумб. А вела она к широкой веранде впечатляющего двухэтажного дома с колоннами и множеством каминных труб. Неподалеку от клумб стояла крошечная постройка из белого мрамора – своего рода усыпальница. Я тут же задумалась об уместности шелкового платья и нервно приладила волосы.

Из дома к нам заспешили люди, и я сразу заметила хозяйку. Я признала бы в ней Маккензи, даже если бы меня не предупредили, кто она такая. Крепкая, с высокими скулами и лбом, как у ее братьев, Колума и Дугала. И, как племянник, Иокаста была очень высокой.

Возвышаясь на голову над толпой чернокожих рабов, она проплыла по дорожке, опираясь на руку дворецкого. Странно, на вид она совершенно в поддержке не нуждалась.

Скорость и уверенность шагов никак не вязались с сединой. Наверное, раньше Иокаста была как Джейми – в ее волосах по-прежнему оставался рыжеватый оттенок. Правда, уже не яркий, а скорее золотистый.

Из гуци мальчишек донесся возглас, и двое галопом рванули к пирсу, где окружили нас, вереща, как щенки. Сперва я ничего не могла разобрать; я поняла, что мальчишки кричат по-гэльски, только когда Иэн шутливо им ответил.

Я не знала, думал ли Джейми над тем, что сказать или сделать при встрече, но в итоге он просто шагнул к Иокасте Маккензи и обнял ее со словами: «Тетушка... это я, Джейми».

А потом он отошел, и я увидела на его лице незнакомое прежде выражение – смесь счастья и благоговения. Я вдруг осознала, что, должно быть, Иокаста очень похожа на свою старшую сестру – мать Джейми.

Кажется, глаза ее были синими, хотя я не могла сказать наверняка – их застилала слезы радости. Иокаста, смеясь, гладила племянника по щеке.

– Джейми! – восклицала она раз за разом. – Джейми, малыш Джейми! Ох, парень, как же я рада тебя видеть! – Она удивленно коснулась его волос. – Пресвятая Дева, вот это ты вымахал! Прямо как мой братец Дугал!

Радость Джейми чуть померкла, но он продолжал улыбаться.

– Тетушка, позволь представить тебе мою жену Клэр.

Иокаста тут же протянула руку, и я обхватила ее ладонями. Какие знакомые длинные, сильные пальцы... Да, костяшки уже распухли, но кожа оставалась мягкой, а расслабленное касание так напомнило Брианну...

– Рада с вами встретиться, моя дорогая.

Иокаста притянула меня к себе и поцеловала в щеку. От платья женщины пахло мятой и вербеной, и мне вдруг странным образом почудилось, что теперь я под защитой некоего доброго божества.

– Какая красота! – восхитилась она, касаясь моего рукава.

– Благодарю, – ответила я.

Настал черед Иэна и Фергуса. Хозяйка и их поприветствовала объятиями и ласковыми словами, рассмеявшись, когда Фергус поцеловал ей руку на свой непревзойденный французский манер.

– Пойдемте, – наконец позвала Иокаста, вытирая влажные щеки тыльной стороной ладони. – Пойдемте же, мои хорошие, выпьем чаю и откушаем. Вы наверняка умираете от голода после такого пути. Улисс!

Дворецкий тотчас шагнул ближе с низким поклоном.

– Мадам, сэр, – обратился он ко мне и к Джейми. – Все готово, мисс Ио, – тихо сообщил он хозяйке и предложил ей руку.

Когда они зашагали обратно к дому, Фергус повернулся к Иэну и отвесил поклон, передразнивая учтливое дворецкого, а затем насмешливо предложил мальчишке руку. Иэн в отместку дал ему пинка под зад и пошел по дорожке, с любопытством разглядывая все вокруг. Зеленая лента успела развязаться и болталась на середине спины.

Джейми фыркнул, но все же улыбнулся.

– Мадам? – Он согнул руку в локте, и уж я не смогла ему отказать.

Мы торжественно двинулись по дорожке к приветливо распахнутым дверям поместья.

Внутри дом оказался очень просторным. Высокие потолки, широкие застекленные двери... Я уловила блеск серебра и хрустала, когда мы прошли мимо огромной парадной столовой. Наверное, Гектор Кэмерон был и в самом деле очень успешным плантатором.

Иокаста привела нас в свою личную гостиную, не такую большую, но не менее впечатляющую. Однако здесь, среди блеска мебели и украшений, встречались и домашние вещи. Например, на низком столике стояла корзина с вязаньем. За стеклянной вазой с летними цветами скрывался вычурный серебряный звоночек. Колесо прялки медленно крутилось на ветру, проникавшем сквозь открытые двери.

Дворецкий проследил, чтобы хозяйка уселась, и повернулся к буфету с целым рядом разнообразных кувшинов и бутылей.

– Ну что, глотнем в честь вашего приезда, Джейми? – Иокаста взмахнула узкой ладонью в сторону буфета. – Ты ведь приличного виски и в глаза не видел с тех пор, как покинул Шотландию, да?

Джейми рассмеялся, занимая место напротив.

– Так и есть, тетушка. А откуда он у вас?

Она пожала плечами, польщенно улыбаясь.

– Несколько лет назад твой дядюшка весьма удачно обзавелся приличным запасом. Он обменял склад табака на полкорабля вина и прочего спиртного, которое собирался продать... а потом Парламент запретил продавать в колониях все, что крепче эля, и у нас в погребе осталось две сотни бутылей!

Она вытянула руку к столику, даже не глядя. Да и зачем – дворецкий бесшумно опустил стакан прямо у пальцев хозяйки. Она поднесла его к носу и, прикрыв глаза, с наслаждением вдохнула аромат.

– Там еще полно. Куда больше, чем я могу выпить в одиночку, уж поверь! – Иокаста улыбнулась, подняв стакан. – За тебя, племянник, и твою дорогую жену – пусть мой дом станет домом и вам! *Slàinte!*

– *Slàinte mhar!* – отозвался Джейми, и мы все выпили.

Виски действительно оказался хорош. Мягкий, как маслянистый шелк, и согревающий, как солнечный свет. Янтарный напиток достиг желудка, и мне стало тепло.

Очевидно, Джейми почувствовал то же самое. Морщина на его лбу исчезла, лицо расслабилось.

– Улисс сегодня же вечером напишет письмо твоей сестрице, что вы добрались, – говорила Иокаста. – Наверняка она волнуется за своего паренька да гадает, сколько же бед выпадет вам по пути.

Джейми поставил стакан и прочистил горло:

– Ну, насчет бед... тетушка, боюсь, я должен признаться...

Я отвернулась, чтобы не смущать его еще сильнее, пока он вкратце рассказывал о печальном состоянии наших финансов. Иокаста внимательно слушала, но вскрикнула от ужаса, когда речь зашла о пиратах.

– Злодей, каков злодей! Так отплатить за доброту! Пусть болтается на виселице!

– Ну, я сам виноват, тетушка, – тоскливо сказал Джейми. – Он болтался бы... И раз уж я с самого начала знал, что он преступник, то не вправе удивляться, что он в итоге учинил разбой.

– Пф! – Иокаста выпрямилась, глядя на что-то за левым плечом Джейми. – Что было, то было, племянник. Я уже говорила: считайте «Горную реку» домом – и от своих слов не отказываюсь. Уверена, мы найдем способ поправить ваши дела.

– Спасибо, тетушка, – пробормотал Джейми. Он устался в пол, стискивая стакан так, что побелели костяшки.

К счастью, дальше разговор зашел о Дженни и ее семействе в Лаллиброхе, так что Джейми перестал столь сильно смущаться. Где-то готовили обед, и я мельком улавливала дразнящие запахи жареного мяса, которые ветерок приносил через лужайки и клумбы.

Фергус поднялся и, тактично извинившись, вышел, а Иэн принялся шататься ко комнате, то и дело трогая интересующие его предметы. Ролло наскучило сидеть в доме, и пес деловито принюхивался, устроившись на пороге под неприязненными взглядами дворецкого.

Обстановка казалась незамысловатой, но мастерски выполненной и красивой. Все стояло на своих местах, однако дело было не только во вкусе того, кто занимался обустройством. Что таилось за всем этим изяществом, я поняла, когда Иэн вдруг замер около большой картины.

– Тетушка Иокаста! – воскликнул мальчишка. – Это вы нарисовали? Тут ваше имя.

Сперва по ее лицу промелькнула тень, потом хозяйка дома снова улыбнулась.

– Горы? Да, всегда любила на них смотреть. Отправлялась с Гектором, когда ему нужно было в глубь страны, обменивать шкуры. Мы останавливались в горах и разводили огромный костер. Слуги днем и ночью поддерживали огонь – это был знак. Через несколько дней из леса выходили краснокожие дикари. Они все садились вокруг костра, пили виски и торговались... Я тоже часами сидела рядом, с альбомом и углями, рисовала все, что видела вокруг.

Она кивнула на дальний конец комнаты.

– Посмотри в том углу, парень. Найдешь индейца, которого я нарисовала среди деревьев?

Допив виски, Иокаста опустила стакан на стол. Дворецкий шагнул было снова, но она отмахнулась, даже не глядя в его сторону. Улисс поставил графин и незаметно исчез в холле.

– Да, я любила горы, – тихо повторила Иокаста. – Они не такие черные и голые, как в Шотландии, зато на камнях играет солнце, а между деревьями клубится туман... Временами они напоминают мне про Леох.

Она покачала головой и улыбнулась Джейми, правда, как-то слишком старательно.

– Это место уже давным-давно стало моим домом, племянник. Надеюсь, что ты тоже сочтешь его своим.

Джейми закивал, бормоча что-то благодарственное, пока его не прервал Ролло. Пес поднял голову и удивленно гавкнул.

– Чего ты, псина? – Иэн подошел к своему похожему на волка питомцу. – Что-то учуял? Ролло заскулил, всматриваясь в тень у клумбы. Шерсть на холке встала дыбом. Иокаста повернулась к открытой двери и шумно втянула воздух носом.

– Скунс, – сказала она.

– Скунс?! – Иэн в ужасе на нее уставился. – Они подходят так близко к дому?

Джейми мигом встал и взгляделся в сумерки.

– Не вижу его пока. – Он машинально потянулся к поясу, но кинжала там, конечно же, не было, поэтому Джейми обратился к Иокасте: – В доме есть оружие, тетушка?

Женщина удивленно распахнула рот.

– Да, полно. Но...

– Джейми, – начала я. – Скунсы не...

Прежде чем мы обе успели договорить, на клумбе шевельнулись цветы. Ролло зарычал.

– Ролло! – Оглянувшись, Иэн схватил кочергу и приблизился к двери.

– Иэн, подожди! – Джейми схватил уже занесенную руку племянника. – Смотри.

Он широко усмехнулся, указывая вниз. Из зарослей вдруг вылез совершенно уверенный в себе толстенький скунс, украшенный черно-белыми полосками.

– И это – скунс? – недоверчиво спросил Иэн. – Да этот мелкий вонючка не больше хорька! – Мальчишка сморщил нос. – Тьфу! А я-то думал там огромная опасная зверюга!

Довольную безмятежность скунса Ролло стерпеть уже не смог. Он рванул вперед и заметался по веранде, рыча и то и дело подсакивая к зверьку. Скунсу это явно пришлось не по душе.

– Иэн, – сказала я, спрятавшись за Джейми. – Позови собаку. Скунсы опасны!

– Правда? – удивленно обернулся Джейми. – Но что...

– Хорьки просто воняют, – пояснила я, – а скунсы... Иэн, стой! Оставь его в покое и зайди в дом!

Иэн из любопытства ткнул зверька кочергой. Скунс, обиженный таким нарушением личного пространства, топнул ногой и задрал хвост.

Я расслышала, как отодвинулось кресло, и увидела Иокасту. Она встала, встревоженная, однако к двери подойти не пыталась.

– В чем дело? Что они делают?

К моему изумлению, смотрела она в глубь комнаты, поворачивая голову туда-сюда, словно кого-то искала в темноте. И тут я все поняла. Зачем Иокаста опиралась на руку дворецкого, касалась лица Джейми, почему дворецкий подал стакан прямо ей в ладонь. Иокаста Кэмерон была слепа.

Вскрик и пронзительный визг заставили меня вновь повернуться к веранде. Комнату медленно окутала волна едкой вони, беспощадная и всепоглощающая, как ядерный гриб.

Задыхаясь, я со слезящимися глазами потянулась к Джейми, который что-то сдавленно бормотал по-гэльски. Среди всей этой какофонии из стонов и жалостливого воя раздался едва слышный «дзынь!» колокольчика.

– Улисс? – смиренно вздохнула Иокаста. – Скажи повару, что отобедаем мы попозже.

– По крайней мере, повезло, что сейчас лето, – сказала Иокаста на следующий день за завтраком. – Только подумайте, зимой нельзя было бы открыть все двери и проветрить! – рассмеялась она, сверкая удивительно хорошими для ее возраста зубами.

– Ага, – уныло согласился Иэн. – Мэм, а можно мне еще гренок?

Его и Ролло сперва заставили хорошенько отмокнуть в реке, а потом растерли помидорами с буйно разросшихся грядок. Сок этого овоща помогал избавиться не только от менее вонючих запахов, но и от следов скунсовой жидкости. Не до конца, конечно, но все же. Поэтому

Иэн одиноко сидел за дальним концом длинного стола, рядом с открытой дверью. Я заметила, как служанка, подававшая мальчишке тарелку, невольно сморщила нос.

Возможно, как раз из-за Иэна и желая подышать свежим воздухом Иокаста предложила прокатиться на лошадях к месту, где рабочие добывают терпентин в лесу над поместьем.

– Дорога туда и обратно займет день, но, думаю, погода не подведет. – Иокаста развернулась к открытому окну, где над золотарниками и флоксами жужжали пчелы. – Слышите? – Она как всегда странновато улыбнулась Джейми. – Пчелы говорят, что будет ясно и жарко.

– У вас острый слух, мадам Иокаста, – вежливо сказал Фергус. – Однако, с вашего позволения, я хотел бы взять лошадку и отправиться в город.

Я знала, что он умирает от желания отправить весточку Марсали на Ямайку. Прошлым вечером я помогла ему написать длинное письмо, в котором он рассказал обо всех наших приключениях. Ждать, пока раб отправит письмо вместе с недельной почтой, Фергус не хотел, а предпочел бы сделать это собственноручно.

– Естественно, мистер Фергус, – милостиво отозвалась Иокаста и улыбнулась всем сидящим за столом. – Как я уже говорила, будьте как дома.

Иокаста собиралась нас сопровождать. Она появилась в холле, одетая в костюм для верховой езды из темно-зеленого муслина. За ней следовала девушка по имени Федра. Она несла шляпку в тон одеянию и бархатную ленту. Иокаста шляпку надела не сразу, а подождала, пока Федра завяжет ей глаза лентой.

– Я вижу только свет, – пояснила Иокаста. – Совсем не различаю очертания. Но солнечный свет причиняет мне боль, поэтому во время прогулок приходится закрывать глаза. Готовы, дорогие мои?

Отчасти я получила ответы на свои мысли касательно ее слепоты, хотя пока и не разобралась во всем полностью. Пигментный ринит? Я продолжала с любопытством гадать, следуя за Иокастой по широкому холлу. Или макулодистрофия? Хотя больше похоже на глаукому... Уже не впервые – и явно не в последний раз – пальцы сами собой сжались на рукоятке невидимого офтальмоскопа.

Каково было мое удивление, когда в конюшне я увидела не экипаж, а лошадь, поседланную для Иокасты. Очаровывать лошадей было у Маккензи в крови. Кобыла подняла голову и заржала, увидев хозяйку. Иокаста тут же подошла к животному, светясь от радости.

– Ну, как дела, милая? – произнесла она, поглаживая мягкий лошадиный нос. – Познакомьтесь с моей дорогой Коринной. Разве не красавица?

Иокаста достала из кармана зеленое яблочко, которое кобыла с удовольствием приняла.

– А как там твое колено, душа моя? – Наклонившись, Иокаста пробежала ладонью по ее плечу и вниз по ноге, потом бережно нащупала заживающий шрам. – Что скажешь, племянник? Она здорова? Выдержит день в пути?

Джейми цокнул языком, и Коринна послушно шагнула, понимая, что он говорит на ее языке. Осмотрев ногу, Джейми взялся за уздечку, шепнул лошадке что-то по-гэльски и немного прошелся с ней. Потом остановил ее и, вскочив в седло, дважды объехал рысью дворик.

– Да, сможет, – кивнул Джейми наконец, спешившись возле Иокасты. – Живенькая кобылка. А что с ней случилось?

– Змея, сэр, – произнес конюх, молодой чернокожий мужчина, который внимательно наблюдал за Джейми и лошадью.

– Там ведь не укус, – удивилась я. – На порез похоже... будто она на что-то напоролась. Конюх вскинул брови, но кивнул с уважением.

– Да, мэм, так и есть. В прошлом месяце услышал вдруг, как эта красotka начала ржать как безумная да так лупить копытами, что я уж думал, вся конюшня рухнет мне на голову. Побежал к ней и увидел раздавленную змеюку, огромную и ядовитую. В соломе, под кормушкой. Вот ее-то наша малышка как раз в щепки и разнесла, а сама дрожала в углу. В ноге

кусочек деревяшки застрял, кровь рекой лилась... – Конюх с гордостью глянул на лошадь. – Ну до чего же ты у нас храбрая, малышка!

– Эта огромная и ядовитая змея была, наверное, в фут длиной, – довольно сухо сообщила мне Иокаста. – Обычный садовый уж. Однако глупое создание до смерти боится змей. Едва завидит, так сразу голову теряет. – Она с улыбкой кивнула на конюха. – Джош тоже их не любит, верно?

Конюх усмехнулся в ответ.

– Верно, мэм, терпеть не могу, прямо как наша красотка.

Иэн, внимательно слушавший беседу, все-таки не смог сдержать любопытство:

– Слушай, откуда ты родом, а? – Он зачарованно уставился на молодого конюха.

Джош вскинул бровь.

– Откуда родом? Я не... А, понял. Родился выше по реке, в доме мистера Джорджа Бернетта. Мисс Ио купила меня два года назад, на Пасху.

– Думаю, сам мистер Бернетт, скорее всего, родился неподалеку от Абердина, – тихонько сказал мне Джейми.

«Горная река» занимала огромную территорию, включая не только земли вдоль берега, но и значительную часть соснового бора, который покрывал треть колонии. К тому же Гектор Кэмерон предусмотрительно приобрел участок с широким ручьем, одним из многих, что впадали в Кейп-Фир.

Таким образом, владельцы плантации не только добывали ценные дерево, смолу и терпентин, но и легко могли доставлять их на рынок. Не удивительно, что плантация процветала, несмотря на достаточно скромные урожаи табака и индиго. Впрочем, мне пахучие табачные поля вовсе не казались скромными.

– Вот там у нас небольшая лесопилка, – объясняла Иокаста по пути. – Как раз у слияния ручья и реки. Там пилят и строгают древесину, а готовые доски и бочки отправляют баржей в Уилмингтон. По воде от дома до мельницы всего ничего, если, правда, грести против течения. – Она с удовольствием вдохнула пропитанный сосновым ароматом воздух. – Давно уже сюда не выбиралась.

Да, места здесь были прекрасные. В сосновом лесу даже стало прохладнее – густые иголки почти не пропускали солнечные лучи. Верхушки деревьев уходили ввысь. Их ветви росли на высоте двадцати-тридцати футов. Не удивительно, что, как оказалось, лесопилка поместья в основном изготавливала мачты и рей для Королевского флота.

Кроме них, «Горная река» вообще еще много что поставляла флоту, судя по рассказам Иокасты: доски, смолу, терпентин, деготь. Джейми держался рядом с тетушкой и внимательно ее слушал. Мы же с Иэном болтались позади. Очевидно, Иокаста много помогала мужу в делах поместья. Интересно, как она теперь справляется в одиночку?..

– Ого! – воскликнул Иэн. – Это что?

Остановившись рядом с лошадью мальчишки, я тоже уставилась на дерево, которое он показал. Кто-то вырезал огромный кусок коры, длиной в фута четыре или даже больше, и обнажил желтоватую древесину. На ней виднелись засечки елочкой, как будто этот «кто-то» основательно поработал ножом.

– Мы уже близко, – сказала Иокаста. Джейми заметил, что мы отстали, и они вернулись к нам. – Терпентиновое дерево? Я его чувствую.

Аромат изрезанной древесины и едкий запах смолы были столь сильны, что даже я смогла бы найти его с закрытыми глазами. Теперь, когда мы остановились, я начала различать звуки вдали – глухие удары, гул голосов. Вдохнув, я уловила еще один запах – в той стороне что-то жгли.

Иокаста подвела Коринну вплотную к дереву.

– Вот. – Женщина коснулась нижней части среза, где в древесине вдобавок зияла дыра. – Мы это называем ящиком; сюда стекает живица. Скоро придет раб, чтобы его опустошить – «ящик» уже почти полон.

Как только она договорила, среди деревьев возник мужчина в набедренной повязке. Он вел за собой крупного белого мула, навьюченного двумя бочонками. Завидев нас, мул замер как вкопанный, задрал голову и истерично заревел.

– О, это Кларенс, – пояснила Иокаста достаточно громко, чтобы мы ее услышали сквозь поднятый шум. – Он любит новых людей. А кто там с ним? Ты, Помпей?

– Дэ, мм, я. – Раб схватил мула за верхнюю губу и с силой дернул. – Зтнись, блдок!

Раб повернулся, и я поняла, почему он так глотает звуки. У него отсутствовала половина нижней челюсти: ниже скулы начинался провал, так что вместо щеки красовался белый шрам.

Наверное, Иокаста услышала мой изумленный вздох – или просто его ожидала – и повернулась в мою сторону.

– Взрыв смолы. Повезло, что Помпей вообще жив... Вперед, мы почти на месте.

Не дожидаясь помощи конюха, Иокаста умелым движением развернула лошадь и направилась туда, откуда доносился запах горелого.

Шумная рабочая площадка кардинально отличалась от тихого, спокойного леса. На огромной поляне, полной людей, кипела жизнь. Большинство были рабами, почти голыми и грязными.

– Есть кто под навесами? – повернулась ко мне Иокаста.

Я приподнялась на стременах. На дальнем краю поляны, под хлипкими навесами, мелькнуло что-то цветное. Я разглядела троих мужчин в форме британского флота и еще одного, в бутылочно-зеленом сюртуке.

– Мой особый друг. – Иокаста улыбнулась, выслушав их описание. – Мистер Фаркуард Кэмпбелл. Пойдем, племянник, хочу вас познакомить.

Вблизи мистер Кэмпбелл оказался человеком лет шестидесяти, среднего роста. Его кожа потемнела и загубела с возрастом, как бывает у некоторых шотландцев. Отнюдь не обветренная, а скорее загорелая, она напоминала поверхность щита, способного отразить острейший клинок.

Кэмпбелл с радостью приветствовал Иокасту, потом учтиво поклонился мне. Иэна он удостоил вскинутой бровью, а уж затем обратил все внимание серых глаз на Джейми.

– Рад вашему прибытию, мистер Фрейзер, – сказал он, протягивая руку. – Весьма, весьма рад. Много о вас слышал с тех пор, как узнал о вашем намерении посетить Ривер-Ран.

Как ни странно, Кэмпбелл, похоже, говорил совершенно искренне. Не то чтобы многим людям было неприятно встретиться с Джейми – он умел расположить к себе, – но в пылком приветствии Кэмпбелла звучало едва ли не облегчение. Необычное для такого внешне сдержанного и молчаливого человека.

Джейми даже если заметил, то виду не подал.

– Весьма польщен, мистер Кэмпбелл, – вежливо улыбнулся он и поклонился офицерам. – Господа, рад встрече.

Хмурый коренастый коротышка-лейтенант по фамилии Вульф и двое энсинов дежурно поклонились мне и Иокасте, а затем, тут же забыв о нас, завели беседу о футах древесины и галлонах терпентина.

Джейми вскинул бровь и едва заметно кивнул на Иокасту, предлагая нам с тетушкой прогуляться, пока мужчины обсуждают дела. Однако Иокаста и не думала двигаться с места.

– Осмотрись пока, дорогая, – попросила она. – Джош тебе все покажет. А я посижу в теничке, пока джентльмены общаются. Боюсь, сегодня чересчур жарко.

Под навесом обнаружился грубый стол с множеством стульев, где мужчины и устроились. Возможно, тут обедали рабы – пусть кругом вьются мухи, зато воздух свежий. Второй навес служил складом, а третий, обнесенный стенами, наверняка служил для ночлега.

За навесами, ближе к середине поляны, горели три больших костра. На них кипели здоровенные котлы.

– Тут терпентин варят, – объяснил Джош, подводя меня чуть ближе. – Часть в бочки заливают, – он кивнул на загруженную телегу рядом с навесами, – а из остального делают деготь. Господа с флота потом скажут, сколько им надо.

Возле котла на хлипком высоком стульчике восседал мальчишка лет семи-восьми и помешивал кипящее варево. Второй, повыше ростом, снимал верхний слой очищенного терпентина огромным черпаком и выливал в бочку.

Пока я наблюдала, вернулся раб с мулом. На пару с другим рабом он по очереди опустошил бочонки – едкая желтоватая жидкость потоком хлынула в котел.

– Ох, мэ, отойдите-ка. – Джош оттянул меня от костра. – Оно брызгается да бывает, что вспыхивает от огня, а ожоги вам ни к чему.

Живо вспомнив лицо того раба, я поспешно шагнула назад и оглянулась. Джейми, мистер Кэмпбелл и моряки выпивали и рассматривали что-то в ворохе бумаг, разложенных на столе.

А Иокаста Кэмерон стояла, прислонившись к стене навеса, как раз вне поля зрения мужчин. Она уже не притворялась уставшей, а изо всех сил прислушивалась к разговорам.

Джош заметил мое удивление и тоже повернулся к навесу.

– Мисс Ио ненавидит, что дела приходится решать не ей, – пробормотал он с сожалением. – Хотя сам я не слышал, Федра рассказывала, как хозяйка из себя выходит – ругается, ломает что ни попадя.

– Впечатляющее, должно быть, зрелище, – буркнула я. – Но разве не она все решает?

Мне казалось, что Иокаста, несмотря на слепоту, вполне справлялась и с домом, и с полями, и с людьми.

Теперь удивился уже Джош.

– О, это все чертов флот. Разве хозяйка не сказала, зачем вы сюда приехали?

Прежде чем я успела разобраться в увлекательном вопросе, зачем же Иокасте Кэмерон решать дела с британским флотом, сегодня и вообще, с дальнего конца поляны раздался крик. Я развернулась, и меня тут же чуть не сбили с ног несколько полуголых мужчин, рванувших к навесу.

На том конце поляны возвышался странный холм. Я давно его заметила, но все никак не находила минутки, чтобы спросить Джоша. Этот холм, в отличие от расчищенной поляны покрывала трава. Правда, какими-то клочками – то зеленая, то желтая или пожухлая, коричневая.

Едва меня осенило, что холм попросту покрыт срезанным дерном, он вдруг взлетел на воздух. Звук не было, разве что донесся смутный шум, похожий на чих великана; тем не менее ударная волна, долетев, коснулась моей щеки.

Однако выглядело это все, несомненно, как взрыв: с неба посыпались куски горелой древесины и земли. Кругом стоял крик, а Джейми с собеседниками вылетели из-под навеса, словно стайка перепуганных фазанов.

– Ты в порядке, саксоночка? – взволнованно схватил меня за руку Джейми.

– Да, – в замешательстве отозвалась я. – Что это было?

– Понятия не имею! – Джейми оглянулся. – Где Иэн?

– Не знаю. Ты же не думаешь, что он тут как-то поучаствовал?

Я стряхнула крошки угля с платья – на декольте остались черные полосы – и последовала за Джейми в небольшую толпу рабов, горячо обсуждавших что-то на дикой смеси гэльского, английского и каких-то африканских языков.

Иэна мы обнаружили с одним из энсинов. Они с интересом вглядывались в темнеющую дыру, которая образовалась на месте холма.

– Подобное часто случается, как я понимаю, – говорил моряк, когда мы подошли. – Впрочем, раньше я с таким не сталкивался... взрыв удивительной силы, не так ли?

– Что часто случается? – спросила я, выглядывая из-за спины Иэна.

В яме я рассмотрела почерневшие поленья, которые разметало силой удара.

– Смола взорвалась, – объяснил мне энсин, невысокий и розовощекий, примерно одного возраста с Иэном. – Видите ли, мэм, под огромным котлом смолы разводят костер. Потом закрывают все землей и дерном, чтобы сохранить жар, но оставляют щели для воздуха, иначе огонь потухнет. Смола выкипает и течет по деревянным желобам в бочку... видите? – Он указал на расколотый желоб, который висел над остатками разнесенного вдребезги бочонка. В воздухе стояла вонь горелого дерева и густой смолы, так что я пыталась дышать лишь ртом.

– Сложность в том, как поддерживать необходимый приток воздуха, – продолжил малыш-энсин, явно гордясь знаниями. – Слишком мало – и огонь потухнет. Слишком много – и он так разгорится, что воспламенит пары смолы, и все взорвется. Вот так, мэм. – Он с важным видом указал на ближайшее дерево. Силы удара хватило, чтобы кусок дерна попросту обернулся вокруг ствола, словно мохнатый желтый лишайник.

– Все зависит от правильной регулировки. – Энсин привстал на цыпочки, с любопытством оглядываясь. – А где же раб, который должен следить за огнем? Искренне надеюсь, беднягу не убило.

Я внимательно всматривалась в толпу, ища раненых, однако, кажется, все избежали травм... на этот раз.

– Тетушка! – воскликнул Джейми, вдруг вспомнив об Иокасте.

Он рывком обернулся к навесам, но тут же выдохнул. Иокаста, отчетливо заметная в зеленом платье, неподвижно стояла у стены.

Оцепеневшая от ярости – поняли мы, когда к ней добрались. Об Иокасте все позабыли в суматохе, поэтому она, слепая и беспомощная, не могла и пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы что-то предпринять. Ей оставалось лишь прислушиваться к шуму.

Я тут же вспомнила слова Джоша о характере Иокасты. Впрочем, она была слишком воспитанной, чтобы бушевать и сыпать ругательствами в обществе, как бы она ни злилась. Джош принялся бесконечно извиняться на богатом абердинском диалекте, что его не оказалось рядом. Иокаста нетерпеливо отмахнулась.

– Придержи язык, парень. Ты выполнял приказ. – Она помотала головой из стороны в сторону, будто пыталась увидеть что-то сквозь повязку на глазах. – Фаркуард, где вы?

Мистер Кэмпбелл шагнул ближе и положил ее руку себе на локоть.

– Ущерб мало, дорогая, – успокоил он Иокасту. – Никто не ранен, а лишились мы одного бочонка смолы.

– Хорошо, – слегка расслабилась Иокаста. – Где Бирнс? Я не слышу его голос.

– Надсмотрщик? – лейтенант Вульф стер пятна сажи с потного лица большим платком. – Я и сам хотел бы знать. Сегодня утром нас никто здесь не встретил. К счастью, вскоре прибыл мистер Кэмпбелл.

Фаркуард Кэмпбелл издал тихий неопределенный звук: мол, совсем он ни при чем.

– Полагаю, Бирнс на лесопилке. Кто-то из рабов упоминал, там что-то стряслось с пилой. Бирнс отправился проверить, не сомневаюсь.

Вульф надулся, будто считал сломанную пилу отнюдь не поводом не встретить его как положено. Судя по сжавшимся в тоненькую линию губам Иокасты, она думала так же.

Джейми кашлянул и вытащил из моих волос травинку.

– Тетушка, я где-то тут видел корзину с обедом. Может, угостите лейтенанта, пока я все улажу?

Он попал в точку. Губы Иокасты разжались, а Вульф заметно повеселел при упоминании еды.

– Твоя правда, племянник. – Иокаста выпрямилась, вернув прежнее самообладание, и кивнула на голос Вульфа. – Лейтенант, не будете ли вы столь любезны присоединиться?

За обедом я выяснила, что лейтенант приезжал на место выработки терпентина раз в три месяца и подписывал некий контракт на поставку флоту определенных запасов. В обязанности лейтенанта входило составлять похожие договоры с владельцами плантаций от Кросс-Крика до границ с Вирджинией, и Вульф не скрывал, которую часть колонии он предпочитает.

– Только в одной области я признаю превосходство шотландцев, – напыщенно заявил он, отхлебнув уже из третьей кружки виски, – а именно – в производстве спиртного.

Фаркуард Кэмпбелл сделал очередной глоточек и сухо улыбнулся. Иокаста сидела с ним рядом на шаткой скамеечке. Пальцы женщины, чуткие, как сейсмограф, невесомо покоились на его руке.

Вульф безуспешно попытался подавить отрыжку и повернулся ко мне, очевидно, решив каким-то чудом очаровать.

– В остальном, – продолжил он, доверительно наклоняясь, – они одновременно и ленивы, и упрямы. А эти черты делают их неспособными...

Закончить мысль ему не удалось. Младший энсин, красный от смущения, уронил миску с яблоками. Правда, к сожалению, с темы лейтенант все равно не сошел. Он промокнул пот, сочащийся из-под парика, и уставился на меня налитыми кровью глазами.

– Как я понимаю, мэм, вы не шотландка? Голос у вас крайне мелодичный, говорите грамотно, если позволите. У вас ни капли этого варварского произношения, в отличие от ваших спутников.

– А-а... благодарю, – пробормотала я, гадая, какой же дурень отправил лейтенанта в долину Кейп-Фир – возможно, крупнейшее поселение шотландцев в Новом Свете. Становилось понятно, почему Джош так говорил про «чертов флот».

Улыбка Иокасты казалась приклеенной. Мистер Кэмпбелл едва заметно вскинул седую бровь, сохраняя суровый вид. Вероятно, никто не оценит, если я вгоню лейтенанту в сердце нож для фруктов... по крайней мере, пока сей джентльмен не подпишет бумаги. Поэтому я не придумала ничего лучше, чем до краев налить ему виски.

– Потрясающий вкус, верно? Еще капельку, лейтенант?

Виски действительно был отличным, мягким и согревающим. И очень дорогим. Я с одобряющей улыбкой повернулась к младшему энсину. А лейтенант пусть себе надирается.

Разговор не клеился, но инцидентов больше не случилось. Энсины с беспокойством следили за эволюцией состояния пьяницы-лейтенанта, развернувшейся прямо на их глазах. Неудивительно. Им же потом придется усадить его в седло и доставить в Кросс-Крик целым и невредимым. Становилось понятно, зачем их при нем двое.

– Мистер Фрейзер успешно справляется, – пробормотал старший энсин, кое-как пытаюсь возобновить беседу. – Да, сэр?

– А? А-а... Несомненно.

Вульфа уже не интересовало ничего, кроме дна кружки, но энсин был прав. Пока все мы обедали, Джейми на пару с Иэном ухитрился возобновить порядок на поляне, вернуть всех к работе и собрать обломки. Теперь он, стянув камзол, помогал сбросить полусгоревшие поляны обратно в яму. Я ему завидовала. Уж лучше бревна, чем лейтенант Вульф.

– Да, он неплох. – Фаркуард Кэмпбелл окинул поляну беглым взглядом.

Затем он оценил состояние Вульфа и мельком сжал ладонь Иокасты. Не повернув головы, она обратилась к Джошу, который тихонько притаился в углу:

– Мой мальчик, положи-ка вторую бутылку в седельную сумку лейтенанта. Не хочу, чтобы она пропала.

Иокаста очаровательно улыбнулась Вульффу, причем вполне убедительно – глаз-то он видеть не мог.

Мистер Кэмпбелл прокашлялся:

– Раз уж вы скоро отправитесь в путь, сэр, может, уладим все вопросы сейчас?

Вульф смутно удивился, услышав, что скоро куда-то отправится, зато энсины с готовностью взвились на ноги и полезли за бумагами. Один вытащил походный письменный набор и заточил перо. Мистер Кэмпбелл извлек из кармана сложенный лист и развернул на столе, готовый к подписи.

Вульф покачнулся, хмуро уставившись на лист.

– Вот здесь, сэр, – буркнул старший энсин, вкладывая перо в его обмякшую руку.

Лейтенант схватил кружку и осушил до последней капли. Затем бахнул ею об стол и с отсутствующей улыбкой обвел всех мутным взглядом. Младший энсин зажмурился.

– Ну, почему бы и нет? – бросил Вульф и обмакнул перо в чернильницу.

– Не желаешь ли ты первым делом вымыться и сменить одежду, племянник? – Иокаста осторожно шевельнула носом. – От тебя ужасно несет смолой и углем.

Хорошо, что она его не видела. Руки были черными. Новая рубашка превратилась в грязные лохмотья. Лицо покрывала сажа, словно он трубы чистил. Там, где кожа не почернела, она покраснела. Джейми забыл про шляпу, работая в самый разгар дня, и теперь его переносица напоминала сваренного лобстера.

– Омование может подождать. Сперва я хочу разобраться в вашем небольшом представлении. – Джейми уставился на Кэмпбелла. – Меня заманивают в лес понюхать терпентина, а прежде чем я успеваю понять, что к чему, я оказываюсь за столом с британскими моряками, киваю и мотаю головой в ответ на вопросы, в которых ни черта не смыслу. Да еще меня пинают под столом, как дрессированную обезьянку!

Иокаста улыбнулась. Кэмпбелл вздохнул. Несмотря на тяжелый день, на его аккуратном сюртуке не виднелось ни пылинки, а старомодный парик ровнехонько сидел на голове.

– Примите мои извинения, мистер Фрейзер, за то, что такой честный человек, как вы, может посчитать ужасным мошенничеством. Ваш приезд пришелся как нельзя кстати. Однако на обстоятельную беседу времени не оставалось. До вчерашнего вечера я находился в Аверсборо, а когда получил известие о вашем прибытии, ехать сюда уже было поздно, так что ознакомить вас с положением дел я не мог.

– Да ну? Хорошо, теперь у нас времечко есть. Объясняйте сейчас, – произнес Джейми.

Я расслышала, как на последнем слове клацнули его зубы.

– Может, сперва присядешь? – Иокаста грациозно взмахнула рукой. – Объяснения затянутся, а у тебя был тяжелый день, правда?

Из ниоткуда возник Улисс с льняной простыней на руке. Он широким взмахом накрыл кресло и жестом пригласил Джейми присесть.

Джейми прищурился. Он и в самом деле устал за день. На ладонях, среди сажи, виднелись мозоли, пот прочертил дорожки на грязном лице и шее. Джейми медленно опустился на предложенное место и принял серебряный бокал.

Похожий бокал, словно по волшебству, оказался и в моей руке. Я благодарно улыбнулась дворецкому. Конечно, я не таскала бревна, но долгая дорога верхом оставила меня без сил. Я сделала большой глоток. Прохладный сидр пощипывал язык и мгновенно утолял жажду.

Джейми тоже приложился к бокалу и немного успокоился.

– Ну, мистер Кэмпбелл?

– Дело во флоте... – начал он.

Иокаста фыркнула.

– Дело в лейтенанте Вульфе, ты хотел сказать.

– С нашей точки зрения, это одно и то же, Ио, ты сама прекрасно знаешь, – резко заметил Кэмпбелл и снова повернулся к Джейми.

Основные доходы поместье получало от продажи древесины и терпентина. А самым крупным и ценным покупателем был Королевский военно-морской флот.

– Увы, флот уже не таков, как раньше, – с сожалением покачал головой Кэмпбелл. – Во время войны с Францией им не хватало материалов, и любой владелец лесопилки тут же становился богачом. Однако десять лет царит мир, поэтому корабли попросту гниют... Адмиралтейство не строило новых лет пять. – Невыгодные последствия мирного времени заставили его вздохнуть.

Впрочем, флот все же нуждался в других материалах – в смоле, терпентине и балках. Когда необходимо поддерживать на плаву протекающие корабли, есть спрос на деготь. Тем не менее рынок ужасно просел, и флот теперь мог выбирать, с кем иметь дело. А больше всего там ценили благонадежность – договоры перезаключались каждые три месяца, после проверки, которую проводил старший офицер, в здешнем случае – Вульф. С ним всегда было сложно иметь дело, но Гектор Кэмерон ловко находил подход.

– Гектор с ним пил, – прямо заявила Иокаста. – А уезжал Вульф неизменно с бутылкой и еще кое-чем в седельной сумке.

Смерть Гектора Кэмерона, похоже, серьезно подкосила дела поместья.

– И не только потому, что взятки стало меньше, – произнес Кэмпбелл, покосившись на Иокасту.

Лейтенант Вульф якобы явился выразить соболезнования вдове Кэмерона, весь при параде и в сопровождении энсинов. А потом вернулся на следующий день уже один – с предложением выйти за него замуж.

Джейми подавился сидром.

– Его интересовала не я, – скривилась Иокаста, – а моя земля.

Джейми мудро промолчал, разглядывая тетушку изменившимся взглядом. Узнав предысторию, я подумала, что Иокаста права. Вульф хотел прикарманить доходную плантацию, которая может приносить еще больше за счет договоров с флотом, о чем он позаботится лично. В то же время и сама Иокаста была весьма лакомым призом.

Несмотря на слепоту, она оставалась довольно привлекательной. И ее красота не ограничивалась физической стороной; она обладала такой жизненной силой, что рядом с ней вспыхивал даже такой сухарь, как Фаркуард Кэмпбелл.

– Теперь мне понятнее поведение лейтенанта за обедом, – заметила я с любопытством. – Ад не так страшен, как женщина, которую отвергли, но и мужчинам это не очень по душе.

Иокаста удивленно повернулась. Кажется, она забыла о моем присутствии. А вот Фаркуард Кэмпбелл рассмеялся.

– В самом деле, миссис Фрейзер, не по душе, – заверил он меня. – Мы хрупкие создания, бедняги. А вы, дамы, играете нашими чувствами.

Иокаста совершенно не по-дамски фыркнула.

– Чувства, как же! У этого мужлана чувства только к бутылке.

Джейми разглядывал мистера Кэмпбелла с неким интересом.

– Раз уж вы заговорили о чувствах, тетушка, – осторожно промолвил он, – то могу я поинтересоваться намерениями вашего особого друга?

Мистер Кэмпбелл уставился на Джейми.

– Дома меня ожидает жена, сэр, – сухо сообщил он, – и восемь детишек. Старший, пожалуй, вашего возраста. Я знал Гектора Кэмерона более тридцати лет и стараюсь поддерживать его жену ради той дружбы... и дружбы с ней.

Иокаста коснулась его руки. Да, она не могла выражать мысли взглядами, зато явно осознавала, какое впечатление произведут опущенные ресницы.

– Фаркуард мне очень помогает, Джейми, – сказала она с едва слышным упреком. – Без него я не смогла бы справиться после смерти бедного Гектора.

– Да-да. – В голосе Джейми послышалась ироничная нотка. – Уверен, мне тоже стоит вас за это благодарить, сэр. Однако меня по-прежнему терзает вопрос... что за роль вы отвели в этой истории мне?

Кэмпбелл тихонько кашлянул и продолжил рассказ.

Иокаста отвергла лейтенанта, а потом изобразила обморок от переживаний и горя. Слуги отнесли ее в спальню, где она заперлась и не выходила, пока лейтенант не покончил с делами в Кросс-Крике и не вернулся в Уилмингтон.

– В тот раз за бумаги отвечал Бирнс – и ох! – он там устроил путаницу, – вставила Иокаста.

– А, мистер Бирнс, невидимый надсмотрщик... Где же он был этим утром?

В комнату вошла служанка с полотенцем и тазом теплой ароматной воды. Девушка молча опустилась на колени возле Джейми и принялась бережно стирать с его ладоней сажу. Джейми несколько удивился такому вниманию, но разговор его увлек больше, и он не стал прогонять служанку.

Кэмпбелл криво усмехнулся.

– Надсмотрщик из Бирнса хороший, вот только боюсь, у них на пару с лейтенантом есть одна слабость. Я первым делом послал за ним на лесопилку, но раб вернулся и доложил, что Бирнс без чувств лежит у себя, от него несет спиртным, и его никак не добудишься.

Иокаста снова не по-дамски фыркнула, и Кэмпбелл с нежностью на нее посмотрел.

– Ваша тетушка вполне способна управлять делами поместья, а Улисс помогает ей с документацией. Однако, как вы уже убедились, – он сдержанно указал на таз с водой, которая теперь напоминала чернила, – есть и иные стороны.

– Именно это и доказывал мне лейтенант Вульф. – Иокаста сжала губы, вспоминая. – Что я не смогу управлять землями в одиночку, ведь я не просто женщина, а еще и слепая. Я не смогу, говорил он, рассчитывать на Бирнса, ведь я не способна отправиться на лесопилку и проверить, чем он там занимается. Или не занимается. – Иокаста стиснула зубы.

– В его словах есть доля истины, – с сожалением добавил Кэмпбелл. – Как у нас говорят, счастлив тот, у кого есть достаточно взрослый сын, чтобы на него положиться. Когда дело касается денег или рабов, доверять можно лишь близким родственникам.

Я глубоко вздохнула и глянула на кивнувшего Джейми. Наконец мы дошли до главного.

– И тут, – сказала я, – вступает Джейми. Так?

Иокаста уже договорилась, что с лейтенантом будет разбираться Фаркуард Кэмпбелл, причем Бирнса следует отправить подальше, чтобы он опять не напортачил с бумагами. А когда так удачно подвернулись мы, у Иокасты созрел куда лучший план.

– Я отправила весточку Фаркуарду, чтобы он сообщил Вульфу о прибытии моего племянника, который возьмет на себя управление поместьем. Поэтому лейтенант действовал осмотрительнее, – объяснила она. – Он не осмелился бы давить на меня в присутствии заинтересованного родственника.

– Ясно. – Джейми слегка развеселился. – То есть лейтенант решил, что я отбираю у него возможность удобно здесь устроиться. Не удивительно, что он с ходу проникся ко мне антипатией. А я-то думал, он просто ненавидит всех шотландцев.

– Полагаю, так оно и есть... теперь. – Кэмпбелл тщательно промокнул губы платком.

Иокаста потянулась через стол, и Джейми по наитию протянул ей руку.

– Ты меня простишь, Джейми? – Сжав его ладонь, Иокаста как бы заглянула племяннику в лицо. И не скажешь, что слепая – такая мольба застыла в прекрасных синих глазах. – Я

ничего о тебе не знала, понимаешь? И не могла рисковать. Вдруг ты отказался бы участвовать в обмане, объясни я заранее? Прошу, скажи, что не держишь на меня зла, Джейми, хотя бы ради памяти о милой Эллен.

Джейми мягко сжал ее пальцы, заверяя, что ничуть не сердится. Что он и в самом деле рад, что пригодился тетушке и та может всегда на него рассчитывать.

Мистер Кэмпбелл, просияв, позвонил колокольчиком. Улисс внес бутылку особого виски и поднос с хрустальными бокалами, а также блюдом с острыми закусками. Мы все выпили за посрамление британского флота.

А я все вглядывалась в красивое лицо, выразительное, несмотря на слепоту, вспоминая, как Джейми однажды кратко описал мне свою семью:

«Фрейзеры – упертые и крепкие, как скалы. А Маккензи очаровательные, как жаворонки в поле... и в то же время хитрые, как лисы».

– Ну и где ты был? – поинтересовался Джейми, окинув Фергуса с головы до ног внимательным взглядом. – Не думал, что у тебя были деньги на то, чем ты, кажется, занимался.

Фергус пригладил растрепавшиеся волосы и сел, преисполненный оскорбленного достоинства.

– Встретил в городе парочку французов, торговцев мехами. Они почти не говорят по-английски, а я-то бегло умею, так что не мог не помочь им в делах. Они любезно пригласили меня разделить с ними ужин на постоялом дворе... – Он приподнял плечо, чисто французским жестом показывая, что обсуждать тут больше нечего, и потянулся за пазуху. – Пришло в Кросс-Крик на ваше имя. – Фергус протянул Джейми конверт. – Почтмейстер попросил захватить с собой.

Конверт был толстым, с раскрошившейся сургучной печатью, и выглядел он, в общем, немногим лучше самого Фергуса. Джейми просиял, но открыл конверт с некой опаской. Выпало три письма. В одном я узнала почерк Дженни. Остальные явно написал кто-то другой.

Джейми осторожно взял сестрино, словно оно вот-вот взорвется, и положил его на стол, возле вазы с фруктами.

– Начну-ка я с письма Иэна, – пояснил он с усмешкой. – Вряд ли я пойму, что мне хочет сказать Дженни, без стакана виски под рукой.

Он скovyрнул печать кончиком серебряного ножа для фруктов и просмотрел первый лист.

– Интересно, он... – и Джейми умолк, принявшись за чтение.

Поднявшись, я пристроилась за спинкой кресла и с любопытством заглянула через плечо Джейми. Почерк у Иэна Мюррея был крупный, отчетливый и легко читался даже с расстояния.

Дорогой брат!

У нас все в порядке, и мы благодарим Господа за известие о вашем благополучном прибытии в колонию. Отправляю это письмо Йокасте Кэмерон, а если ты его получишь в ее присутствии, то Дженни просит передать тетушке наилучшие пожелания.

Как ты уже понял по содержимому конверта, моя жена сменила гнев на милость и перестала поминать дьявола, как только речь заходит о тебе. И я больше не слышу упоминаний о кастрации, что должно тебя обрадовать.

Ну, шутки в сторону. Ее сердце наполнилось радостью, как и мое, когда мы узнали, что Иэн в безопасности. Думаю, ты познаешь всю нашу благодарность, когда доставишь его домой, так что не буду утомлять тебя бесконечными повторами, хотя, честно сказать, я мог бы написать на эту тему целый роман.

Мы стараемся следить, чтобы все были сыты. Ячмень сильно побило градом, а в деревне бушует дизентерия. Она в этом месяце унесла жизни двоих детишек, к горю их родителей: Анни Фрейзер и Аластера Кирби, упокой Господь их невинные души.

Из радостных известий скажу о том, что мы получили весточку от Майкла из Парижа. Его винное дело процветает, а сам он подумывает о женитьбе.

Счастлив поделиться с тобой новостью о рождении моего очередного внука, Энтони Брайана Монтгомери Лайла. Воздержусь от дальнейшего рассказа, за меня это в красках сделает Дженни. Она без ума от мальшиа, как и все мы. Его отец, Пол – муж Мэгги, – солдат, так что Мэгги с Энтони живут у нас в Лаллиброхе. Сейчас Пол во Франции, и мы каждый вечер молимся, чтобы он оставался там, в относительно мирном месте, а не отправился в опасные колонии или дикие дебри Канады.

На этой неделе нас посетил Саймон, лорд Ловат, со спутниками. Он снова ищет желающих пополнить полк горцев под его командованием. Возможно, ты еще услышишь о нем в колониях, где, как я понял, они приобрели некую репутацию. Саймон много рассказывал об их храбрых сражениях с индейцами и грязными французами, и некоторые из его историй, несомненно, правдивы.

Джейми усмехнулся и перевернул страницу.

Своими рассказами он совершенно вскружил головы Генри и Мэттью, впрочем, как и Джозефине.

– Старшая дочь Китти, – пояснил Джейми мне.

Она так вдохновилась, что организовала налет на курятник, из которого она и ее кузены вернулись все по уши в перьях и вдобавок измазанные грязью с грядок, которую они использовали для боевой раскраски.

Так как они все хотели быть дикарями, мне, Джейми-младшему и мужу Китти, Горди, пришлось взять на себя роль отряда горцев, которых забрасывали томагавками (столовыми ложками и черпаками) и еще чем попало. Мы же отважно защищались палашами, то есть рейками и ивовыми прутиками.

Я предотвратил план врага поджечь соломенную крышу голубятни горящими стрелами, но в итоге был приговорен к снятию скальпа. Мне льстит, что я перенес сию процедуру куда лучше, чем курицы.

Письмо продолжалось в том же духе. Много новостей из жизни семьи, еще больше рассказов о делах фермы и отчетов о событиях в крае. Эмиграция, как писал Иэн, стала настоящей эпидемией. Например, практически все жители деревни Шегли вдруг решили уехать.

Джейми дочитал и отложил письмо в сторону. Он улыбался с мечтательной дымкой в глазах, как будто видел перед собой прохладные туманы и камни Лаллиброха, а не жаркие и влажные джунгли, нас окружавшие.

На втором письме я тоже различила почерк Иэна, правда, под синей сургучной печатью стояла пометка «Личное».

– А это что такое? – пробормотал Джейми, разламывая печать.

Приветствия вверху уже не было – очевидно, Иэн просто продолжил предыдущее послание.

А теперь, брат, хочу кое-что тебе сообщить и пишу отдельно, дабы ты смог поделиться основным письмом с Иэном.

В последнем своем письме ты говорил, что посадишь Иэна на корабль в Чарльстоне. Если это уже случилось, то мы, конечно же, будем с радостью ждать его прибытия. Однако если вдруг Иэн еще не покинул вашу компанию, то мы бы хотели, чтобы он и далее там оставался, если, конечно, мальчишка не слишком досаждаст вам с Клэр.

– Не слишком досаждаст, – пробормотал Джейми, слегка раздувая ноздри, и выглянул в окно.

Иэн и Ролло боролись с двумя юношами-рабами. Хохочущий клубок из конечностей и виляющего хвоста катался туда-сюда по траве.

– Угу.

Джейми вновь повернулся к окну спиной и продолжил читать.

Я упоминал Саймона Фрейзера и причину его появления здесь. Военные сборы тревожат нас уже некоторое время, хотя зачастую до нас дело попросту не доходит – к счастью, живем мы удаленно.

Ловат без труда подговаривает парней идти на службу к Королю. Мол, что их тут ждет? Нищета, нужда и никаких надежд на лучшую жизнь. Так зачем оставаться здесь, когда своих земель у них нет да вдобавок запрещено носить тартан и оружие, как подобает мужчине? Почему бы не ухватиться за возможность вернуть свою честь – пусть даже придется носить тартан и меч под знаменами немецкого узурпатора?

Иногда мне думается, что вот он, весь ужас ситуации: нам не просто предлагают убивать во имя несправедливости, без надежды на исцеление и спасение; наших юношей, нашу надежду и будущее, уводят и убивают ради завоеваний, за крошечную монетку взамен гордости.

Джейми глянул на меня, вскинув бровь.

– А по Иэну и не скажешь, что в душе он такой поэт, да?

Затем текст обрывался. Продолжение, внизу страницы, уже не было таким отчаянным и злым, не было и клякс с царапинами, где перо продирало лист. Почерк Иэна вновь стал аккуратным и чистым.

Должен попросить прощения за излишнюю страсть. Не хотел наговорить столько, но соблазн открыть тебе сердце, как всегда, слишком велик. Я не могу рассказать обо всем Дженни, хотя она, скорее всего, догадывается.

Я становлюсь болтлив... Ладно, к делу. Джейми-младший и Майкл достаточно хорошо устроились. По крайней мере, мы не опасаемся, что их соблазнит солдатская доля. Чего не могу сказать о Иэне. Ты знаешь парня и его любовь к приключениям. Работы здесь для него нет. Он не способен стать ученым мужем, не смыслит в торговле. Как ему жить в мире, где перед ним лежит выбор – нищета или война? А иное вряд ли появится.

Мы хотим, чтобы Иэн остался с тобой, если ты его примешь. Может, у парня будет больше возможностей в Новом Свете, чем дома. Даже если нет, то хотя бы его матери не придется лицезреть страшную картину, как ее сын в строю уходит сражаться.

Не могу представить лучшего опекуна или лучший пример для него, чем ты. Знаю, что прошу многого. Но все же надеюсь, что и для тебя найдется

выгода в данной ситуации, не говоря уже о ни с чем не сравнимом удовольствии от компании Иэна.

– Поэт и любитель поиронизировать, – заметил Джейми, снова взглянув на мальчишек за окном.

Опять пустое место на листе. Ниже, где текст продолжился, заново отточенное перо вывело тщательно подобранные слова.

Брат мой, я откладывал письмо, чтобы отдохнуть и изложить мысли четко и ясно. Честно говоря, я дюжину раз брался за перо, но все сомневался, стоит ли вообще об этом упоминать... Боюсь тебя обидеть, в то время как нуждаюсь в твоём расположении. Однако не могу смолчать.

Я уже упоминал Саймона Фрейзера. Он человек честный, несмотря на грехи отца. Я знал его с тех самых пор, как мы все были мальчишками (порой кажется, это было только вчера, а потом я понимаю, сколько минуло лет). Теперь в нём появилась жесткость, стальной блеск в глубине глаз, чего я никогда не замечал до Каллодена.

И меня снедает тревога – ты осознаешь всю мою любовь к тебе, и лишь это придает мне смелости говорить дальше: я видел подобную сталь и в твоих глазах, брат мой.

Мне слишком хорошо знакомо то, что сковывает сердце мужчины льдом, ожесточает его взгляд. Надеюсь, ты простишь меня за прямоту, однако после Каллодена я много раз ловил себя на мысли, что опасаясь за твою душу.

Я никогда не говорил об этом с Джени, хотя она тоже заметила. Она женщина и видит в тебе многое, что недоступно моему взору. Думаю, именно этот страх и заставил ее швырнуть Лири в твои объятия. Я верил, что это плохой выбор, но... (здесь несколько строк Иэн намеренно залил чернилами). Тебе повезло с Клэр.

– М-да, – только и сказал Джейми, глянув на меня.

Я стиснула его плечо и наклонилась, чтобы дочитать.

Уже поздно, и я несу чепуху. Саймон... Забота о его людях – единственное, что сохраняет в нем остатки человечности. У него нет ни жены, ни детей, ни родни, ни очага. Все его наследство – в руках у захватчика, которому он служит. В таком человеке пылает пламя, но в груди его нет сердца. Надеюсь, что мне никогда не придется сказать подобное ни о тебе, ни об Иэне.

Таким образом я веряю вас друг другу, и пусть Господь – и моя любовь – хранит вас от напастей.

Напиши, как только сможешь. Мы жаждем узнать, как твои дела в столь непривычных местах, где ты нынче обитаешь.

*Твой крепко любящий брат,
Иэн Мюррей*

Джейми аккуратно свернул письмо и спрятал его в складках сюртука.

– М-да, – сказал он.

Глава 11

Закон о пролитой крови

Июль 1767 года

Постепенно я привыкла к ритму жизни поместья. Присутствие рабов меня смущало, и я редко прибегала к их услугам – сама брала и приносила необходимые вещи.

В доме обнаружилась небольшая комнатка, точнее чулан, где висели сушеные травы и хранились лекарства. Правда, маловато – несколько горшков с корнями одуванчика и ивовой коры да открытые мешочки для припарок, припорошенные пылью. Иокаста призналась, что рада моему желанию использовать ту комнатку, ведь сама она не обладала медицинскими талантами, равно как и рабы.

– Есть женщина, которая подает надежды в данной области, – проговорила Иокаста, вытягивая шерстяную нить под тихое шуршание прялки. – Ее привезли из Африки несколько месяцев назад, так что у нее ни соответствующей речи, ни манер. Я думала ее обучить, но раз уж вы здесь... Ох, теперь нить слишком тонкая!

Пока я по несколько часов в день беседовала с Иокастой и пыталась обучиться искусству прядения, Джейми проводил время с Улиссом, который не только служил глазами Иокасты и мажордомом, но и, очевидно, занимался всей бумажной волокитой после смерти Гектора Кэмерона.

– И он неплох, – поведал мне Джейми, когда мы остались наедине. – Был бы белым, у тетушки не возникало бы проблем с управлением делами. Ну а так...

– Ну а так ей повезло, что ты теперь здесь, – заметила я, принюхиваясь.

Джейми целый день провел в Кросс-Крике – занимался неким сложным обменом, включившим в себя бруски индиго, бревна, три пары мулов, пять тонн риса и сохранную расписку на позолоченные часы, так что сюртук и волосы Джейми пропитались уймой новых запахов.

– Помогаю чем могу, – ответил он, не отрывая взгляда от ботинка, который чистил, и на миг сжал губы. – Все равно больше дел нет, верно?

– Званный ужин! – объявила Иокаста через несколько дней. – Я должна устроить настоящий праздник и представить вас двоих всему местному народу.

– Не стоит, тетушка, – мягко возразил Джейми, отрываясь от книги. – Думаю, я и так с большинством перезнакомился на прошлой неделе. По крайней мере, с мужской половиной, – добавил он, улыбнувшись мне. – Впрочем, Клэр не помешает встретить местных дам.

– Было бы неплохо познакомиться с кем-нибудь еще, – признала я. – Не то что бы мне не хватало занятий, – заверила я Иокасту, – но...

– Они вас не очень-то интересуют, – улыбнулась та, сглаживая резкость слов. – Вижу, вам не совсем по душе шитье и вязание.

Иокаста вытащила из корзины зеленый клубок шерсти, которому предстояло превратиться в шаль. Каждое утро служанка раскладывала клубки в особом порядке, так что Иокаста могла отсчитать и взять нужный цвет.

– Ага, такое ей точно не по нраву. – Джейми захлопнул книгу. – Клэр больше любит шивать вспоротую плоть. Думаю, она тут со скуки с ума скоро сойдет, ведь в ее заботы входит разве что разбитую голову осмотреть да геморрой вылечить.

– Ха-ха, – язвительно фыркнула я, хотя он был прав.

Меня, конечно, радовало, что обитатели поместья в целом здоровы и хорошо питаются, но что мне делать как врачу? Я ни в коем случае не желала никому зла, однако не могла отрицать, что действительно начинаю лезть на стенку. Как и Джейми...

– Надеюсь, Марсали в порядке, – сменила я тему.

Наконец, убедившись, что некоторое время Джейми сможет обойтись и без его помощи, Фергус отправился в Уилмингтон прошлым днем, а оттуда собирался пересесть на корабль до Ямайки. Если все пройдет хорошо, весной он вернется с Марсали и – если на то будет божья воля – с новорожденным ребенком.

– И я, – сказал Джейми, – говорил Фергусу, что...

Иокаста резко повернула голову к двери.

– Что там, Улисс?

Увлеченная разговором, я не расслышала шаги и в который раз поразились остроте слуха Иокасты.

– Мистер Фаркуард Кэмпбелл, – тихо ответил дворецкий и отступил к стене.

Наверное, Кэмпбелл и в самом деле был вхож в этот дом, ведь ему не пришлось ждать позволения войти. Он попросту проследовал за дворецким в гостиную, небрежно зажав шляпу под мышкой.

– Ио, миссис Фрейзер, – коротко поклонился он нам. – К вашим услугам, сэр, – кивнул он Джейми.

Мистер Кэмпбелл прибыл верхом, причем явно спешил – полы сюртука покрывал плотный слой дорожной пыли; по лицу из-под криво натянутого парика стекал пот.

– В чем дело, Фаркуард? Что-то стряслось? – Иокаста взволнованно подалась вперед.

– Да, – коротко бросил Кэмпбелл. – Несчастный случай на лесопилке. Я прибыл попросить миссис Фрейзер...

– Конечно! Позвольте только взять инструменты. Улисс, не могли бы вы организовать мне лошадь? – Я взвилась на ноги, ища взглядом сброшенные домашние туфли. Одежда на мне для езды верхом не подходила, но, судя по виду Кэмпбелла, переодеваться было некогда. – Насколько все серьезно?

Он выставил руку, чтобы остановить меня:

– Достаточно. Но вам не нужно ехать, миссис Фрейзер. Если ваш муж захватит с собой лекарств и прочего...

– Конечно, я поеду, – отмахнулась я.

– Нет! – выпалил Кэмпбелл, и мы все на него уставились. Он же нашел глазами Джейми и скривился, сжав губы. – Это зрелище не для дам. Однако я буду крайне благодарен, если вы, мистер Фрейзер, составите мне компанию.

Прежде чем я успела возразить, Иокаста уже вскочила на ноги и сжала руку Кэмпбелла.

– В чем дело? – резко спросила она. – Там кто-то из моих негров? Бирнс что-то натворил?

Иокаста возвышалась над Кэмпбеллом на пару дюймов, так что ему пришлось поднять искаженное напряжением лицо. Кэмпбелл глянул на Улисса, потом снова на Иокасту. Дворецкий тут же вышел, как всегда бесшумно, словно по приказу самой хозяйки.

– Пролилась кровь, Ио, – тихо сказал Кэмпбелл. – Не знаю, что там и как, или даже насколько плохо дело. Ко мне прибежал сын Макнила. В остальном... – Он поколебался и пожал плечами. – Это закон.

– А ты судья! – взорвалась Иокаста. – Бога ради, ты что, не можешь повлиять? – Она дернула головой. Слепые глаза будто уставились на него, пытаясь подчинить своей воле.

– Нет! – воскликнул Кэмпбелл, а потом повторил чуть спокойней: – Нет. – Он оторвал ее пальцы от своего рукава и стиснул их. – Ты же знаешь, что не могу. Если бы я мог...

– То не стал бы, – горько закончила за него Иокаста. Она отстранилась и сжала кулаки. – Ну, иди. Тебя выбрали судьей, так верши свое правосудие.

Она развернулась на пятках и покинула комнату, гневно шурша юбками.

Кэмпбелл проследил за Иокастой, а когда внизу хлопнула дверь, выдохнул с гримасой и повернулся к Джейми.

– Сомневаюсь, что имею право на такую просьбу, мистер Фрейзер, учитывая наше недолгое знакомство. Но я был бы крайне признателен, если вы поприсутствуете в качестве представителя от лица миссис Кэмерон, раз она...

– В чем дело, мистер Кэмпбелл? – перебил его Джейми.

Тот глянул на меня, желая, чтобы я тоже удалилась. Однако я и не думала шевелиться. Кэмпбелл вновь пожал плечами и протер лицо платком.

– В нашей колонии есть закон, сэр. Он гласит, что если негр нападет на белого человека и прольет кровь, то наказанием за сие преступление будет смерть. – Кэмпбелл неловко помолчал. – К счастью, такое случается редко... – Он сжал губы, потом вздохнул и, еще раз промокнув красные щеки, убрал платок обратно в карман. – Я должен отправляться. Вы со мной, мистер Фрейзер?

Джейми помолчал, всматриваясь в лицо Кэмпбелла.

– Да, – бросил он и подошел к комоду, где в верхнем ящике хранились дуэльные пистолеты Гектора Кэмерона.

– Там опасно? – повернулась я к Кэмерону, завидев, что делает Джейми.

– Не знаю наверняка, миссис Фрейзер. – Кэмпбелл уныло сгорбился. – Дональд Макнил сказал лишь про некую стычку на лесопилке и что пролилась кровь. Он попросил меня сразу же вынести приговор и проследить за казнью, а затем ушел собирать остальных плантаторов, прежде чем я успел выяснить подробности, – пояснил он с печальным видом.

– Казнь?! То есть вы намереваетесь казнить человека неизвестно за что?! – Я настолько разозлилась, что случайно перевернула корзину с вязаньем. Крошечные клубочки разлетелись во все стороны и запрыгали по ковру.

– Известно, миссис Фрейзер! – Кэмпбелл вскинул подбородок, но с видимым усилием все-таки взял себя в руки: – Прошу прощения, мэм. Я понимаю, вы здесь недавно и можете посчитать наши порядки в чем-то непонятными и даже варварскими...

– О да, варварскими, именно! Что же это за закон, если человека...

– Раба...

– Человека! Приговаривают без суда и следствия! Что это за закон такой?!

– Плохой, мэм! – рявкнул Кэмпбелл. – И все же закон, и я обязан проследить за его исполнением. Мистер Фрейзер, вы готовы?

– Готов. – Джейми рассовал по карманам пистолеты и снаряжение к ним, потом выпрямился, оправляя полы сюртука. – Саксоночка, а сходи-ка...

Я рванула к нему ихватила за руку, не дав договорить.

– Джейми, прошу! Не надо, не вмешивайся!

– Тише. – Он сжал мою ладонь. Взгляд синих глаз заставил меня замолчать. – Я уже вмешался, – негромко продолжил Джейми. – Мистер Кэмпбелл прав, я ее родич. Так что мой долг отправиться туда и... хотя бы все увидеть. – Он поколебался, будто хотел сказать что-то еще, но лишь вновь сжал мою руку и отпустил ее.

– Тогда я отправлюсь с тобой, – произнесла я спокойно, однако в моем голосе прозвучала зловещая отстраненность – я чувствовала надвигающуюся беду.

Губы Джейми слегка дрогнули.

– Иного я и не ожидал, саксоночка. Тогда сходи за инструментами, ладно? А я разберусь с лошадьми.

Я не стала задерживаться и выслушивать возражения мистера Кэмпбелла, а попросту рванула в свою кладовку. Туфли застучали по плитам коридора, словно взволнованное сердце.

По пути мы встретили Эндрю Макнила. Он дал своей лошади передохнуть в тени каштана, а сам дожидался нас. Когда мы остановились, Макнил кивнул Кэмпбеллу, хмуро глядя на меня.

– Кэмпбелл, ты ему не сказал, что ли? – Макнил недовольно повернулся к Джейми. – Женщине там не место, мистер Фрейзер.

– Вы же говорили, что пролилась кровь, так? – резко отозвался Джейми. – Моя жена – целительница, она прошла со мной войну и не только. Если я вам нужен, то она отправится со мной.

Макнил сжал губы, но спорить не стал. Он резко развернулся и вскочил в седло.

– Расскажи, что там стряслось. – Кэмпбелл ловко втиснул свою кобылу между Макнилом и Джейми. – Мистер Фрейзер здесь недавно, а твой сын упомянул лишь, что дело касается закона. Подробности я не знаю.

Макнил дернул широкими плечами – сидящая коса, что разделяла его ворот на две части, шевельнулась. А шляпа сидела на голове так ровно, будто он плотничным уровнем все вымерял. Похоже, Макнил был как на словах, так и на вид человеком прямым.

Пока мы рысью добирались до места, он обрывками рассказал короткую и простую историю. Надсмотрщик лесопилки Бирнс крупно поскаandalил с рабом. А тот, вооруженный для работы широким ножом, попытался снести Бирнсу голову с плеч. В цель он не попал, однако ухитрился лишить надсмотрщика уха.

– Ободрал, как сосенку, – хмыкнул Макнил с мрачным удовольствием. – Оттяпал ухо и кусок кожи со щеки вдобавок. Ну, этот гад и так далеко не красавец, так что ничего, считай, не изменилось.

Я глянула на Джейми – он вскинул бровь. Очевидно, плантаторы не шибко жаловали Бирнса.

Надсмотрщик, визжа, позвал на помощь. Благодаря усилиям двоих заказчиков и их рабов напавшего удалось повязать. Рану перевязали, раба заперли в сарае. А юного Дональда Макнила, который пришел установить новые пилы, а в итоге оказался в гуще событий, отправили с новостями к плантаторам.

– Вы, скорее всего, не знаете, – объяснил Кэмпбелл, повернувшись к Джейми, – но на казнь приводят рабов со всех ближайших плантаций. Чтобы неповадно было. Чтобы не допустить подобных необдуманных действий.

– Ясно, – вежливо сказал Джейми. – Думаю, именно поэтому, после восстания, Король казнил моего деда на Тауэр-Хилле. Тоже очень действенно. С тех пор все мои родственники ведут себя крайне достойно.

Я достаточно долго прожила среди шотландцев, чтобы понять суть этого небольшого укола. Джейми, может, и согласился выполнить просьбу Кэмпбелла, но внук Старого Лиса не пойдет так просто на поводу... и необязательно будет считаться с английскими законами.

Макнил намек понял и тут же побагровел, а вот Кэмпбелл, кажется, развеселился. Он коротко, сухо хохотнул, прежде чем обратиться к Макнилу:

– Знаешь, который раб?

Макнил покачал головой:

– Дональд не сказал. Впрочем, наверняка тот мерзавец Руфус.

Плечи Кэмпбелла поникли – ему стало ясно, о ком речь.

– Ио расстроится, – пробормотал он с сожалением.

– Сама виновата. – Макнил прихлопнул слепня, севшего ему на ногу. – Вашему Бирнсу свиней нельзя доверять, что там говорить о неграх. Я постоянно ей твердил, как и ты.

– Его нанял Гектор, а не Ио, – мягко возразил Кэмпбелл. – И не могла она его просто так выгнать. Что же ей потом, самой за лесопилкой следить?

В ответ раздалось лишь ворчание, и Макнил поерзал в седле. Джейми скрыл глаза под полями шляпы.

– Что может быть хуже своевольной женщины, – немного громче нужного заговорил Макнил. – Зато им некого винить, когда случится беда.

– А если, – влезла я, повышая голос, чтобы его было слышно сквозь стук копыт, – беда случится по вине мужчины, ему тоже будет некого упрекать?

Джейми коротко хмыкнул. Кэмпбелл расхохотался и ткнул Макнилу в ребра хлыстом.

– Подловили тебя, Эндрю!

Макнил не ответил, однако раскраснелся еще сильнее и втянул голову в плечи. Некоторое время мы ехали в тишине.

Перепалка, конечно, вышла занимательная, но я все равно ужасно нервничала. Живот сводило от ужаса – что же мы там увидим? Да, от Бирнса эти двое явно не в восторге и даже предполагают, что виноват именно он. Только судьбу раба это вряд ли изменит.

«Плохой, но все же закон», – сказал Кэмпбелл. Мои руки тряслись, а кожаный повод скользил в скользких от пота ладонях. Причем отнюдь не из гнева или страха перед подобной жестокостью, а от одной мысли: что предпримет Джейми?

Лицо его оставалось непроницаемым. В седле он держался расслабленно, сжимая повод в левой руке, а правую положил на бедро, где в кармане сюртука бугрился пистолет.

Возможно, он согласился, чтобы поехала и я, потому что не намерен сражаться... однако значит ли это, что он молча допустит казнь?

А если?.. Во рту пересохло, нос и горло забились бурой пылью, которую вздымали копыта лошадей.

«Я уже вмешался». Да, он член клана и семьи, но этот ужас... Горцы стоят насмерть, если, не дай бог, что-то заденет их честь или заставит кровь закипеть в венах; тем не менее окружающие события их в основном не заботили. Века уединенной жизни в горных твердых научили не вмешиваться в дела посторонних... но горе тем, кто полезет к ним самим!

«Джейми не из диких горцев», – успокоила я себя. Он много путешествовал, получил хорошее образование, стал культурным человеком. И, черт возьми, прекрасно знает, что я думаю обо всем этом. Внутри зрело ужасное чувство: сегодня мое мнение ничего не изменит.

Хотя день стоял жаркий и безветренный, мои холодные пальцы заоченели, стискивая повод. Нам встретилось несколько групп людей... рабов, которые пешком шли к лесопилке. Они даже не подняли глаз – просто вжались в кусты, давая нам пронестись мимо.

Низкая ветка сбила шляпу Джейми. Он ловко ее поймал и водрузил на место, однако я успела мельком увидеть лицо, напряженное, беспокойное. Я поразились, поняв, что он сам не знает, что делать. А это испугало меня куда сильнее, чем все остальное.

Мы вдруг попали в сосновый лес – яркая, желто-зеленая листва резко сменилась сумраком и глубокой зеленью, будто с самой поверхности мы нырнули в глубины океана.

Я потянулась назад, к притороченному к седлу деревянному сундучку. Чтобы не думать о грядущем, я мысленно готовилась к единственной роли, которую мне, очевидно, удастся сыграть в приближающейся катастрофе. Раз уж ее не предотвратить, я хотя бы постараюсь залатать нанесенные раны. Сперва дезинфекция и очистка – я захватила бутылочку чистого спирта и смесь сока чеснока и мяты. Потом перевязать рану... да, я взяла льняные бинты... перед этим зашить...

Звук, что до меня донесся, не был похож на звон цикад. Кэмпбелл, ехавший во главе нашего крошечного отряда, резко остановил лошадь и прислушался. Остальные замерли позади.

Голоса, множество голосов гудели низко и гневно, как встревоженный улей. Сквозь них пробились крики и...

Выстрел!

Мы галопом понеслись вниз по склону, лавируя между деревьями, и ворвались на поляну перед лесопилкой. Множество людей – рабов, женщин, детей – в панике металась между кипами досок, как термиты на расколотой ударом топора древесине.

Однако я сразу позабыла о толпе. Мое внимание сосредоточилось на высоком подъемнике и огромном крюке, который служил, чтобы укладывать бревна для распилки.

С крюка свисало пронзенное тело. Чернокожий извивался, как чудовищный червяк. В воздухе витал сладковатый, тяжелый запах крови. Под крюком уже натекла целая лужа.

Моя лошадь остановилась, беспокойная, не зная, куда шагать, – мешала толпа. Крики превратились в стоны и тихое повизгивание женщин. Джейми спешил и зашагал сквозь столпотворение к крюку, Кэмпбелл и Макнил мрачно следовали по пятам. С последнего слетела шляпа, но он не обратил внимания, и ее тут же затоптали.

Я оцепенела в седле, не в силах шевельнуться. На помосте у подъемника тоже стояли люди: коротышка со странно замотанной в окровавленные бинты головой и еще несколько мужчин, белых и мулатов, вооруженных дубинками и мушкетами. Временами мужчины угрожающе взмахивали оружием, отгоняя толпу.

На самом деле желающих приблизиться не наблюдалось. Напротив, все пытались отодвинуться подальше. На лицах читался ужас, смятение, лишь изредка гнев... или радость.

Фаркуард Кэмпбелл вынырнул из толчеи и взобрался на помост, опираясь на крепкое плечо Макнила. Затем шагнул к вооруженным мужчинам, размахивая руками, и что-то крикнул. Слов я не разобрала, хотя крики и стоны постепенно стихли и воцарилось потрясенное молчание. Джейми схватился за край помоста и, поднявшись сам, протянул руку Макнилу.

– ...неслыханная жестокость! – кричал Кэмпбелл в лицо Бирнсу.

Слова долетали обрывками, их заглушал шепот и бормотание толпы, но я видела, как Кэмпбелл тыкал пальцем в сторону подъемника и его страшной ноши. Раб уже перестал дергаться и висел неподвижно.

Бирнс стоял ко мне спиной; по напряженной фигуре было заметно, что он зол и не намерен повиноваться. Двое его товарищей медленно приблизились, явно собираясь его поддержать.

Джейми на мгновение замер, оценивая ситуацию. Он достал оба пистолета, хладнокровно проверил заряды. А затем шагнул вперед и приставил один к перебинтованной голове Бирнса. Надзиратель окаменел от изумления.

– Сними его, – скомандовал Джейми ближайшему головорезу с дубинкой, достаточно громко, чтобы было слышно и в толпе. – Или я разнесу то, что осталось от головы твоего дружка.

Он поднял второй пистолет и направил мужчине в грудь. А выражение лица Джейми красноречиво донесло его мысль и без дальнейших угроз.

Мужчина неохотно шевельнулся, не сводя прищуренных глаз с пистолета, схватил рукоять катушки и провернул ее. Крюк медленно опустился на натянутом под весом жертвы канате. Зрители разом выдохнули, когда обмякшее тело наконец коснулось земли.

Я кое-как заставила лошадь пройти сквозь толпу и остановилась неподалеку от помоста. Лошадь отпрянула, мотая головой и всхрапывая – ее пугал сильный запах крови, – однако была слишком хорошо обучена и на дыбы, к счастью, не взвилась. Я спешила, приказав кому-то из стоявших поблизости мужчин принести мой медицинский сундучок.

Помост странно покачивался под ногами, словно земля после долгого путешествия по морю. Раб лежал в нескольких шагах, и когда я к нему добралась, мой ум прояснился. Я наконец начала действовать хладнокровно и четко, как подобает хирургу. Плевать на жаркий спор позади и на людей вокруг.

Раб еще дышал, однако поверхностно, прерывисто. Крюк пробил живот и, пройдя сквозь нижние ребра, вышел из спины на уровне почек. Кожа мужчины приобрела синевато-серый оттенок, губы побелели.

– Тише, – мягко сказала я, хотя раб не издавал никаких звуков. Разве что доносилось свистящее дыхание.

В глазах ничего не отражалось. Зрачки расширились, и радужка утонула в их черноте. Кровь не шла ртом – значит, легкие целы. Дыхание было слабым, но ритмичным – значит, диафрагма тоже цела. Я бережно касалась раба руками, стараясь мысленно проследить движение крюка. Из обеих ран сочилась кровь, темная на фоне сильных мышц спины и живота и ярко-алая на гладкой стали крюка. Сочилась, не была струей – значит, каким-то чудом брюшная аорта и почечная артерия не задеты.

Краем уха я все же слышала ожесточенный спор и отстраненно отметила, что приятели Бирнса – это его коллеги-надсмотрщики с двух соседних плантаций. Как раз на них сейчас наседали Фаркуард Кэмпбелл.

– ...вопиющее неуважение закона! Вы ответите перед судом, джентльмены, будьте уверены, ответите!

– Да какое вам дело? – мрачно буркнул кто-то. – Кровь есть? Есть. Да еще и увечье! Бирнс имел право!

– А это не вам решать, – низко прорычал Макнил. – Вы отребье, не лучше, чем...

– Да как ты смеешь, старик, совать свой длинный шотландский нос туда, куда тебя не просят, а?!

– Что тебе нужно, саксоночка?

Я даже не расслышала, как он оказался возле меня. Джейми присел на корточки рядом с открытым сундучком, не опуская пистолета и не сводя глаз со спорщиков.

– Не знаю.

Сзади по-прежнему доносились гневные возгласы, слившиеся в непонятный поток слов. Реальность сузилась до пациента в моих руках.

Я медленно осознавала, что рана, несмотря на весь ужас, не смертельна. После краткого осмотра я смогла предположить, что изгиб крюка прошел выше печени. Скорее всего, основательно задета правая почка, и вдобавок острие зацепило тонкую кишку или желчный пузырь. Однако это не убьет раба мгновенно.

А вот умереть от болевого шока он мог. На скользком от крови животе бился пульс, как раз над пробившей плоть сталью. Быстрый, но ровный, как барабанная дробь. Я чувствовала его кончиками пальцев. Раб потерял очень много крови – ее тошнотворный запах заглушал вонь пота и страха – и все же мог выжить.

Меня вдруг поразила мысль – я смогу его спасти!.. Вслед за этой мыслью последовал ворох других. Столько всего может пойти не так: например, раб истечет кровью, когда я извлеку крюк. А еще внутреннее кровотечение, отсроченный шок, разорванный кишечник, перитонит...

Во время битвы при Престонпанс я видела мужчину, пронзенного мечом. Та рана очень напоминала эту. На нее попросту наложили повязку, и мужчина каким-то чудом поправился.

– Нельзя допускать беззаконие! – разорвался Кэмпбелл, заглушая остальных. – Неважно, какие там у вас причины. Всех вас возьмут под стражу, не сомневайтесь!

Никто не обращал внимания на истинный предмет спора. Прошло несколько секунд... Пора действовать. Я коснулась руки Джейми, отвлекая его от спора.

– Если я спасу раба, его не казнят? – спросила я едва слышно.

Джейми быстро окинул взглядом спорщиков, оценивая возможность такого исхода.

– Нет, – мягко отозвался он и посмотрел на меня потемневшими от осознания глазами.

Он слегка расправил плечи и положил пистолет на бедро. Мне не помочь ему с выбором, как и ему не помочь мне... но он защитит меня, что бы я ни сделала.

– Верхний ряд, третья слева, – кивнула я на крышку сундучка, где покоились три ряда крепко закупоренных бутылочек с разнообразными лекарствами.

В двух был чистый спирт, в еще одной – бренди. Я щедро всыпала коричневатый порошок из корня в бренди и резко встряхнула. А потом поднесла горлышко к губам раба.

Его глаза остекленели. Я зачем-то пыталась в них смотреть, чтобы он меня увидел. Зачем?.. Я не знала. Даже когда наклонилась и позвала его по имени. Спрашивать, чего он хочет, было бессмысленно, я все решила за него.

Он глотнул. Раз. Другой. Побелевшие губы дернулись. Капля бренди стекла по коже. Еще вынужденный глоток, и шея расслабилась, голова потяжелела, оттянула мне руку.

Я закрыла глаза, прощупывая пульс за ухом. По телу раба пробежала дрожь.

Перед моим мысленным взором возникла страница учебника:

«Онемение. Покалывание. Зуд, как от укусов насекомых. Тошнота, боли в эпигастрии. Затрудненное дыхание, кожа холодная и липкая, бледное лицо. Пульс слабый и неровный, сознание остается ясным».

Все симптомы. Особенно боль в эпигастрии...

Одна пятнадцатая грана убьет воробья в считанные секунды. Одна десятая – кролика, за пять минут. Говорят, именно аконитом Медея хотела отравить Тесея.

Я старалась ничего не слышать, не чувствовать, не знать; остался лишь рваный ритм под пальцами. Надо отбросить от себя голоса, гомон, жару и пыль, запах крови. Забыть, где я и что делаю.

Оставить сознание ясным.

Ох, боже. У меня получилось.

Глава 12

Возвращение Джона Куинси Майерса

Несмотря на глубокое потрясение из-за событий на лесопилке, Иокаста по-прежнему намеревалась дать званый ужин.

– Отвлечемся от грусти, – твердо заявила она и пощупала рукав моего муслинового платья. – Прикажу Федре сделать вам новый наряд. Девочка неплохо шьет.

Вряд ли празднество и новое убранство смогли бы меня развлечь, но я уловила предупреждающий взгляд Джейми и сцепила зубы.

Впрочем, времени у нас было мало, так что Иокаста решила попросту переделать свое старое платье.

– Как оно смотрится, Федра? – Иокаста нахмурилась, словно усилием воли могла вызвать в сознании мой образ. – Пойдет?

– Да, хорошо, – пробормотала служанка с булавками в зубах.

Она быстро воткнула три булавки в ткань, покосилась на меня, а потом сделала складку на талии и приколола ее еще двумя.

– Замечательно, – добавила Федра уже внятно. – Леди пониже ростом, чем вы, мисс Ио, и чуть тоньше в талии. А в груди побольше, – шепнула мне она с усмешкой.

– Да знаю, – с раздражением бросила Иокаста, расслышав служанку. – Разрежь корсет, сделаем вставку из валансьенского кружева на зеленом шелке... возьми лоскут старого халата моего мужа, цвет как раз подойдет. – Иокаста коснулась рукава с красивыми зелеными полосками. – И сделай вдоль разреза кайму из того же шелка – это оттенит грудь.

Длинные бледные пальцы прошлись по нужной линии, почти рассеянно зацепив кожу. Прикосновение вышло равнодушным, едва заметным, но я чуть не отшатнулась.

– У вас потрясающая память на цвета, – удивилась я, немного нервничая.

– О, я отлично помню это платье. – Иокаста снова коснулась пышного рукава. – Один джентльмен как-то сказал, что в нем я напомнила ему Персефону, олицетворение весны. – Слабая улыбка на миг озарила ее лицо. – Какой у вас цвет волос, дорогая? Как-то я позабыла спросить. На слух вы мне кажетесь светловолосой, но я понятия не имею, насколько мое

представление соответствует действительности. Умоляю, только не говорите, что у вас черные волосы и желтоватый цвет лица, – улыбнулась она. Шутка почему-то прозвучала как приказ.

– Скорее каштановые, – ответила я, машинально их коснувшись. – Правда, они немного потускнели, да и седые пряди могут встречаться.

Иокаста нахмурилась, видимо, размышляя. Прийти к выводу самостоятельно ей не удалось, поэтому она развернулась к служанке:

– Федра, как она выглядит?

Та сделала шаг назад и прищурилась. Я вдруг осознала, что Федра, как и остальная прислуга, привыкла подробно все описывать хозяйке. Темные глаза быстро меня изучили, задержавшись лишь на лице.

– Хорошо, мисс Ио, – заговорила Федра, вытащив очередные две булавки изо рта. – Хорошо, – повторила она. – Белая как молоко кожа. Отлично сочетается с ярко-зеленым.

– Хм. А нижняя юбка цвета слоновой кости. Если кожа такая светлая, не будет ли она смотреться чересчур болезненно-бледной?

Мне очень не нравилось, что меня обсуждают как некий предмет искусства, причем, вполне возможно, подпорченный, однако я молча проглотила все возражения.

– Нет, мэм, что вы, – покачала головой Федра. – Она ни капли не бледная. Скулы высокие, карие глаза... Помните, у вас книжка есть, там картинки со странными животными?

– Если ты говоришь о «Записках об исследовании Индийского субконтинента», то да, помню. Улисс как раз читал мне ее в прошлом месяце. Миссис Фрейзер напоминает тебе одну из иллюстраций? – рассмеялась Иокаста.

– Ага. – Федра не сводила с меня глаз. – Она как большая кошка. Как тигр на картинке, который из кустов выглядывает.

На лице Иокасты мелькнуло изумление.

– Вот как, – снова засмеялась она, но больше меня не трогала.

Я стояла в холле первого этажа, разглаживая зеленый шелк на груди. Федра действительно хорошо шила. Платье сидело идеально, широкие ленты изумрудного атласа ярко выделялись на фоне более светлых тонов.

Иокаста гордилась своей пышной гривой, поэтому париков не носила и, к счастью, не предлагала их мне. Федра же попыталась припудрить мои волосы рисовой мукой, но я наотрез отказалась. Служанка, с трудом скрывая, что считает меня абсолютно не сведущей в модных течениях, успокоилась, лишь когда стянула каштановую волну белой шелковой лентой и заколола повыше на затылке.

Хотя Федра хотела обвешать меня драгоценностями, я почему-то не позволила. Может, потому, что не люблю излишества. Или потому, что из меня намеревались сделать некую вещицу, которой все должны восхищаться, и это зачем-то нужно Иокасте. В любом случае, я не надела никаких украшений, за исключением обручального кольца, маленьких жемчужных сережек и зеленой бархатной ленты на шею.

По лестнице спустился безупречно одетый Улисс. Я шевельнулась, и он повернул голову, заметив мелькнувшие юбки. Глаза дворецкого слегка расширились от восхищения. Я, слегка улыбаясь, опустила взгляд, но тут же вскинула его, услышав, как Улисс судорожно вздохнул. Теперь в его глазах читался испуг, а рука так сильно сжала перила, что костяшки побелели.

– Простите, мэм, – сбивчиво пробормотал он и бросился мимо меня к кухонной двери, низко склонив голову.

– Что, черт возьми... – начала было я и тут вспомнила, где и в каком времени я нахожусь.

Улисс слишком долго прожил со слепой хозяйкой и без хозяина. Он стал беспечен и на мгновение позабыл про основное правило, которое помогало рабу хоть как-то защититься: лицо не должно ничего выражать, никаких мыслей, никаких чувств.

Не удивительно, что он впал в ужас, когда понял, что натворил. Была бы на моем месте любая другая... Руки похолодели и стали влажными от пота. Я сглотнула, как наяву ощутив резкий запах крови и терпентина.

Впрочем, здесь только я, и никого больше нет, никто не видел. Дворецкий испугался, но ему ничего не грозит. Я просто сделаю вид, что ничего не произошло, – ведь так и есть, – и все будет... ну, все будет идти своим чередом.

Мои думы прервал звук шагов, донесшийся с верхней галереи. Я подняла взгляд и охнула.

Горец в полном национальном одеянии – зрелище впечатляющее. Причем неважно, насколько сам горец стар или некрасив. А от вида высокого, стройного и однозначно красивого горца в самом расцвете сил просто дух захватывало.

Джейми не надевал килт с битвы при Каллодене.

– Ох, – только и сказала я.

Заметив меня, он сверкнул белозубой улыбкой и шаркнул ногой. На туфле блеснули серебряные пряжки. Джейми провернулся вокруг своей оси, заставив плед взлететь, а потом медленно сошел по ступенькам, не отрывая от меня взгляда.

На миг я увидела его таким, каким он был в утро нашей свадьбы. Почти те же цвета тартана – черные с алым, плед перехвачен на плече серебряной фибулой и спускается к затянутым в чулки стройным икрам.

Рубашка на Джейми теперь была куда лучшего качества, как и камзол. Рукоять кинжала на поясе украшали золотые ободки. Настоящий *duine uasal*, почтенный человек.

А нахальное выражение лица оставалось тем же. Разве что само лицо постарело, зато теперь оно отражало мудрость. Наклон рыжеволосой головы, изгиб широкого рта, слегка раскосые кошачьи глаза... все было прежним.

– К вашим услугам, мэ, – расплылся в улыбке Джейми.

– Ты прекрасен! – воскликнула я, с трудом сглатывая вставший в горле ком.

– Ага, неплохо, – без тени притворной скромности согласился Джейми. Он бережно поправил складку на плече. – Конечно, у пледа есть свои преимущества – он всегда ляжет как надо.

– Это килт Гектора Кэмерона?

Я почему-то застеснялась и не смогла коснуться самого Джейми, поэтому дотронулась до рукояти кинжала с небольшим утолщением в форме летящей птицы.

Джейми глубоко вздохнул.

– Теперь он мой. Улисс мне его принес... Подарок от тетушки.

В голосе прозвучала странная нотка. Джейми искренне радовался возможности вновь надеть килт, однако что-то его тревожило.

– Что-то не так?

Он слабо улыбнулся, продолжая хмуриться.

– Не совсем. Просто...

С лестницы донеслись шаги, Джейми замолчал и отвел меня в сторону, пропуская раба, спешащего куда-то с кипой белья. Дом гудел от последних приготовлений. Скрипели колеса, витали аппетитные запахи – слуги сбивались с ног, снуя между кухней и гостиной.

– Здесь нельзя говорить, – пробормотал Джейми. – Саксоночка, будь наготове во время ужина. Я подам знак... – он дернул себя за мочку, – ...отвлечешь всех как-нибудь? Неважно как. Пролитое вино, обморок, да хоть ткни соседа вилкой...

У меня отлегло от сердца. Он шутит, значит, это не вопрос жизни и смерти.

– Легко, – кивнула я. – Только...

На верхней галерее распахнулась дверь, и донесся голос Иокасты. Она отдавала последние приказы Федре. Джейми быстро поцеловал меня, а потом ловко пронесся между двумя

рабами, которые несли подносы с хрустальными кубками. Я изумленно уставилась ему вслед, едва успев убраться с дороги рабов.

– Это вы, милая Клэр? – Иокаста замерла на последней ступеньке. Ее невидящий взгляд смотрел куда-то поверх моего плеча. Все-таки было в ней нечто жуткое, пугающее.

– Да. – Я коснулась ее руки.

– Уловила запах камфоры от платья, – ответила Иокаста на мой немой вопрос и взяла меня под локоть. – А еще я, кажется, слышала голос Джейми. Он здесь?

– Нет, – честно ответила я. – Наверное, ушел приветствовать гостей.

– Хм. – Чужая ладонь сильнее обхватила мою руку. Иокаста вздохнула, то ли довольна, то ли нетерпеливо. – Я не из тех, кто оплакивает потерянное навсегда, но клянусь, что отдала бы глаз, если бы второй смог сегодня хоть на мгновение увидеть Джейми в килте!

Она покачала головой, и бриллиантовые серьги вспыхнули на свету. Иокаста надела темно-синее шелковое платье, оттеняющее сияющие седые пряди. Вышитые на ткани стрекозы при каждом шаге словно метались туда-сюда по складкам в свете множества свечей.

– Ах, ладно. Где Улисс?

– Здесь, мэм.

Дворецкий так тихо вернулся, что я не услышала, как он возник рядом с хозяйкой.

– Тогда вперед, – взялась она за его руку.

Я не знала, к кому именно она обратилась, но послушно проследовала за Иокастой, увернувшись от двух поварят, которые тянули основное блюдо – кабана, зажаренного целиком. Нетронутая голова с бивнями яростно тарасилась в никуда, а мясистая туша блестела от жира и так и просила, чтобы в нее вонзили нож. Пахло блюдо просто божественно.

Пригладив волосы, я приготовилась встретить гостей Иокасты – не в силах избавиться от стойкого ощущения, что меня тоже подадут на серебряном подносе и с яблоком во рту.

Список гостей можно было читать как книгу «Кто есть кто в долине Кейп-Фир», если бы такая существовала. Кэмпбеллы, Максвеллы, Бьюкенены, Макнилы, Макичерны... фамилии и горной Шотландии, и ее островов. Названия многих плантаций – та же «Горная река» или «Ягодная поляна» – несли в себе оттенок родных мест их владельцев, да и сами владельцы говорили так, что в их происхождении не ошибешься. От высоких лепных потолков отражалась звонкая гэльская речь.

Несколько мужчин появились в килтах или хотя бы пледах, накинутых поверх камзола и шелковых бриджей. Однако никто не мог сравниться с Джейми, чье отсутствие, правда, уже начинало привлекать внимание. Иокаста что-то пробормотала, и Улисс хлопком ладоней пододвинул маленькую служаночку, а затем отправил девчужку в полутемные сады, скорее всего, на поиски Джейми.

Точно так же привлекали внимание и немногочисленные не шотландские гости: широкоплечий улыбчивый квакер с необычным именем Герман Хазбенд, костлявый джентльмен по фамилии Хантер и – к моему изумлению – Филип Уайли, как всегда безукоризненно одетый и напудренный.

– Неужели мы встретились вновь, миссис Фрейзер, – заметил он, удерживая мои пальцы в своих куда дольше, чем того требовали приличия. – Признаюсь, я очарован.

– Что вы здесь делаете? – чересчур грубо поинтересовалась я.

Уайли дерзко усмехнулся.

– Меня привез мой гостеприимный друг, знатный и могущественный мистер Макнил из «Ягодной поляны», у которого я недавно купил отличную двойку серых лошадей. Однако никакие лошади не смогли удержать меня от визита сюда, стоило мне слышать, что прием устраивают в вашу честь.

Его взгляд не спеша скользил по мне. Уайли оценивал меня, как знаток – редкое произведение искусства.

– Могу ли я заметить, мэм, как вам исключительно к лицу этот оттенок зеленого?

– Не думаю, что вас что-то остановит.

– Не говоря уже об игре света на вашей коже. Шея твоя – как столп из слоновой кости, – процитировал Уайли строку из Библии, вкрадчиво поглаживая большим пальцем мою руку. – Глаза твои – озерки Есевонские.

– Нос твой – башня Ливонская, обращенная к Дамаску, – парировала я, подчеркнуто глядя на его аристократический длиннющий нос.

Уайли расхохотался, но по-прежнему меня не отпускал. Я мельком заметила Иокасту. Она стояла неподалеку и, казалось, была увлечена беседой с новоприбывшим гостем. Однако я уже знала, насколько острый у нее слух.

– Сколько вам лет? – сощурилась я, пытаюсь незаметно выдрать свою ладонь из его хватки.

– Двадцать пять, мэм, – удивленно ответил Уайли. Он ткнул пальцем свободной руки в мушку в форме звездочки. – Неужели я так неприлично изможден?

– Нет. Я лишь хотела убедиться, что скажу правду, если сообщу, что гожусь вам в матери!

Похоже, новость его ни капли не поразила. Напротив, он пылко прижал мою руку к губам.

– Я очарован... Позвольте ли называть вас матушкой?

Позади Иокасты стоял Улисс. Он не сводил внимательных темных глаз с гостей, прибывающих по освещенной дорожке, и временами что-то шептал хозяйке на ухо. Я с силой вырвала свою ладонь у Уайли и похлопала дворецкого по плечу.

– Улисс, – позвала я, обворожительно улыбаясь Уайли, – будьте любезны, проследите, чтобы мистера Уайли посадили за стол рядом со мной.

– Да, мэм, конечно, – заверил дворецкий и тут же вернулся к наблюдению.

Мистер Уайли вычурно поклонился, выражая безмерную благодарность, и позволил слуге увести себя в дом. Я вежливо помахала ему вслед, тешась мыслью, что уж в него-то я вгоню вилку как следует, когда придет время.

Не знаю, почему – благодаря удаче или чьему-то замыслу, – за столом я оказалась между мистером Уайли и квакером, мистером Хазбендом. Мистер Хантер – третий, кто не знал гэльского, – сидел напротив меня. Вместе мы образовали крошечный английский островок в бурлящем море шотландцев.

Джейми явился в последний момент и теперь восседал во главе стола. Иокаста заняла место по его правую руку. В который раз я задавала себе один и тот же вопрос: «Что за чертовщина тут творится?» Чистая вилка лежала наготове у тарелки, а я внимательно следила за Джейми. Но до третьего блюда мы добрались без приключений.

– Удивлен, что вижу человека ваших убеждений на подобном мероприятии, мистер Хазбенд. Подобная фривольность вас не оскорбляет?

Так и не сумев привлечь мое внимание, Уайли решил прибегнуть к иной тактике. Теперь он обращался к квакеру, наклоняясь так, что наши бедра постоянно соприкасались.

Герман Хазбенд улыбнулся.

– Даже квакеры вынуждены питаться, дружище Уайли. И я уже много раз имел честь насладиться гостеприимностью миссис Кэмерон. Не думаю, что должен был отказать, если приглашение распространяется и на других. – Он вновь обратился ко мне, возобновляя прерванную беседу: – Вы желаете знать о регуляторах, миссис Фрейзер? – Квакер кивнул на моего визави. – Советую обратиться к мистеру Хантеру. Если у регуляторов и есть предводители, то вы смотрите прямо на него.

Мистер Хантер слегка поклонился. Высокий джентльмен со впалыми щеками был одет куда скромнее большинства гостей, хотя квакером не являлся. Они с мистером Хазбендом путешествовали вместе – добирались из Уилмингтона домой, в глубь страны. Памятуя о предложении губернатора Триона, я хотела побольше разузнать о тех местах.

– Мы – не что иное, как свободное объединение, – сдержанно произнес Хантер и поставил бокал вина на стол. – По правде говоря, у меня не должно быть никаких званий. Мне просто-напросто повезло, что моя ферма стала весьма удобным местом для встреч.

– Поговаривают, что регуляторы – всего лишь кучка отбросов. – Уайли осторожно промокнул губы, стараясь не смахнуть мушку. – Непокорные и склонные к насилию против законных представителей Короны.

– Уверяю, мы не такие, – по-прежнему мягко отозвался мистер Хазбэнд. Меня очень удивило, что он, очевидно, тоже принадлежал к этому объединению. Наверное, регуляторы и правда далеко не такие жестокие, какими их рисует Уайли. – Мы стремимся к правосудию, а его не добиться путем насилия. Ведь там, где оно вступает в дело, правосудию нет места.

Уайли рассмеялся неожиданно глубоко и по-мужски, несмотря на все пижонство.

– Да уж, правосудию нет места! Именно такое впечатление на меня произвел разговор с судьей Доджсоном на прошлой неделе. Или, может, судья просто не понял, что за бандиты вломились в дом, а его самого за ноги выволокли на улицу?

Он очаровательно улыбнулся Хантеру, чье побитое ветром лицо покраснело. Хантер стиснул бокал. Я с надеждой глянула на Джейми. Знака не было.

– Судья Доджсон, – отчетливо произнес Хантер, – лихоимец и вор. Он позорит законников...

До меня уже некоторое время доносился шум снаружи; я думала, что-то случилось на кухне, которую от дома отделял переход. Теперь же шум стал отчетливей, и донесся знакомый голос. Он и отвлек меня от обличительной речи мистера Хантера.

– Дункан!

Я подскочила, и сидящие рядом гости вопросительно повернулись в мою сторону. На веранде опять кто-то суматошно двинулся – мимо открытых окон пронеслись тени, зазвучали громкие голоса.

Разговоры стихли. Все гости стремились узнать, что творится снаружи. Джейми отодвинул стул, но подняться не успел – в дверях возникло нечто.

Это был Джон Куинси Майерс, человек-гора, во все том же великолепном наряде. Он заполнил собой весь дверной проем, и в высоту, и в ширину. Тяжело прислонившись к косяку, Майерс уставился на присутствующих воспаленными глазами. Он покраснел и шумно дышал, сжимая в руке длинную бутылку. Наконец полубезумный взгляд остановился на мне, и лицо Майерса исказила довольная гримаса.

– Вот вы где! – радостно громыхнул он. – Говорил же! А Дункан не верил! Сказал же, ага, миссис Клэр приказала надраться, а потом она будет резать. Вот я и надра... – Он опасно покачнулся и вскинул бутылку. – Как сунсов брат! – торжественно закончил он, а потом сделал шаг и рухнул лицом в пол.

В дверях тут же возник Дункан. Выглядел он немногим лучше. Рубаха висела ключьями, сюртук сполз с плеча, а под глазом наливался синяк. Дункан уставился на бесчувственное тело у своих ног и виновато посмотрел на Джейми.

– Я пытался его остановить, Макдью.

Выбравшись из-за стола, я добралась к Майерсу одновременно с Джейми. Он вскинул брови, глянув на меня.

– Ну, ты же говорила, что он должен быть без сознания, – заметил он. Нагнувшись к человеку-горе, Джейми приподнял его веко. – Я бы сказал, что он и сам хорошо справился с задачей.

– Я не говорила, что нужно вусмерть упиться! – Я присела на корточки и осторожно приложила пальцы к сонной артерии. – Из спиртного никудышный анестетик, – покачала я головой. – Это яд, и он угнетает нервную систему. Шок от операции помножится на алкогольное отравление, и мистер Майерс не жилец.

– Невелика потеря, – раздалось в толпе, однако любопытные гости дружно зашикали на говорившего.

– Какая жалость, столько бренди перевели, – произнес кто-то другой, и теперь все рассмеялись. Это оказался Филип Уайли. Его напудренное лицо с лукавой улыбочкой выглянуло из-за плеча Джейми. – Мы столь наслышаны о ваших талантах, миссис Фрейзер. Теперь у вас есть возможность проявить себя – при свидетелях! – Он грациозно обвел зрителей рукой.

– Ох, да пошел вон! – зло отозвалась я.

– О-о, только послушайте ее! – буркнул кто-то за моей спиной отнюдь не без восхищения. Уайли пораженно моргнул, но усмехнулся еще шире.

– Ваше желание для меня закон, мэм, – пробормотал он и с поклоном скрылся в толпе.

Я встала на ноги. Меня обуревали сомнения. Да, сработать может... Операция простая, займет не больше нескольких минут... если не возникнет осложнений. Небольшой надрез, хотя придется войти в брюшную полость и есть риск занести инфекцию...

Правда, вряд ли мне подвернутся лучшие условия для операции – тут-то под рукой полно спиртного, да и желающих ассистировать – навалом. Другой анестезии нет, а резать человека в сознании я ни за что не осмелилась бы. Да и вообще, Майерс сам просил.

Я нашла взглядом лицо Джейми в поисках подсказки. Ну, получай свое отвлечение, черт возьми.

– Лучше сделай это, саксоночка. – Джейми уставился на распростертое тело. – Вряд ли в следующий раз у него хватит смелости и денег, чтобы так напиться.

Я снова проверила пульс – по-прежнему ровный и сильный, как у жеребца.

Среди любопытных лиц мелькнул и гордый профиль Иокасты.

– Несите в приемную, – скомандовала она и исчезла.

Что ж, решение приняли за меня.

Мне доводилось оперировать при странных обстоятельствах, но такое предстояло впервые. Я быстро сполоснула руки в уксусе, который принесли из кухни. Майерс, уже без штанов, раскинулся на столе из красного дерева, обмякший, словно жареный фазан. Он возлежал на попоне, как аляповатое основное блюдо, украшенное закатанной рубахой и ожерельем из медвежьих когтей. Вокруг разложили «гарнир» из бутылок, тряпок и бинтов.

Времени на переодевание не было, поэтому мне принесли кожаный мясницкий передник. Федра подколола длинные рукава, чтобы открыть предплечья.

Внесли больше свеч, истекающих ароматным воском, – конечно, и близко не таким ароматным, как Майерс. Не колеблясь, я взяла графин и щедро плеснула бренди на поросшую черными волосами промежность.

– Дороговатый способ убивать вшей, – заметил кто-то, наблюдая, как крошечные букашки принялись спасаться бегством от потопы.

– Ага, зато помрут они счастливыми, – раздался голос Иэна. – Я принес твой сундучок, тетушка.

Иэн поставил его рядом с моей рукой и открыл. Я мигом достала драгоценную бутылочку чистого спирта и ланцет. Держа лезвие над чашей, я залила его спиртом. Желающих помочь будет море... Зрители едва сдерживали смех и бесконечно бормотали в ожидании представления, совсем позабыв про прерванный ужин.

Из кухни привели двух кучеров – держать пациенту ноги. Эндрю Макнил и Фаркуард Кэмпбелл вызвались держать руки. Иэн встал рядом со мной с дополнительной свечой, а Джейми занял место главного анестезиолога – у головы Майерса – с полным стаканом виски.

Я проверила запасы и нити для сшивания, глубоко вздохнула... и кивнула помощникам:
– Поехали.

Член Майерса, явно смущенный таким вниманием, едва выглядывал из кустистых зарослей. Когда кучера подняли и развели длинные ноги пациента, а Улисс аккуратно отвел в сторону мошонку, показалась грыжа – гладкая опухоль размером с куриное яйцо, багрово-красная в том месте, где постоянно терлась о тугую кожу паха.

– Господи Иисусе! – распахнул глаза кучер. – Да у него и правда три яйца!

Зрители дружно вздохнули в изумлении и захихикали, но я слишком увлеклась делом, чтобы объяснять, что там на самом деле. Я тщательно протерла промежность спиртом, макнула в него скальпель и поводила лезвием туда-сюда над пламенем свечи, чтобы уж наверняка продезинфицировать. И сделала быстрый надрез.

Не длинный, не глубокий. Только чтобы сдвинуть кожу и увидеть петлю розовато-серой кишки, провалившуюся в разрыв между мышцами. Потекла темная тонкая струйка крови.

Расширив надрез, я макнула пальцы в спирт, а затем осторожно вправила кишку. Майерс резко дернулся, чуть не сшиб меня с ног, и так же внезапно расслабился. И вновь напрягся, приподнимая ягодицы, так что мои помощники чуть было не упустили ноги.

– Он просыпается! – крикнула я Джейми, пробиваясь сквозь встревоженные возгласы. – Виски, быстро!

Все сомнения касательно алкоголя в качестве анестетика снова проснулись, однако было уже поздно. Джейми схватил великана за челюсть и влил виски в раскрывшийся рот. Майерс давился и издавал звуки тонущего буйвола, но достаточно алкоголя все же скользнуло ему в горло. Громадная туша успокоилась. Человек-гора опять обмяк и продолжил всхлипывать и похрапывать.

Я умудрилась удержать пальцы на месте, однако крови вытекло куда больше, чем мне хотелось. Главное, что кишка не выпала обратно. Я схватила обрывок ткани, вымоченный в бренди, и промокнула надрез. Майерс дышал, и я чувствовала, как шевелятся его кишки. Влажная и теплая темнота обхватывала мои пальцы, лишённые перчаток. Такая интимность знакома лишь хирургам. Я медленно вдохнула, подстраиваясь под похрапывание. Вонь бренди и слегка тошнотворные ароматы еды сошли на нет. Их теперь заглушили запахи Майерса – пота, грязи, мочи и крови. Кто-то другой счел бы их отвратительными, но не я. Не сейчас.

Это тело. Ни хорошее, ни плохое. Просто тело. И оно в моей власти.

Время замерло. Я остро чувствовала каждое движение, вдох, натяжение нити, сшивающей паховое кольцо, но руки мне не принадлежали. Голос, высокий и громкий, отдавал приказы, которым тут же повиновались. А где-то далеко, в глубине сознания, за всем с отстраненным интересом наблюдал крошечный некто.

Когда все закончилось, время возобновило свой ход. Я шагнула назад, разрывая связь. Голова закружилась от ставшего непривычным одиночества.

– Готово, – объявила я.

Гудящая толпа взорвалась аплодисментами. Слегка опьяненная – неужели надышалась от Майерса? – я изобразила глубокий реверанс.

Через час я напилась уже своими силами благодаря множеству тостов в мою честь. А потом ловко сбежала – мол, надо проверить, как там больной – и, шатаясь, побрела по лестнице в гостевые покои.

Я остановилась около галереи, цепляясь за перила, чтобы не упасть. Снизу донолся громкий гул разговоров и смеха. Празднество продолжалось; гости небольшими групп-

ками разбрелись по холлу и гостиной. Пушистые парики и легкие платья сновали туда-сюда по шестигранным плиткам и деловито жужжали над бокалами.

Ну, если Джейми хотел, чтобы я всех отвлекла, то лучшего и придумать было сложно. Что бы он там ни затеял, никто не обратил бы внимания. Я тряхнула головой – в ней так и не прояснилось – и вошла в комнату к пациенту.

Майерс безмятежно спал, дыша глубоко и медленно, причем так, что полог кровати подрагивал. Рабыня по имени Бетти кивнула мне с улыбкой.

Сердце проверять я не стала – и так видела на шее огромную вену, бьющуюся медленно и ровно, как молот по наковальне. Кожа Майерса была прохладной и влажной. Ни лихорадки, ни следов шока. От великана веяло спокойствием и отменным здоровьем.

– Как он?

Если бы я не была пьяна, то подскочила бы на месте. Но я лишь медленно развернулась и уставилась на Джейми.

– В порядке. Его и пушкой не убьешь. Как и тебя. – Я вдруг поняла, что обнимаю мужа за талию, уткнувшись пылающим лицом в прохладные складки ткани на его груди. – Несокрушимый.

Джейми поцеловал меня в макушку и поправил пряди, которые выпали из прически во время операции.

– Отличная работа, саксоночка, – шепнул он. – Замечательная, моя ж ты красавица.

От Джейми пахло вином и воском, травами и шерстью. Я скользнула руками ниже, к изгибу гладких ягодич. Джейми шевельнулся, на мгновение прижавшись ко мне бедром.

– Тебе бы подышать свежим воздухом, саксоночка... и нам надо поговорить. Можешь его оставить?

Я глянула на постель и ее тяжеленную ношу.

– Да. Если Бетти посидит с ним и проследит, чтобы он не захлебнулся во сне рвотой. Хорошо, Бетти?

Удивленная вопросом, а не приказом, рабыня с готовностью кивнула.

– Дождись меня в саду, возле целебных трав... только постарайся не упасть с лестницы и не свернуть себе шею. – Джейми поднял мое лицо за подбородок и поцеловал, быстро и крепко.

А потом ушел, оставив меня одновременно протрезвевшей и еще более пьяной, чем раньше.

Глава 13

Проверка на совесть

На дорожку шлепнулось нечто темное. Я замерла, вцепившись в руку Джейми.

– Лягушка, – невозмутимо пояснил он. – Слышишь, как они поют?

Ну, я бы не стала называть пением нестройный квакающий и хрюкающий хор с местных болот. Впрочем, Джейми все равно не скрывал, что ему медведь на ухо наступил.

Он легонько ткнул темную лягушку носком туфли.

– Брекекекекс ку-акс, ку-акс, – сказал Джейми. – Брекекекекс ку-акс!

Лягушка прыгнула в сторону и скрылась в траве.

– Никогда не сомневалась в твоих языковых способностях, – весело произнесла я. – Правда, про лягушачий не знала.

– Свободно я им не владею, – скромно потупился Джейми. – Хотя произношение у меня отличное, честное слово.

Я рассмеялась, а он сжал мою ладонь, прежде чем отпустить. Шутливая искорка потухла, так и не сумев разжечь разговор. Мы продолжили путь бок о бок, но мысленно пребывали слишком далеко друг от друга.

Я должна была валиться с ног от усталости, однако в крови по-прежнему бурлил адреналин. Внутри я ликовала, как каждый раз после удачной операции, не говоря уже о банальном опьянении. И от этого состояния меня слегка шатало, зато окружающая действительность приобрела чрезвычайно четкие очертания.

У причала под деревьями обнаружилась резная скамья. Именно к ней меня и привел Джейми. Он уселся на мраморное сиденье и глубоко вздохнул, чем сразу напомнил, что не только у меня был бурный вечер. Я тщательно огляделась, а потом присела рядом.

– Мы одни, вдали от чужих взглядов и ушей, – заметила я. – Так ты расскажешь, что, черт возьми, происходит?

– Да. Должен был кой-чего сказать еще тогда, просто не ожидал, что она на такое пойдет. – Джейми нашел мою руку в темноте. – Ничего особенного, как я и говорил. Вот только когда Улисс принес килт и фибулу, он упомянул, что во время ужина Иокаста собирается объявить... объявить всем о своем намерении сделать меня наследником... всего этого.

Он обвел ладонью дом, поля и все остальное – причал, сады, конюшни, бесконечные акры соснового бора, лесопилку и поляну, где варят терпентин...

Перед моими глазами развернулся весь план Иокасты. Джейми во главе стола, одетый в цвета Гектора Кэмерона, с его кинжалом и фибулой, на которой начертан далеко не утонченный девиз клана Кэмеронов «Объединяйтесь!». В окружении старых товарищей Гектора, которым не терпится увидеть, как его младший родич встанет во главе семьи.

Действительно, заяви Иокаста такое в компании верных шотландцев, щедро задобренных отличным виски из запасов покойного Гектора, и все дружно провозгласили бы Джейми хозяином плантации, помазали на власть жиром кабана и водрузили на голову корону из свеч.

Да уж, план достойный семейства Маккензи – дерзкий, продуманный. И плевать на желания участвующих в нем людей.

– Если бы она успела, – вновь заговорил Джейми, сверхъестественно чутко уловив мои мысли, – то отказываться от подобной чести было бы очень трудно.

– Ага, очень.

Джейми вдруг вскочил на ноги, неспособный усидеть на месте из-за терзавших его чувств. Он молча протянул руку, и я тоже поднялась. Мы повернули обратно к фруктовому саду.

– Почему Улисс тебя предупредил? – поинтересовалась я.

– Сама подумай, саксоночка. Кто сейчас хозяин поместья?

– А? – удивилась я. – А-а...

– То-то же, – сухо отозвался Джейми. – Тетушка слепа; кто занимается всеми счетами, кто ведет все дела? Да, она решает, что должно быть сделано... а кто сообщит, что все готово? Кто всегда рядом и обо всем доложит, нашепчет? Чьему суждению она доверяет прежде всего?

– Ясно. – Я устала под ноги, размышляя. – Ты ведь не думаешь, что он жульничает со счетами или обманывает как-то иначе?

Я очень надеялась, что нет, ведь дворецкий Иокасты мне нравился. Да и казалось, что между ними сохранялось взаимное уважение. Даже представлять не хотелось, что Улисс может хладнокровно обманывать хозяйку.

Джейми покачал головой:

– Нет. Я просмотрел записи, там все в порядке. Уверен, он честный человек и верный слуга... но кто захочет уступать свое место незнакомцу? – Джейми фыркнул с горечью. – Тетушка, может, и слепа, а вот ее чернокожий дворецкий видит преотлично. Он не пытался

меня отговорить, просто рассказал о намерениях тетушки и ушел, чтобы я сам решал, что должен сделать.

– Думаешь, он знал, что ты не?..

Я осеклась, потому что сама этого не знала. Гордость или предусмотрительность, а может, и то, и другое заставили Джейми сорвать план Иокасты. Впрочем, это не значило, что он собирався на самом деле отказываться от предложения.

Джейми не ответил. У меня по спине пробежал холодок. Я поежилась, несмотря на тепло летней ночи, и взяла Джейми за руку, чтобы найти утешение.

Стоял поздний июль, и в воздухе так сладко пахло спелыми плодами, что я почти чувствовала во рту привкус свежих яблок. Мелькнула мысль об искушении... и червяке, который таится под сияющей ароматной плотью.

Поддаться искушению грозило не только Джейми, но и мне. Для него здесь появилась возможность стать тем, кем и было предназначено; по праву рождения, которое отняла судьба. Ему надлежит управлять поместьем, заботиться о своих людях, снискав уважение среди равных. А что еще важнее – восстановить клан и семью.

Богатство Джейми не заботило, это я знала наверняка. К власти он тоже вряд ли стремился. Иначе, воспользовавшись моими знаниями о будущем, отправился бы дальше на север, искать место среди тех, кто стоял у истоков нации.

Однажды Джейми уже был лэрдом. Хотя он мало рассказывал о тюрьме, кое-что глубоко засело у меня в памяти: слова о сокамерниках. Джейми сказал: «Они были моими, и только это заставляло меня жить». Потом на ум пришло письмо Иэна о Саймоне Фрейзере: «Забота о его людях – единственное, что сохраняет в нем остатки человечности».

Да, Джейми нуждался в людях. В тех, кого можно вести за собой, о ком заботиться, кого защищать и с кем сражаться бок о бок. Но ему не нужно ими владеть.

Фруктовый сад мы миновали в молчании и пошли по длинной дорожке, обрамленной цветами и травами. Тяжелые ароматы лилий и лаванды, анемонов и роз сгущались; невольно чудилось, что мы пробираемся сквозь заросли.

О, «Горная река» была садом земных наслаждений, да... однако я звала чернокожего человека своим другом и верила ему безопасности своей дочери.

Мысль о Джо Абернэйти и Брианне вызвала у меня странное чувство, словно я существовала в двух местах одновременно. В сознании вспыхнули их лица, я будто наяву слышала их голоса... На самом деле я видела лишь одного человека. Его килт слегка покачивался при ходьбе, а голова склонилась в тревожном раздумье.

Вот оно, мое искушение – Джейми. Не мягкие постели, украшенные комнаты, шелковые наряды или почтение окружающих. Джейми.

Если он не примет предложение Иокасты, то ему придется искать что-то другое. То есть поддаться соблазнительным речам Уильяма Триона о землях и людях. Отчасти звучало лучше, чем щедрый дар тетушки, ведь Джейми сможет построить собственный дом, оставить наследие для Брианны. Если, конечно, доживет.

И все же я существовала в двух вселенных. Здесь я слышала шуршание килта, когда он цеплял мои юбки, чувствовала жар тела Джейми. Улавливала его мускусный запах, отчего мне хотелось выдернуть мужа из горестных размышлений и толкнуть на траву. Расстегнуть пояс, стянуть плед с плеча. Избавиться от корсета, прижаться обнаженной грудью к горячему телу. Заняться с ним любовью, прямо среди влажных зеленых зарослей... заставить его думать обо мне.

Во вселенной памяти я вдыхала иные запахи – тисовых деревьев и морского бриза, а под пальцами ощущала не тепло живой плоти, а холодный гладкий гранит могильной плиты с его именем.

Я молчала. Молчал и Джейми.

Мы обошли полный круг и вернулись к реке, где серые каменные ступеньки убегали вниз и терялись в плескавшейся воде. У причала болталась лодка. Весельная, в такой можно отправиться на рыбалку или прокатиться по водной глади.

– Хочешь? – кивнул на нее Джейми.

– Почему бы и нет?

Наверное, Джейми чувствовал то же, что и я, – желание оказаться подальше от дома и Иокасты, спокойно все обдумать.

Мы сошли по ступенькам. Но прежде, чем я успела ступить в лодку, Джейми повернулся. Он притянул меня к себе и нежно поцеловал, а потом крепко обнял, уткнувшись подбородком мне в макушку.

– Не знаю, – тихо ответил он на незадаанные вопросы.

И, шагнув в лодку, протянул мне руку.

Некоторое время мы плыли в молчании. Ночь стояла безлунная, лишь в воде отражались звезды. Мои глаза постепенно привыкли, и я стала различать темные очертания деревьев.

– Ничего не хочешь сказать? – наконец промолвил Джейми.

– Решать не мне. – В груди стало тесно.

– Разве?

– Она твоя тетушка. Это твоя жизнь. Значит, решать тебе.

– А ты просто наблюдаешь, да? – Джейми закричал, работая веслами. – И это не твоя жизнь тоже? Или ты все же меня покинешь?

– Ты о чем? – испуганно выпрямилась я.

– Может, для тебя это слишком.

Джейми низко нагнулся, и я не видела его лица.

– Если ты про лесопилку...

– Нет. – Он откинулся назад с кривой усмешкой. – Беды и смерти тебя не очень-то пугают, саксоночка. А вот каждодневные мелочи... Я же вижу, как тебя передергивает, когда чернокожая служанка расчесывает твои волосы или когда мальчишка забирает туфли, чтобы почистить. Рабы на лесопилке... Тебе это все не по душе, верно?

– Да. Я... я не могу владеть рабами. Я рассказывала...

– Рассказывала. – Джейми откинул с лица прядь волос, а затем посмотрел мне прямо в глаза. – Если я выберу эту жизнь... сможешь ли ты быть со мной и дальше, саксоночка? Наблюдать и бездействовать... Потому что мы бессильны, пока тетушка не умрет. И даже тогда вряд ли мы что-то изменим.

– Ты о чем?

– Она не станет освобождать рабов... зачем ей? И я не смогу их освободить, пока она жива.

– Но когда ты унаследуешь плантацию...

Я умолкла. Да, обсуждать смерть Иокасты ужасно... Впрочем, ей чуть больше шестидесяти, и, за исключением слепоты, она абсолютно здорова.

Тут я поняла, что Джейми имеет в виду. И правда, смогу ли я день за днем, месяц за месяцем, год за годом жить, считаясь рабовладелицей? Ведь притвориться, что все иначе, не выйдет, не выйдет утешать себя мыслью, что я лишь гостя, чужестранка.

Я прикусила губу.

– И даже тогда, – продолжил Джейми, отвечая на мою неоконченную фразу, – ты разве не знаешь, что рабовладелец не имеет права освобождать рабов без письменного разрешения Ассамблеи?

– Чего?! – уставилась я на Джейми. – Это еще почему?

– Плантаторы боятся вооруженного восстания чернокожих. Трудно их осуждать, – добавил он саркастично. – Рабам запрещено иметь оружие, за исключением рабочих инструментов, например ножей для подсечки деревьев. Есть законы о пролитой крови. – Джейми покачал головой. – Нет, Ассамблея не позволит огромной толпе негров свободно разгуливать по округе. Даже если хозяин решит подарить свободу хотя бы одному рабу и получит разрешение, этому рабу придется немедленно покинуть колонии... или любой получит право схватить его и вновь сделать рабом.

– Ты уже об этом думал, – медленно произнесла я.

– А ты нет?

Я не ответила, опустив руку в воду. Нет, о таком я совсем не задумывалась. По крайней мере, осознанно, ведь я не хотела становиться перед выбором, который возник передо мной прямо сейчас.

– Полагаю, это отличный шанс. – Собственный голос показался мне напряженным, чужим. – Ты встанешь во главе...

– Тетушка отнюдь не глупа, – довольно резко перебил Джейми. – Она сделает меня наследником, а не хозяином. Марионеткой. Да, тетушка будет прислушиваться к моему мнению, к советам, но принимать решения будет сама. – Джейми покачал головой. – Любила она мужа или нет – неважно. Теперь она здесь хозяйка и ни перед кем не отчитывается. А вкус власти пришелся ей уж слишком по нраву, чтобы так просто отдать лакомый кусок.

Он предельно точно описал характер Иокасты Кэмерон, а значит, и ключик к ее плану. Ей нужен мужчина, который вхож туда, где для нее двери закрыты, который будет решать вопросы с флотом и заниматься ежедневными делами обширного поместья, где Иокасте не справиться из-за слепоты.

И в то же время она не желала обзаводиться новым мужем: ведь он отберет у нее власть и станет указывать, что делать. Если бы Улисс не был рабом, то смог бы действовать от ее имени. Да, он может быть ее глазами и ушами, но не руками.

А вот Джейми в этом отношении идеален. Сильный, опытный человек, способный завоевать уважение общества, добиться послушания от подчиненных. Умеющий управлять землями и людьми. Более того, связанный с Иокастой узами родства и долга, то есть исполняющий ее приказы, но не имеющий реальной власти. Иокаста поработит Джейми своей щедростью и богатствами, и этот долг не придется отдавать, пока она не покинет мир земной.

В горле встал ком. Я безуспешно пыталась подобрать слова. Нет, я не выдержу такой жизни. Однако и другой путь для меня был закрыт – я не вправе просить Джейми отказать Иокасте. Тогда ему придется отправиться в Шотландию, навстречу смерти.

– Я не могу тебе советовать, что делать, – пробормотала я едва слышно за мерной работой весел.

Впереди показалась небольшая заводь – огромное дерево рухнуло в реку, и весь мусор, плывший по течению, цеплялся за его ветви. Джейми направил лодку в ту сторону и отпустил весла, когда мы очутились в спокойной воде, а затем вытер со лба пот, тяжело дыша.

Ночную тишину нарушал лишь тихий плеск воды да скрип веток, задевающих дно лодки. Наконец Джейми протянул руку и коснулся моего подбородка.

– Ты – мое сердце, саксоночка, – мягко проговорил он, – а твоя любовь – моя душа. Но ты права, ты не можешь стать моей совестью.

Несмотря на все невзгоды, я вдруг воспрянула духом, как будто некая ноша свалилась с плеч.

– О, замечательно, – возрадовалась я, – иначе мне пришлось бы ужасно тяжело.

– М-да? – немного удивился Джейми. – Думаешь, я такой злодей?

– Ты самый лучший. Просто... представь, каково это – жить за двоих. Одно дело – дети, с ними приходится так поступать, и все равно это тяжелый труд. А другое – ты. Это неправильно.

Джейми молчал, отвернувшись.

– Ты правда думаешь, что я хороший? – наконец произнес он со странной, непонятной мне ноткой в голосе.

– Да, – твердо ответила я и добавила слегка шутливо: – А ты сам так не считаешь?

Вновь повисла долгая пауза.

– Нет, не считаю, – серьезно отозвался Джейми.

Я уставилась на него, потеряв дар речи.

– Я жесток, и прекрасно это понимаю, – тихо пояснил Джейми. Он уперся в колени ладонями – крупными, способными играючи справляться с мечом и кинжалом или вовсе задушить человека. – Как и ты должна понимать.

– Ты делал лишь то, что был вынужден!

– Разве?

– Я уверена, что ты хороший, – заявила я, но в словах тенью промелькнуло сомнение. Любой подобный поступок, неважно почему совершенный, оставит в душе след, верно?..

– И ты не станешь сравнивать меня со, скажем, Стивеном Боннетом? Он тоже может говорить, что был вынужден так действовать.

– Даже думать не смей, что у тебя есть хоть что-то общее со Стивеном Боннетом, – отчеканила я.

Джейми пожал плечами и беспокойно заерзал.

– А чем мы отличаемся? Разве что у меня есть понятие о чести. Что еще не дает мне стать таким же вором? – спросил он. – Что мешает грабить людей? А ведь это у меня в крови... Один дед построил Леох, награбив достаточно золота на горных дорогах. Другой сколотил состояние на телах женщин, которых брал силой из-за их титулов и богатств.

Джейми потянулся. Мощные плечи заслонили блестевшую в лунном свете воду. А потом он вдруг швырнул весло на дно лодки. Я подскочила от грохота.

– Я уже не юный мальчик! – воскликнул Джейми. – Пора бы уже где-то осесть, а? Обзавестись домом, землей, чтобы прокормиться, и откладывать понемногу деньги хотя бы на старость. – Джейми глубоко вздохнул. Затянутая в белую рубашку грудь поднялась и опала. – А у меня ни дома, ни земли, ни денег. Ни фермы, ни грядки, ни захудалой коровы, овцы или козы! Даже крыши над головой нет или чертова ночного горшка! – Он двинул кулаком по банке, и вся лодка дрогнула. – Даже одежда, в которой я сейчас сижу, мне не принадлежит!

Воцарилась долгая тишина, которую нарушало лишь тихое пение сверчков.

– У тебя есть я, – еле слышно сказала я, сама понимая, как это ничтожно.

Джейми то ли хмыкнул, то ли всхлипнул.

– Да. – Его голос слегка дрогнул, но я не смогла понять, от страсти или веселья. – В том-то и дело, черт возьми.

– В смысле?

Джейми нетерпеливо взмахнул рукой.

– Если бы я был один, то какая разница? Жил бы, как Майерс, в лесу, охотился да рыбу ловил, а в старости лег бы в тени дерева и умер, и лисицы обглодали бы мои кости. Кому какое дело? – Джейми передернул плечами, словно рубашка вдруг стала ему мала. – Но я не один. Есть ты, Иэн, Дункан, Фергус, Марсали... Прости господи, даже Лири! И обо всех я должен позаботиться.

– Джейми, не надо.

– Как ты не понимаешь? – почти в отчаянии произнес он. – Я швырнул бы весь мир к твоим ногам, Клэр... но у меня ничего нет!

Он и правда думал, что мне это важно. А я все смотрела на него и пыталась подобрать слова. Джейми отвернулся, поникнув.

За жалкий час я успела перейти от гнетущей тоски из-за мысли о его смерти в Шотландии до страстного желания заняться с ним любовью прямо среди цветов, а оттуда к жгучей потребности двинуть его веслом по голове. Теперь меня вновь заполнила нежность.

Наконец я взяла его большую мозолистую руку в свои и скользнула вниз, на колени, устраиваясь между его разведенных бедер. Я положила голову Джейми на грудь, чувствуя его дыхание на волосах. Слов у меня так и не нашлось, но свой выбор я сделала.

– Куда ты пойдешь, туда и я пойду. Где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог – моим Богом; и где ты умрешь, там и я умру и погребена буду. Хоть на шотландском холме, хоть в южном лесу. Делай то, что должен. Я с тобой.

Ближе к середине речки дно оказалось неглубоким, а течение стало сильнее. Под сверкающей поверхностью, совсем близко, чернели камни. Джейми тоже их заметил и сильным движением направил лодку к противоположному берегу, к корням огромной ивы.

Я думала, что мы вернемся к поместью, но, очевидно, мы не просто сбежали передохнуть от гостей. Мы забрались далеко вверх по течению.

Оставшись наедине с мыслями, я прислушивалась к свистящему дыханию Джейми и гадала, что же он предпримет. Если захочет остаться... ну, может, все сложится не так плохо. Я, конечно, представляла, на что способна Иокаста Кэмерон, но и Джейми знала отлично. Колум и Дугал Маккензи тоже пытались подчинить его своей воле... и оба остались ни с чем.

Меня на миг затошнило, когда перед глазами встала картина последних мгновений Дугала – как он сыпал беззвучными проклятиями, захлебываясь собственной кровью, а кинжал Джейми торчал у него из горла. «Я жесток, – сказал Джейми, – ты сама это понимаешь».

И все же он не прав. Между ним и Стивеном Боннетом огромная разница, думала я, наблюдая за движениями его тела, как он с силой и определенной грацией налегал на весла. Нет, дело не только в чести. Джейми добрый, смелый и... у него есть совесть.

Я поняла, куда мы направлялись, когда Джейми развернул лодку к устью речки, заросшему осинами. Я еще никогда не добиралась туда по воде, хотя Иокаста упоминала, что плыть недалеко.

Что ж, если Джейми сегодня решил взглянуть в глаза своим внутренним демонам, то лучше места и не сыскать. Над устьем темнела непривычно тихая лесопилка. За ней, у самого леса, слабо светились хижины рабов. Нас окружали самые обычные ночные звуки – шелест листвы, кваканье лягушек, плеск воды, но все равно царила какая-то странная тишина. Огромная постройка словно отбрасывала тень... Очевидно, это всего лишь разыгралось мое воображение.

– Людные днем места ночью кажутся особенно зловещими, – проговорила я, стараясь нарушить тишину.

– Правда? – рассеянно отозвался Джейми. – Мне и днем тут не очень-то понравилось.

Я содрогнулась, вспомнив.

– И мне. Я о том, что...

– Бирнс мертв. – Джейми смотрел в сторону лесопилки, почти отвернувшись от меня.

На его лицо падала тень от дерева.

– Надсмотрщик? Когда? – изумилась я, пораженная скорее внезапностью, чем самим известием. – И как?

– Днем. Младший сын Кэмпбелла появился с новостью перед самым закатом.

– Как? – снова спросила я, стиснув светлый шелк платья в пальцах.

– От столбняка, – спокойно ответил Джейми. – Паршивая смерть.

Тут он прав. Я никогда не видела умирающих от столбняка своими глазами, но отлично знала симптомы: возбужденное состояние, сложности при глотании и дальнейшее оцепенение, когда мышцы рук и ног начинают сокращаться сами по себе. Судороги усиливаются, пока тело

больного не становится твердым, как дерево. Он выгибается дугой от мучительной боли, что приходит и уходит, а в конце возвращается последним спазмом, который может остановить лишь смерть.

– Ронни Кэмпбелл сказал, что Бирнс умер с улыбкой на лице. Правда, сомневаюсь, что она была счастливой, – мрачно пошутил Джейми, однако веселья в его голосе звучало мало.

Я выпрямилась. По спине пробежал холодок.

– Умирал он медленно. – Подозрение охватило меня ледяными щупальцами. – Столбняк убивает за несколько дней.

– За пять, в случае Дэйви Бирнса, – заметил Джейми уже без тени смеха.

– Ты был у него! – Огонек гнева растопил внутренний холод. – И ничего мне не сказал?!

После того как я перевязала рану Бирнса – страшную, но для жизни неопасную, – меня заверили, что его временно спрячут, пока беспорядки из-за показательного линчевания не улягутся. Потрясенная всем случившимся, я так и не расспросила никого о дальнейшей судьбе надсмотрщика. А теперь ужасно злилась на себя за это упущение. Однако осознание вины не принесло мне облегчения.

– Разве ты могла что-то сделать? Сама же говорила, что такому больному и в вашем времени ничем не помочь. – Джейми не смотрел в мою сторону. Голова, повернутая к лесопилке, темнела на фоне светлой листвы.

Я заставила себя выпустить юбку из пальцев и расправила скомканную ткань.

– Да, – с трудом признала я, – ничто его не спасло бы. Но я должна была его осмотреть, может, удалось бы облегчить страдания.

Теперь Джейми взглянул на меня – я ощутила движение тела.

– Может, – ровно согласился он.

– А ты даже не... – Я запнулась, вспомнив, как Джейми исчезал всю неделю и уклончиво отвечал, когда я спрашивала, куда же он отправляется.

В голове слишком ярко возникла картина. Крошечная комнатка под самой крышей дома Фаркуарда Кэмпбелла, где я перевязывала Бирнса. Корчащийся на постели мужчина, медленно умирающий под холодными взглядами тех, кого закон сделал его союзниками поневоле. Умирающий, зная, что его презирают. По коже снова пробежали мурашки.

– Да, я не позволил Кэмпбеллу послать за тобой, – тихо сказал Джейми. – Есть закон, саксоночка... и есть справедливость. Я отлично знаю разницу.

– А еще есть милосердие.

Спроси меня кто – я назвала бы Джейми Фрейзера милосердным. Когда-то он таким был. Однако с тех пор минуло много тяжелых лет, а на сострадании слишком легко сыграть врагам. Я думала, он сохранил в себе ту доброту, и сердце обожгло странной болью от мысли, что ее больше нет.

Лодка слегка развернулась на воде, и ветвь ивы разделила нас своей завесой. Джейми хмыкнул где-то там, за листвой.

– Блаженны милостивые, – произнес он, – ибо они помилованы будут. Бирнс милостивым не был и получил по заслугам. Раз Господь его наказал, то кто я такой, чтобы вмешиваться?

– Ты думаешь, это Бог наслал на него столбняк?!

– А кто еще на такое способен? Да и вообще, – продолжил Джейми вполне логично, – к кому же еще обращаться за справедливостью?

Я отчаянно пыталась подобрать слова. Меня слегка замутило. Сдавшись, я решила прибегнуть к последнему аргументу:

– Ты должен был мне сказать. Даже если знал, что помочь ничем нельзя, не тебе решать, что...

– Я не хотел, чтобы ты там появлялась, – произнес Джейми тихо, но с ноткой стали.

– Знаю я! Но какая разница, заслуживал Бирнс...

– Да не из-за него!

Лодка резко качнулась от движения Джейми, и мне пришлось схватиться за борт.

– Мне плевать, как он умирал, легко или тяжело, но я все же не чудовище, – жестко продолжил Джейми. – Я тебя убереечь хотел, а не его заставить страдать!

Я вздохнула бы с облегчением, услышав это, однако вновь вспыхнула от злости, когда поняла, почему он так поступил.

– А это не твое дело! Если я не могу быть твоей совестью, то и ты моей не станешь!

Я раздраженно отдернула ивовый занавес, чтобы взглянуть на Джейми. Сквозь листву вдруг прорвалась рука и схватила меня за запястье.

– Мое дело – беречь тебя от опасности!

Я попыталась освободить руку, но Джейми держал крепко.

– Слушай, я не маленькая девочка, чтобы меня защищать, и уж точно не идиотка! Если мне чего-то нельзя, то объясни, и я пойму. Но не смей решать, что мне делать и где быть, даже не поговорив со мной!..

Лодка вновь накренилась, и в шуршащей листве показалась голова Джейми.

– Да я не пытаюсь решать, где тебе быть!

– Ты решил, где мне нельзя появляться, а это одно и то же!

Ивовые ветви соскользнули с его плеч. От яростного движения лодка сдвинулась с места, и мы выплыли из тени дерева.

Джейми вырос передо мной, огромный, как лесопилка за его спиной. Длинный прямой нос едва ли не ткнулся в мой, синие глаза сузились.

Я моргнула. Джейми – нет.

Запястье он выпустил, когда прошел сквозь завесу из листьев. Теперь он схватил меня за обе руки выше локтей. Я чувствовала жар его ладоней, огромных и твердых, и от этого вдруг осознала, насколько хрупки мои собственные кости. *Я жесток...*

Когда-то раньше ему удавалось встряхнуть меня пару раз. Мне не понравилось. Поэтому теперь я на всякий случай успела просунуть колено между его ног, готовая врезать по самому уязвимому месту.

– Я был не прав, – произнес Джейми.

Охваченная напряжением, я уже занесла колено и только потом расслышала его слова. Однако Джейми успел сжать мою ногу бедрами.

– Сказал же, саксоночка, я был не прав, – повторил он нетерпеливо. – Что не так?

– А... ничего, – отозвалась я, чувствуя себя немного глупо. – Отпусти, пожалуйста, а? – вежливо попросила я. Сердце еще колотилось как бешеное.

– Нет уж. Теперь ты меня выслушаешь?

– Думаю, да, – смиренно согласилась я. – Других дел у меня пока не намечается.

У Джейми дернулся уголок рта. Хватка стала сильнее, однако потом он меня отпустил.

– Очень глупая ссора вышла, ты понимаешь.

– Нет, не понимаю. – Злости у меня поубавилось, однако просто так оставлять тему я не собиралась. – Для тебя это, может, и не важно, а вот для меня – да. И это не пустяк, сам знаешь, иначе не признавал бы свою неправоту.

Губы Джейми дрогнули еще заметнее. Он глубоко вздохнул и уронил руки.

– Что ж, согласен, наверное, следовало сказать тебе про Бирнса. Но ты все равно к нему отправилась бы, даже предупреди я тебя о столбняке. Ты ведь поехала бы, зная, что ничем не сможешь помочь, верно?

– Да. Даже если... да, поехала бы.

Я и в самом деле ничего не сумела бы сделать. То «обезболивающее», что вырубил Майерса, при столбняке не помогло бы. Спазмы способен ослабить лишь укол кураре. Поэтому

Бирнса я смогла бы лишь утешить своим присутствием. Правда, сомневаюсь, что он оценил бы или вообще меня заметил.

– Я врач, – произнесла я уже мягче. – Разве ты не понимаешь?

– Понимаю, – буркнул Джейми. – Думаешь, я тебя совсем не знаю, саксоночка?

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

– О случившемся на лесопилке пошли разговоры... естественно. Когда у тебя на руках умер... ну, прямо никто не говорил, что ты убила его намеренно. Но эти мысли легко прочесть на лицах окружающих. Даже не про убийство, а что ты могла позволить ему умереть, чтобы спасти от петли.

Я уставилась на свои руки, настолько бледные, что они почти сливались с атласом платья.

– А я думала об этом.

– Знаю, – сухо отозвался Джейми. – Прочел по глазам, саксоночка.

Я глубоко вздохнула, будто хотела удостовериться, что в воздухе больше не витает запах крови. Ноздри лишь щекотал терпкий аромат соснового леса. Я вдруг живо вспомнила больницу и хвойное обеззараживающее средство, которое перебивало, но не могло избавить помещение от въевшихся в стены запахов болезни.

Еще один вздох, и я подняла взгляд на Джейми.

– Ты думал, убила ли я его намеренно?

Джейми слегка удивленно глянул в ответ.

– Ты поступила бы, как сочла нужным. – Вопрос самого убийства он опустил. – Лучше бы тебе не связываться с обеими смертями, если ты понимаешь, о чем я.

Я понимала. И уже не в первый раз убедилась, что Джейми – часть невидимых хитросплетений, которые мне никогда не постигнуть. Эти земли для него чужие, как и для меня, но он знает не только что люди вокруг говорят – это легко выяснить, стоит лишь заглянуть в таверну или пройти по рынку. Джейми знает, как люди мыслят.

А еще больше меня раздражало, что он знает, как мыслю я.

– Так вот, – продолжил он, – я видел, что Бирнс умирает и что ты ничем ему не поможешь. Узнай ты о его болезни, то сразу же отправилась бы к нему. А после его смерти... люди, может, и не стали бы обсуждать, мол, странно, что оба умерли, так сказать, на твоих руках, но...

– Они бы об этом думали, – закончила я.

Джейми криво усмехнулся.

– Тебя сложно не заметить, саксоночка.

Я закусила губу. Не знаю, хорошо это или плохо. Такое внимание уже не раз могло стоить мне жизни.

Джейми встал. Придерживаясь за ветку, он шагнул на землю и накинул на плечо плед.

– Сказал миссис Бирнс, что заберу пожитки ее мужа с лесопилки. Можешь подождать здесь.

Лесопилка мрачно вздымалась на фоне звездного неба. Зловещей некуда. *Куда ты пойдешь, туда и я пойду...*

Вот чего он хочет. Осмотреться, прежде чем принять решение. Увидеть все, сознавая, что оно может принадлежать ему. Пока мы гуляли по садам, плыли по реке мимо сосен и теперь добрались до лесопилки, Джейми изучал предложенные земли, взвешивая и оценивая, желая представить, с какими сложностями придется столкнуться и сможет ли он принять этот вызов.

В конце концов – промелькнула горькая мысль – Дьявол так настойчиво показывал Иисусу то, что Он отвергал, возвел его на вершину Храма, чтобы Он взглянул на все города мира. Увы, в нашем случае, если Джейми решит сигануть вниз, вряд ли неподалеку окажется ангельское войско, которое не позволит ему переломать ноги – и все остальное – о шотландский гранит.

Только я.

– Погоди, – промолвила я, выбираясь из лодки. – Я с тобой.

Во дворе лесопилки по-прежнему высились кипы бревен. Ночь скрадывала расстояние, и груды свежей древесины будто парили над невидимой землей то где-то вдалеке, то совсем рядом. Пахло елью и опилками.

Из-за темноты и собственных пышных юбок я совершенно не видела, куда ступаю. Джейми придерживал меня под руку. Сам он, конечно, никогда не спотыкался. Прожив почти всю жизнь там, где вне стен дома после заката не бывает ни лучика света, он выработал некое чутье, как у летучей мыши.

Среди хижин рабов горел одинокий костер. Наверняка там спят, час поздний. В Ост-Индии всю ночь гремели бы барабаны, всю неделю рабы громко оплакивали бы покойного собрата. Здесь же стояла тишина, лишь поскрипывали на ветру ветви сосен да мигал слабый огонек у самого края леса.

– Они боятся, – негромко сказал Джейми, замерев и прислушавшись.

– Неудивительно, – буркнула я себе под нос, – я тоже.

Джейми хмыкнул.

– И я. Только не призраков, – пробормотал он и распахнул боковую дверь лесопилки.

Тишина внутри была осязаемой. Сперва она показалась мне зловещей, подобно той, что охватывает поле битвы после сражения. Потом я поняла: здесь тишина была живой.

Я глубоко вдохнула и похолодела от ужаса. Пахло кровью. Свежей. Я вцепилась в руку Джейми. Он тоже почувал неладное – мышцы под моей ладонью напряглись, – молча высвободился и исчез в темноте.

На мгновение мне почудилось, что он и в самом деле исчез. Я попыталась его коснуться, но пальцы схватили лишь воздух, и я чуть было не ударилась в панику. Однако потом сообразила – Джейми попросту накинул на голову темный плед, скрыв под ним светлое лицо и рубашку. Послышались шаги, быстрые и легкие; затем они стихли.

Неподвижный горячий воздух пропах кровью. Омерзительной, сладковатой вонью, от которой на языке оставался металлический привкус. Прямо как неделю назад. Перед глазами тут же возникли видения. Я рывком развернулась и, охваченная липким страхом, уставилась на дальний конец просторного помещения. Мне мерещилось, что из темноты вот-вот выступят образы, вьевшиеся в память. Натянутая веревка, огромный крюк, стонущая жертва...

В тишине раздался стон. Крик комом встал в горле – от опрометчивых звуков меня удерживал страх привлечь чужое внимание.

Где же Джейми? Я отчаянно хотела его позвать, но не осмеливалась. Глаза привыкли к темноте, и я уже различала очертания пилы – нечеткое пятно неподалеку, – однако дальнюю стену по-прежнему скрывала черная пелена. Я напрягла глаза, запоздало сообразив, что меня саму очень легко рассмотреть из-за светлого платья.

Стон повторился, и я подскочила. Ладони взмокли. Нет, твердо сказала я себе. Нет, не может быть!

Оцепенев от страха, я не сразу поняла, что звук донесся не из темноты, где стоял подъемник с крюком, а откуда-то сзади. Я развернулась – и ничего не увидела, кроме белеющего прохода открытой двери. Я быстро шагнула к ней, готовая рвануть прочь, подальше от этого проклятого места, но замерла. Я не могла бросить Джейми.

Опять этот полный муки всхлип, словно от боли жертва уже не в состоянии позвать на помощь. А вдруг это... Джейми?

Наплевав на предосторожность, я громко выкрикнула его имя. Звук отразился эхом от высокого полотка.

– Джейми! Да где же ты?!

– Здесь, саксоночка, – раздался откуда-то слева его взволнованный голос. – Подойди-ка сюда, а?

С ним все в порядке! Я едва не разрыдалась от счастья и побрела сквозь тьму. Плевать, кто там издает эти звуки, главное, что не Джейми.

Ладонь уткнулась в деревянную стену. Я слепо зашарила по ней, пока не нащупала открытую дверь. Жилище надсмотрщика!

Внутри воздух был плотнее, жарче, чем в самой лесопилке. Деревянный пол скрадывал шаги. Запах крови усилился.

– Где ты? – снова позвала я, теперь уже шепотом.

– Тут, – отозвался Джейми совсем рядом. – У постели. Помоги, здесь девчонка.

Я обнаружила их на ощупь в крошечной спальне без окон: Джейми на коленях у узкой кровати, а на ней – тело.

Дотронувшись, я сразу поняла, что это женщина, как Джейми и сказал. А еще, что она истекает кровью. Щека, которой я коснулась, была прохладной и липкой. Все остальное – теплым и влажным. Даже юбка намочила, когда я опустилась на пол.

Пульс на шее я не нашла. О том, что девушка жива, говорили заметно вздымающаяся грудь и еле слышное дыхание.

– Все хорошо, – услышала я свой голос словно со стороны, ровный и спокойный, без следа паники. Хотя сейчас для нее было самое время. – Ты не одна, мы рядом. Что с тобой?

Мои руки сами собой скользили по ее голове, шее, груди и животу, сдвигали насквозь вымокшую одежду в поисках раны, но ничего не находили. Ни разорванной артерии, ни пореза. И все время я слышала тихое *кап-кап, кап-кап*, как будто рядом топали крохотные ножки.

– Скажи... те... – послышалось даже не слово, а выдох.

– Кто это с тобой сделал, милая? – прозвучал бестелесный голос Джейми, негромкий, но настойчивый. – Кто?

– Скажи... те...

Я проверила все места, где под кожей пролегалли крупные сосуды. Они оказались целы. Приподняла девушку за безвольную руку и прощупала спину, где сосредоточилось все тепло ее тела. Корсаж вымок от пота, однако и там крови не было.

– Все хорошо, – повторила я. – Ты не одна. Джейми, возьми ее за руку.

Меня охватило отчаяние – я начинала понимать, в чем дело.

– Уже, – сообщил Джейми и снова обратился к несчастной: – Не волнуйся, все будет в порядке, слышишь?

Кап-кап... кап-кап... Крошечные ножки замедлили шаг.

– Скажи... те...

Ничего не поделаешь. Я вновь скользнула ладонью под юбку, на этот раз – между разведенных бедер. Там все еще было тепло. Кровь мягко хлынула по пальцам, горячая и липкая, как воздух вокруг нас, и неукротимая, как поток, вращающий водяное колесо мельницы.

– Я... умираю...

– Тебя убили, милая, – произнес Джейми. – Скажи кто, а?

Из ее горла вырвался хрип. *Кап-кап. Кап...* Теперь ножки едва слышно шагали на цыпочках.

– Сер... жант... Скажи... те... ему...

Я убрала руку из-под юбки и сжала вторую ладонь девушки, не боясь испачкать ее кровью. Едва ли это имело значение.

– Скажи!.. – раздалось с неожиданной силой, и воцарилась тишина.

Тяжелый вздох – и снова тишина, теперь дольше. Еще вздох.

– Хорошо, – отозвался Джейми шепотом. – Я ему расскажу, обещаю.

Кап.

Кап.

В горах Шотландии это называют «каплей смерти» – звук капающей воды в доме, где вот-вот умрет кто-то из обитателей. Здесь была не вода, но знак оставался знаком.

Теперь из темноты не доносилось ни звука. Я почувствовала, как Джейми наклонился.
– Господь тебя помилует, – шепнул он. – Покойся с миром.

Я расслышала жужжание, как только мы следующим утром шагнули в жилище надсмотрщика. Огромная пыльная лесопилка поглощала все звуки, однако здесь, в отдельных комнатах, стены отражали каждый шорох. Я почувствовала себя мухой, застрявшей внутри барабана. Меня чуть не охватил приступ клаустрофобии в узком проходе, учитывая, что я еще и шла между двумя мужчинами.

Жилище надсмотрщика состояло из двух помещений, разделенных коридорчиком, который вел наружу. Справа располагалась комната побольше, служившая Бирнсам гостиной и кухней, а слева – спальня, откуда и доносился звук. Глубоко вздохнув, Джейми прижал к лицу край пледа и толкнул дверь.

На кровать словно набросили покрывало – свинцовое, с зеленоватым отливом. А потом Джейми сделал шаг, и мухи взвились, с негодованием жужжа, что кто-то осмелился прервать их трапезу.

Я едва успела закусить губу, чтобы не вскрикнуть от омерзения, и замахала руками. Жирные мухи врезались в меня, лениво кружа в душном пространстве. Фаркуард Кэмпбелл фыркнул с крайним отвращением и протолкнулся мимо, сощурившись и плотно сжав губы. Ноздри у него побелели от напряжения.

Крошечная спальня размерами напоминала гроб. Окон в ней не было, а тусклый свет пробивался лишь сквозь щели в досках. Стояла жара и влажность, как в тропической оранжерее. По коже миглом заструился пот, щекотный, как лапки мух. Нестерпимо воняло сладковатой гнилью – разложением. Я старалась дышать только ртом.

Под простыней, которую мы приличия ради накинули на нее ночью, мертвая девушка казалась почти незаметным бугорком. Голова выглядела несоразмерно огромной по сравнению со съжившимся телом, словно на детском рисунке – круг и конечности-палочки.

Джейми смахнул несколько чересчур обожравшихся мух и откинул простыню. Она, как и все вокруг, была покрыта пятнами засохшей крови, а в ногах – и вовсе по-прежнему влажной. Человеческое тело содержит в среднем восемь пинт крови; порой кажется, что ее намного больше.

Ночью я лишь мельком успела увидеть лицо девушки. Теперь оно, пожелтевшее и заострившееся, смотрело на меня из-под копны каштановых волос. Возраст определить я не смогла, хотя покойная была достаточно молода. Красивой я ее не назвала бы, но когда-то розовые округлые щечки и блеск в глазах явно привлекали мужчин. Одного уж точно.

Джейми негромко переговаривался с Кэмпбеллом. Тот повернулся ко мне; лицо, обрамленное парадным париком, хмурилось.

– Миссис Фрейзер, вы уверены в причине смерти?

– Да. – Стараясь лишний раз не вдыхать смрад, я отбросила простыню с ног трупа. Ступни успели посинеть и начали раздуваться. – Пришлось задрать юбку, остальное я не трогала, – пояснила я, повторяя свои действия.

Мышцы живота напряглись, когда я коснулась трупа. Я много раз видела мертвецов, причем куда в худшем состоянии, однако в здешнем жарком климате и замкнутом пространстве тело не остыло. Бедро казалось теплым, почти как мои пальцы, разве что неприятно дряблым.

Я оставила его там, где нашла, – на постели между ног девушки. Кухонный вертел, чуть больше фута длиной, покрытый засохшей кровью.

– Я... не смогла найти рану на самом теле, – как можно деликатнее выразилась я.

– Ясно. – Лицо Кэмпбелла слегка просветлело. – По крайней мере, теперь ясно, что это не преднамеренное убийство.

Я открыла было рот для ответа, однако заметила предупреждающий взгляд Джейми. Кэмпбелл тем временем продолжал:

– Остается вопрос, сделала ли бедняжка все сама или ей помогли. Как считаете, миссис Фрейзер?

Мы уже обсуждали план действий ночью и сами пришли к выводам. Например, что нашим мнением не стоит делиться с представителями закона и правопорядка в Кросс-Крике, по крайней мере пока. Поэтому я слегка зажала нос, якобы спасаясь от ужасной вони, а на самом деле скрывая выражение лица. Я категорически не умела врать.

– Уверена, несчастная сделала все сама, – твердо отозвалась я. – От такой раны быстро истекают кровью. Как Джейми вам сообщил, она была еще жива, когда мы ее обнаружили. До того мы некоторое время беседовали у лесопилки, так что никто не мог выйти незамеченным.

С другой стороны, у неизвестного была возможность спрятаться во второй комнате и тайком прокрасться под покровом тьмы, пока мы утешали умирающую. Правда, если Кэмпбелл сам не сообразил, то зачем ему на это указывать?

Он повернулся к Джейми, и тот мигом изобразил на лице приличествующее мрачное выражение. Кэмпбелл печально покачал головой.

– Бедная девчонка!.. Что ж, мы можем вздохнуть с облегчением, что никто не разделил с ней этот грех.

– А как же мужчина, зачавший ребенка, от которого она пыталась избавиться? – достаточно ядовито промолвила я.

Кэмпбелл изумился, но быстро взял себя в руки.

– Мм... что ж... – Он кашлянул. – Мы, конечно, не знаем, была ли она замужем...

– То есть, сэр, вы не знаете, кто она? – вставил Джейми, прежде чем я снова не брякнула что-нибудь.

Кэмпбелл покачал головой.

– Она точно не из слуг мистера Бьюкенена или Макнилов. И не судьи Элдердайса. Это владельцы ближайших плантаций, откуда она могла прийти. Однако тут я начинаю задаваться вопросом: отчего она пришла именно сюда, дабы совершить столь отчаянный поступок?..

Мы с Джейми тоже уже успели об этом подумать. Прежде чем Кэмпбелл успел продолжить мысль, Джейми заговорил вновь:

– Из последних сил она упомянула некоего сержанта. «Скажите сержанту», если точнее. Кого она имела в виду?

– Кажется, охраной королевских складов заведует какой-то сержант. Да, точно. – Мистер Кэмпбелл оживился. – Ага! Девушка, без сомнения, как-то связана с военным ведомством. Впрочем, мне все же любопытно, почему она...

– Мистер Кэмпбелл, прошу меня простить... боюсь, я неважно себя чувствую, – перебила я, коснувшись его руки.

Даже не пришлось врать – ночью я так и не сомкнула глаз, а за завтраком не проглотила ни крошки. От жары и вони кружилась голова, и я наверняка порядком побледнела.

– Не могли бы вы проводить мою жену наружу, сэр? – обратился к Кэмпбеллу Джейми и кивнул на постель со скорчившейся покойницей. – А я вынесу бедняжку.

– Мистер Фрейзер, не стоит беспокоиться, умоляю, – запротестовал тот, сопровождая меня к выходу. – Мой слуга заберет тело.

– Это лесопилка моей тетушки, значит, беспокоиться стоит, – вежливо, но твердо отозвался Джейми. – Чем я и займусь.

Федра ждала снаружи, у повозки.

– Говорила же вам, что там полно привидений. – Она оглядела меня с мрачным удовлетворением. – Вы бледная как полотно, мэм. – Федра вручила мне флягу вина с пряностями и изящно сморщила носик. – А пахнете еще хуже, чем вчера, и выглядите будто вышли со скотобойни. Присядьте тут в тени, выпейте.

Она уставилась на что-то за моим плечом. Я оглянулась и увидела, что Кэмпбелл уже стоит у платанов, растущих на берегу реки, и оживленно беседует со слугой.

– Нашла ее, – шепнула Федра. Взгляд девушки метнулся к горстке хижин, едва заметных с этой стороны лесопилки.

– Уверена? У тебя было мало времени.

Я подержала вино во рту. Резкий букет, к моему вящему удовольствию, помогал избавиться от гадкого привкуса смерти.

Федра кивнула и снова глянула на мужчин в тени деревьев.

– А много и не надо. Прошлась по домишкам, в одной дверь была открытой, и все разбросано, будто кто-то спешил. Наткнулась на негритенка и спросила, кто там живет. Он сказал, что Поллианна, но она ушла, и он не знает куда. Спросила, когда она ушла, а он и говорит, что на ужине была, а утром ее уже никто не видел. – Глаза Федры потемнели от любопытства. – Теперь вы знаете, что делать?

Чертовски хороший вопрос, только как на него ответить? Я проглотила вино, а заодно и страх, комом вставший в горле.

– Рабам наверняка известно, что она пропала. Как скоро узнают остальные? Кто за это все должен отвечать, после смерти Бирнса?

Федра грациозно приподняла плечо.

– Кто спросит, тот сразу узнает. Но кто должен задавать вопросы? – Она кивнула на лесопилку. В открытой двери показался Джейми с завернутой в простыню ношей на руках. – Кажется, он.

«*Я уже вмешался*». Без всяких объявлений, без приглашений и согласий, он просто занял свое место, как недостающий кусочек мозаики. Он уже стал хозяином поместья, независимо от его желаний.

Слуга Кэмпбелла поспешил на помощь. Джейми бережно опустил свою ношу на землю, у лесоспуска. Я с благодарным кивком вернула флягу Федре.

– Захвати вещи, ладно?

Федра молча принялась доставать все необходимое – подстилку, ведро, чистые тряпки и кувшин с травами, – а я направилась к Джейми.

Он стоял на коленях и мыл руки в реке, чуть выше по течению от места, где оставил труп. Глупо отмываться перед работой, но привычка была сильнее меня. Я присоединилась к Джейми и макнула руки в воду. Прохладное течение уносило прочь воспоминания о липкой мертвой плоти под пальцами.

– Я права, – шепнула я. – Женщину зовут Поллианна, сбежала она ночью.

Скорчив гримасу, Джейми оглянулся через плечо. Кэмпбелл стоял возле покойницы. На его лице по-прежнему читалось легкое отвращение. Нагнувшись, Джейми как следует умылся, а затем затряс головой, разбрызгивая капли, как мокрый пес. Потом кивнул мне и встал, вытираясь краем грязного пледа.

– Займись нашей бедняжкой, ладно?

Джейми решительно зашагал к мистеру Кэмпбеллу.

Одежда покойнице была ни к чему, поэтому я просто-напросто ее срезала. Раздетая, девушка выглядела лет на двадцать. Тощая, с торчащими ребрами и тоненькими, как пру-

тики, ручками-ножками. Однако она оказалась на удивление тяжелой, да и трупное окоченение добавляло нам сложностей. Мы с Федрой успели порядком вспотеть, пока трудились.

По крайней мере, это занятие мешало разговорам, и я могла спокойно подумать. Хотя спокойными мои мысли назвать было сложно.

Если женщина хочет, как выразился Джейми, «вытравить ребеночка» самостоятельно, она сделает это в собственной постели. Значит, единственная причина, чтобы забраться так далеко, – встретиться с кем-то, кто предложил свои услуги, а к ней попасть не может.

Я уже говорила, что надо искать среди рабов, живущих на лесопилке. Женщину, известную, как повитуха, например. О ком другие женщины говорят только между собой и шепотом.

То, что я, по всей видимости, была права, нисколько меня не радовало. Повитуха сбегала, испугавшись, что умирающая успела о ней рассказать. Если бы Поллианна осталась и просто промолчала, Фаркуард Кэмпбелл поверил бы мне на слово, что несчастная истекла кровью по своей вине. А вот если побег Поллианны обнаружится – само собой! – ее поймут, допросят, и вся правда выплывает наружу. И что тогда?

Интересно, применяют ли и здесь закон о пролитой крови? «Наверняка», – мрачно размышляла я, выливая очередное ведро воды на безвольное мертвое тело.

Чертова идиотка, обругала я покойницу, стараясь заглушить бесполезную жалость злостью. Чем я могу ей помочь? Да ничем, разве что разобраться с той кашей, которую она заварила. И, наверное, попытаться спасти еще одну участницу трагедии, злополучную повитуху, которая невольно стала убийцей, хотя всего лишь хотела помочь. А теперь должна заплатить за эту ошибку собственной жизнью.

Я заметила флягу в руках Джейми. Они с Кэмпбеллом время от времени к ней по очереди прикладывались и оживленно беседовали, то и дело указывая на лесопилку или на город вдаль.

– Мэм, у вас есть гребень? Ее расчесать бы.

Вопрос вернул меня в реальность. Федра сидела на корточках у трупа, стараясь распутать каштановые пряди пальцами.

– Нельзя же бедное дитя хоронить в таком виде, – покачала она головой.

«Дитя» из уст Федры, которая выглядела немногим старше покойницы, прозвучало странно, да и трупу уже было все равно, каким его положат в могилу. Однако я извлекла из кармана гребешок из слоновой кости, и Федра принялась за работу.

Мистер Кэмпбелл готовился к отбытию. Лошади нетерпеливо переминались с ноги на ногу. Скрипнули козлы – кучер занял свое место. Поймав мой взгляд, Кэмпбелл снял шляпу и учтиво поклонился. Я быстро присела в ответном реверансе и вскоре уже с облегчением смотрела вслед экипажу. Федра тоже оставила свое занятие. Она что-то пробормотала вполголоса и сплюнула в пыль – не со зла, а защищаясь от недобрых сил, я уже видела такой «ритуал».

– Лучше бы мистер Джейми нашел эту Поллианну до заката. В лесу полно диких зверей, а мистер Улисс говорит, она двести фунтов стоила, когда мисс Июкаста ее покупала. Леса эти Поллианна не знает, она прямиком из Африки, здесь только с год, – проговорила Федра и вернулась к работе. Темные пальцы, как пауки, быстро и ловко заскользили по гладким волосам трупа. Я тоже наклонилась, пораженная внезапным открытием – цепочка событий, которая втянула Джейми во все это, ухватила и меня. Я больше не стояла в стороне, как думала раньше. И не смогу отойти в сторону, как бы мне того ни хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.